

От грамматики до прагматики

Сборник статей ко дню рождения

Екатерины Юрьевны Груздевой



Сохранившая язык:

Институт языкознания РАН
Научный центр по сохранению, возрождению и документации языков России

СОХРАНЯЯ ЯЗЫКИ: от грамматики до прагматики

**Сборник статей ко дню рождения
Екатерины Юрьевны Груздевой**



Издательство «TERRA LUDENS»
Москва 2025 Helsinki

Сохраняя языки: от грамматики до прагматики. Сб. ст. ко дню рождения Екатерины Юрьевны Груздевой / Ред.-сост. А. А. Сюрюн, М. А. Каде. А. П. Евстигнеева. — М., Хельсинки: Изд-во «Terra Ludens», 2025. — 241 с.

Preserving languages: from Grammar to Pragmatics. Festschrift for Ekaterina Gruzdeva. A. A. Syuryun, M. A. Kade, A. P. Evstigneeva (eds). Moscow, Helsinki: Terra Ludens, 2025. 241 p.

Сборник статей подготовлен ко дню рождения Е. Ю. Груздевой и включает статьи российских и зарубежных коллег, посвященные основным направлениям ее исследований. Для широкого круга специалистов по теоретической и прикладной лингвистике.

Оформление переплета: Мария Эмилия Александровна Винклер «Современный дагестанский ковер (по мотивам табасаранских ковров) и кубачинский кувшин».

Материалы сборника доступны по следующей ссылке
<https://mnogoyaz.iling-ran.ru/media/documents/preserving-languages>



ISBN 978-952-88-1151-0 (печатное издание)
ISBN 978-952-88-1152-7 (PDF)

©Коллектив авторов, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	5
<i>Marianne Mithun. Shades of relative time: the grammar of pasts</i>	6
<i>Juha Janhunen. Issues of comparative Uralic and Altaic Studies (11):</i> Notes on con-forms in languages of the Ural-Altaic sphere	32
<i>Martin Haspelmath. Numeratives in the languages of Asia and beyond</i>	42
<i>Edward Vajda. Degrees of lexicosyntactic coherence in Ket and Nivkh</i>	72
<i>Elisabetta Ragagnin. Glimpses on Turkic cessative markers</i>	98
<i>Елена Перехвальская. Адверсативный пассив в удэгейском языке</i>	104
<i>Татьяна Давидюк. Согласование по роду в показателях претерита в амукском и анклухском диалектах цудахаро-сирхинского языка</i>	117
<i>Дарья Жорник, Василий Харитонов. Оценка состояния мансийского языка в пгт. Берёзово ХМАО—Югры</i>	124
<i>Mehmet Muslimov. Erosopjuus nomina-kihermis Inkermuan kielis ja sukulaiskielis</i>	155
<i>Hiroshi Nakagawa. The current state of the Ainu language revitalization movement</i>	163
<i>Alfred Majewicz. The case of Japanese case: a birthday layer cake with the collected works of Bronisław Piłsudski as background</i>	181
<i>Илья Грунтов, Ольга Мазо. Некоторые хамниганские загадки из собрания Ц. Жамцарано и их лингвистические особенности</i>	205
<i>Вячеслав Иванов, Аржаана Сюрюн. Рассказ «Побег» Манидари Галсановны Сариевой на хамниганском языке</i>	231
Tabula gratulatoria	241

От составителей

Екатерина Юрьевна Груздева посвятила много лет лингвистике и преподавательской деятельности, своим студентам, исследованиям в области ревитализации и поддержки языков, в первую очередь, нивхскому языку и нивхскому сообществу.

В 2021 году она была приглашена руководить новым подразделением Института языкознания РАН — Научным центром по сохранению, возрождению и документации языков России — и с первого дня демонстрировала свое стратегическое видение и четкое понимание приоритетных вопросов в области сохранения и развития языков, определяя наиболее актуальные направления и задачи, в том числе в области исследований такой сферы, как языковая политика. Сотрудникам Научного центра неимоверно повезло работать под руководством Екатерины Юрьевны. Ее многогранность и качества выдающегося ученого и вдохновляющего лидера заряжали коллектив энергией и придавали легкости. Екатерина Юрьевна руководила работой Научного центра с мудростью и заботой, помогая его сотрудникам при возникновении любых сложностей на всех этапах исследования от поиска релевантной литературы до написания отчета. Не будет преувеличением сказать, что сотрудники Научного центра приобрели бесценный опыт и стремятся придерживаться принципов, заложенных Екатериной Юрьевной, в своей научной и прикладной работе.

Тематическое разнообразие статей настоящего сборника отражает широту интересов Екатерины Юрьевны — общее языкознание, лингвистическая типология, социолингвистика, полевая лингвистика, языки России и мира, вопросы документации и ревитализации языков, взаимодействия с языковым сообществом. Статьи охватывают широкий спектр тем от грамматических категорий времени и числа до проблем сравнительного языкознания и полисинтетизма. Рассматриваются специфические грамматические явления в отдельных языках, таких как цухахаро-сирхинский, удгейский, нивхский и кетский, а также в тюркских языках. Кроме этого, представлена статья, рассматривающая японский язык в контексте трудов Бронислава Пилсудского. Несколько работ посвящены вопросам сохранения и возрождения языков, включая мансийский, ижорский и айнский. Отдельную группу составляют хамниганские статьи, основанные на архивных и полевых материалах.

Дорогая Екатерина Юрьевна, Екатерина, Катя, примите наши искренние поздравления с днем Вашего рождения! Мы Вас любим и ценим!

Marianne Mithun

University of California, Santa Barbara

SHADES OF RELATIVE TIME: THE GRAMMAR OF PASTS

Abstract

As ever fewer languages are being spoken by strong first-language speakers, we risk losing opportunities for understanding the often delicate ways languages can differ in their conceptual structuring of reality. This is a loss both for heritage speakers of these languages and for linguistics as a whole. Ekaterina Gruzdeva has made major contributions to the fields of language typology, documentation, particularly of minoritized languages, and revitalization, as well as to our understanding of the potential effects of language shift in a wide range of areas of grammatical structure, among them the expression of time, number, possession, negation, imperatives, evidentiality, finiteness, clause structure, direct and reported speech, and more. Here that first area, the grammatical specification of past time, is described in Mohawk (Kanien'kéha', MOH), a language once endangered by language shift, but currently an inspiring model of revitalization. Examination of the structures in spontaneous speech by skilled first-language speakers reveals rich subtleties that are now highly appreciated by the new heritage speakers.

1. The Grammatical Expression of Time

As is well known, languages vary in their numbers of obligatory and optional tense and aspect distinctions. Some contain no tense distinctions at all, though time can be expressed in other ways, as with words and phrases meaning 'long ago', 'in the past', 'formerly', 'right now', 'tomorrow', etc. Some have just two inflectional tense categories, often either past versus non-past, or future versus non-future. Many have three: past, present, and future. Some make finer distinctions of remoteness for past and/or future time. Similar cross-linguistic differences can be seen in the area of aspect. Some languages contain no inflectional aspectual distinctions at all. Some distinguish just perfectives and imperfectives. Some contain finer imperfective categories, such as progressives and habituals. Statives may constitute a category of their own, or be grouped with perfectives or imperfectives.

Cross-linguistic differences are not limited to numbers of categories. An additional dimension is the distinction between absolute tense, where the reference point or deictic center is the moment of speaking, and relative tense, where it may be some other point in time established by the syntactic or discourse context. Here the value of observing language in use for refining our understanding of such distinctions is illustrated with examples from Mohawk, a language of the Iroquoian family.

2. The Mohawk Language and Its Basic Categories

Mohawk (Kanien'kéha', MOH) is spoken in northeastern North America. The six major Mohawk communities are in modern Quebec, New York State, and Ontario. The language is polysynthetic, with potentially complex verbs. It is head-marking, with core arguments identified by pronominal prefixes in every verb. There is noun incorporation, whereby noun stems can appear inside of verbs. Morphological verbs may function not only as predicates, but also as referring expressions and as complete clauses in themselves. Morphological nouns generally have somewhat simpler internal structures. These always serve as referring expressions. There is no nominal case marking. Particles, which by definition have no internal morphological structure (though they may be compounded), serve a variety of syntactic, discourse, and social functions. Examples cited here are drawn from a corpus of unscripted speech in a variety of genres including conversation, from more than 80 skilled first-language speakers.

Mohawk is distinguished by a long cultural tradition of appreciating and cultivating linguistic virtuosity at all levels of formality, from ceremonial oratory through dramatic tales to colorful conversation and jokes. Fortunately, there are still highly skilled first-language speakers, though nearly all were born before 1950. But there is an extraordinary new generation of strongly motivated second-language speakers who are or are becoming fluent. They provide an example of the kind of zest for understanding the complexities of their rich heritage that is emerging in communities around the globe.

All Mohawk verbs denoting events, apart from imperatives, are obligatorily inflected for one of three aspects: Habitual, Stative, or Perfective (also termed Punctual). Perfectives are further obligatorily inflected with prefixes as Past (termed Factual), Future, or Irrealis (also termed Indefinite tense).

(1) Basic tense and aspect inflection

Habitual	<i>katekâ:t-ha'</i>	'I burn it'
Stative	<i>wakatekâ:t-on</i>	'I have burned it'

Perfective		
Factual	<i>wa'-katé:ka't-e'</i>	'I burned it'
Future	<i>en-katé:ka't-e'</i>	'I will burn it'
Irrealis	<i>a:-katé:ka't-e'</i>	'I might, should burn it'

Examples are given here in the standard orthography. Most symbols have their usual interpretation. There are two nasalized vowels, <en> (IPA ɛ̃) and <on> (IPA ɔ̃). The palatal glide, which occurs only before vowels, is written <i> (IPA j). Glottal stop is written with an apostrophe <'> (IPA ʔ). Vowel length is indicated by a colon <: >, stress with rising tone is shown by an acute accent <' >, and stress with rising then falling tone by a grave accent <` >. Examples of connected speech are arranged such that each left-aligned line represents a separate intonation unit or prosodic phrase. Indented lines continue the intonation unit from the line above.

As noted, all verbs contain a pronominal prefix identifying their core arguments. There are three pronominal prefix paradigms: one for grammatical Agents, one for grammatical Patients, and one for Agent>Patient combinations. (Neuters are not overtly marked unless there are no other core arguments.) Grammatical Agents are essentially those in control, and grammatical Patients those not in control, but affected, though the paradigms are now lexicalized for each verb stem. The pronominal prefixes in the verbs in (1) above are *k-* first person singular Agent and *wak-* first person singular Patient.

Verbs fall into two main types: Event verbs and Stative-only verbs. Event verbs, like 'burn' above, occur in all three aspects: Habitual, Stative, and Perfective. The Stative forms of event verbs have one of two meanings, either perfect or progressive. Perfects describe a current state resulting from a previous event. Some examples of Mohawk event Statives with perfect meanings are *wakenóhar-(e)'* 'I **have** washed it', *wakhwáner-en* 'I **have** tied it up', *wakahtà: '-on* 'I **have** gotten full (from eating)', and *wakatekà:t-on* 'I **have** burned it'. Chafe characterizes events of this type as 'consequential': "The event results in a new state of affairs that is significantly different from the way things were before the event took place, a state of affairs that is significant enough to be often talked about" [Chafe 1980: 44]. If I have washed something, it is now clean. If I have tied something up, it is now tied up. If I have gotten full, I am now full. If I have burned something, it is now burnt. Non-consequential Stative verbs have progressive meanings: *wakaterén:note'* 'I **am** singing', *wákhthar-e'* 'I **am** talking', *tewakenonniáhkwen-en* 'I **am** dancing', *wakaterò:-en* 'I **am** watching', and *wakashé:t-on* 'I **am** counting'. Singing, talking, dancing, watching, and counting usually leave no noticeable effects once they stop.

The single argument of intransitive Stative event verbs is always a grammatical Patient as in **wak-atkà:ton** ‘I have burned it’.

There is also a large set of Stative-only verbs, verbs that occur only in the Stative aspect. Some examples are in (2). The main Stative suffixes are *-e*, *-* (with epenthetic *-e-* when it follows a consonant, indicated below with parentheses), *-en*, *-on*, and zero. The forms of the suffixes are lexicalized with each verb.

- (2) Some Stative-only verbs
- | | |
|----------------------|-------------------------|
| <i>ke'shátst-e'</i> | ‘I am strong’ |
| <i>kítskot-(e)'</i> | ‘I am seated’ |
| <i>keksa'táks-en</i> | ‘I am a naughty child’ |
| <i>kanó:r-on</i> | ‘it is dear, expensive’ |
| <i>wakí:ten</i> | ‘I am poor’ |

Some Stative-only verbs occur with grammatical Agent prefixes, like the *k-* of ‘I am strong’, while others occur with grammatical Patient prefixes, like the *wak-* of ‘I am poor’. To some extent, Stative-only verbs with Agent prefixes tend to denote inherent states, and those with Patient prefixes denote resultant states, though again the paradigm is lexicalized with each verb.

Additional aspectual meaning can be added to Stative verbs with a Progressive suffix: *-hatie'*, *-atie'*, or *-tie'*.

- (3) Progressives
- | | |
|------------------------------|--------------------------------|
| <i>iowistanaw'-en-hátie'</i> | ‘it is melting’ |
| <i>iohton'-on-hátie'</i> | ‘it is disappearing’ |
| <i>wakkarat-ón-tie'</i> | ‘I m telling a story’ |
| <i>iotshatar-átie'</i> | ‘a cloud is passing by’ |

3. Markers of Past Time

Past time is marked in several ways in Mohawk. Perfective aspect verbs normally express an event conceived of in its entirety, complete with beginning and end. Past tense on these verbs is marked with what is termed the Factual prefix *wa'-/wa-/w-*, as seen in **wa'-katé:ka'ie'** ‘I burned it’ in (1) above.

Imperfective verbs, that is, Habitual and Stative aspect verbs, can be marked as Past with one of two suffixes: *-kwe'* or *-hne'*. The first, *-kwe'*, is added to Habitual verbs, with aspect suffixes *-s*, *-e's*, or *-ha'*, and Stative verbs with suffixes *-e'* and *-*. (Again, epenthetic *(e)* is marked here with parentheses; it does not enter into the determination of basic penultimate stress.) The resulting combinations are in (4).

- (4) Past forms in *-kwe'*
- | | | | | | |
|---------------|-----------|---|----------------|---|-----------------|
| Past Habitual | <i>-s</i> | + | <i>-kw(e)'</i> | > | <i>-skw(e)'</i> |
|---------------|-----------|---|----------------|---|-----------------|

Past Habitual	-e's	+	-kw(e)'	>	-e'skw(e)'
Past Habitual	-ha'	+	-kw(e)'	>	-hahkw(e)'
Past Stative	-e'	+	-kw(e)'	>	-ehkw(e)'
Past Stative	-(e)'	+	-kw(e)'	>	-ahkw(e)'

Certain verb stems have alternating forms ending in glottal stop or *t*, like *-i'teron' / -i'teront-* 'reside'. The basic Stative forms of these end in glottal stop, but the past Statives are based on the forms ending in *t*: *-t-ahkwe'*. (In some dialects the consonant *k* has shifted to *t* before the palatal glide, spelled *i*.)

(4)	Pasts in <i>-kwe'</i>		
	Habitual	<i>wa'kó:rat-s</i>	'I hunt'
	Past Habitual	<i>wakató:rat-s-kwe'</i>	'I used to hunt'
	Habitual	<i>kahténtie's</i>	'I go away'
	Past Habitual	<i>kahténti-e's-kwe'</i>	'I used to go away'
	Habitual	<i>kahronk-ha'</i>	'I understand the language'
	Past Habitual	<i>kahrónk-hah-kwe'</i>	'I understood the language'
	Stative	<i>wakió't-e'</i>	'I am working'
	Past Stative	<i>wakió't-eh-kwe'</i>	'I was working, used to work'
	Stative	<i>wákhthar-e'</i>	'I am talking'
	Past Stative	<i>wakhthá:r-ah-kwe'</i>	'I was talking earlier'
	Stative	<i>tki'teron'</i>	'I live there, am at home'
	Past Stative	<i>tki'terón:t-ahkwe'</i>	'I used to live there'

The second past suffix, *-hne'*, occurs after Stative aspect suffixes *-en*, *-on*, or zero. There is variation in the forms of the combinations across both dialects and individual lexical items. For some, the form remains *-hne'*; for others, the original *h* lowered the tone on the stressed syllable then disappeared leaving only vowel length, in line with a more general process in the language.

(6)	Past forms in <i>-hne'</i>		
	Past Stative	<i>-en</i> + <i>-hne'</i>	> <i>-enhne'</i> ~ <i>-èn:ne'</i>
	Past Stative	<i>-on</i> + <i>-hne'</i>	> <i>-onhne'</i> ~ <i>-òn:ne'</i>
	Past Stative	-- + <i>-hne'</i>	> <i>-hne'</i> ~ <i>-':ne'</i>
(7)	Pasts in <i>-hne'</i>		
	Stative	<i>wakiakèn:'en</i>	'I have gone out'
	Past Stative	<i>wakiaken'èn:ne'</i>	'I had gone out'
	Stative	<i>wakè:n-on</i>	'I have gone'
	Past Stative	<i>wakenòn:ne'</i>	'I had gone'

Stative	<i>keksa'í:io</i>	'I am a good child'
Past Stative	<i>keksa'íiío-hne'</i>	'I was a good child'

4. Basic Meanings

If the description of Mohawk tense and aspect categories were based solely on translations of English sentences in isolation, the Mohawk tense and aspect categories would appear to be much like those of English. And in much of spontaneous speech they are.

The passage in (8) shows each of the Past markers contributing meanings as expected: the Past (Factual) prefix *wa'* on the Perfective verb 'we acquired a dog', the Past suffix *-hne'* on the Stative verb 'he was a beautiful dog', and the Past *-kwe'* suffix on the Habitual verb 'they called him'.

- (8) Pasts as expected: Watshenní:ne' Sawyer, speaker
Né:ne ó:nen,
 it is now
 'Now then,

wa'onkwanahskwaién:ta'ne' *è:rhar.*
wa'-onkwa-nahskwa-a-ient-a'n-(e)' *ehrharr*
FACTUAL-1PL.PAT-domestic.animal-LK-have-INCH-PFV dog
 we acquired a dog.

Ranahskwiióhne'
ra-nahskw-iiio-hne'
M.SG.AGT-domestic.animal-be.good.ST-PAST

ken'k *nì:ra'* *è:rhar.*
ken'=ok *ni-hr-a'* *ehrharr'*
 small=just PRT-M.SG.AGT.be.sized.st dog
 He **was** a good little dog.

Butch ronwá:iatskwe'.
 Butch ronwa-iat-**s-kwe'**
 name 3PL>M.SG-call-**HAB-PAST**
 His name **was** Butch. (lit. 'They called him Butch.')

Past Habituals are often translated with English 'used to' or 'would'.

- (9) Past Habituals: Margaret Monroe Lazore, speaker

Nè:ne wahón:nise' ronhténkie'skwe' *ki: ronón:kwe,*
nene wahonnise' ron-ahtenti-e's-kwe' *kiken ron-onkwe*
 it is long.ago M.PL.AGT-leave-HAB-PAST this M.PL-person
 'A long time ago people **used to** go away,

shientihne iehonnéthahkwe'.
shienti=hne ie-honn-e-ht-ha'-kwe'
shanty=place TRL-M.PL.AGT-go-DIR.APPL-HAB-PAST
 they **would** go away to camp.

Rotiio'ténhsere'skwe'.
roti-io'ten-hser-e's-kwe'
 M.PL.PAT-work-PURP-HAB-PAST
 They **would** go to work.'

- (10) Past Habitual: Ida Nicholas, speaker
Khehsennahrónkhahkwe' *se's.*
khe-hsenn-arhonk-ha'-kwe' *se's*
 1SG>F.SG-name-hear-HAB-PAST customarily.in.the.past
 'I **used to** hear her name.'

- (11) Past Habitual: Dennis Tiorón:iote' Stock, speaker
Ótia'ke ronhrónkhahkwe'.
otia'ke ron-ahronk-ha'-kwe'
 some M.PL.AGT-speak.a.language-HAB-PAST
 'Some people **used to** speak [Mohawk].'

Pasts of non-consequential Stative verbs locate the situation in the past.

- (12) Past Stative: Joe Awenhráthon Deer, speaker
Iáh kwí' thó: thé: tekahwistanákerehkwe'.
iah ki'=wahi' tho thenen te-ka-hwist-a-naker-e'-kwe'
 not in.fact=TAG there any NEG-N.AGT-money-LK-dwell-ST-PAST
 'There **wasn't** much money around.'

- (13) Past Stative: Joe Tiorhakwén:te' Dove, speaker
Tánon' tsi ion'wesénhne' *thí:kén,*
tanon' tsi i-on'wese-en-hne' *thiken*
 and how N.AGT-BE.pleasant-ST-PAST that
 'And it **was** nice,

akì:ron' *kahentowanèn:ne'*.
aa-k-ihron-' ka-hent-owan-**en-hne'**
IRR-1SG.AGT-say-PFV N.AGT-field-be.big-**ST-PAST**
I'd say it **was** a big field.

Thi: wahón:nise' o'serón:ni ren'terón:tahkwe'.
thiken wahonnise' o-a'ser-onni ren-i'teront-**ahkwe'**
that long.ago N-axe-make M.SG.AGT-reside.**ST-PAST**
A long time ago a Frenchman **lived** there.'

- (14) Past Stative: Doris White, speaker
Átste' ki' tkitskó:tahkwe'.
atste' ki' t-k-itskw-ot-**ahkwe'**
outside actually CSL-1SG.AGT-bum-stand.**ST-PAST**
'Actually I **was** sitting outside.'

- (15) Past Stative: Annette Kaia'titáhkhe' Jacobs, speaker
Kwah thé: tekerihwaienteríhne'
kwah thenen te-ke-rihw-a-ienteri-**hne'**
just anything NEG-1SG.AGT-matter-LK-know.**ST-PAST**
I just **didn't** know

thiken naho'ten-'
thiken na-h-o'ten-'
that PRT-N-be.a.kind.of-ST
those kinds of things.'

Past Statives are also often translated with 'used to'.

- (16) Past Stative: Dorris Kawennanó:ron Montour, speaker
Í: 'ò:ni tho tewatió'tehkwe'.
i'i ohni' tho te-wak-io't-e'-**kwe'**
1 also there CSL-1SG.PAT-work-**ST-PAST**
'I myself **used to** work there too.'

- (17) Past Stative: Josie Jacobs Day, speaker
Kahnawákta' non: iakwen'terón:tahkwe'.
ka-hnaw-akta' nonwe iakwa-i'teront-**ahkwe'**
N-creek-place.near place 1EXC.PL.AGT-live.**ST-PAST**
'We **used to** live near the creek.'

As noted, Stative Pasts of consequential event verbs have Perfect meanings: they generally describe a current state resulting from a past event. The speaker in (18) had been asked whether a certain man had a family.

- (18) Perfect: Susie Janes Lynch, speaker

En:

‘Yes.’

<i>Nok</i>	<i>tehonatekháhsion</i>	<i>ki'</i>	<i>ne</i>	<i>ró:ne'</i>
ne=ok	te-hon-ate-khahsi- on	ki'	ne	rone'
that=only	DV-M.DP.PAT-MID-separate-ST	actually	ART	spouse

‘But he and his wife **have** separated.’

- (19) Perfect: Dennis Tioròn:iote' Stock, speaker

É:so' ne rotikstenhokòn: 'a

eso' ne roti-ksten=okon'a

many ART M.PL.PAT-be.old=DISTR

‘Many of our old people

ó:nen nihonatohétston.

onen ni-hon-at-ohets-**on**

now PRT-M.PL.PAT-MID-pass-ST

have passed away.’

When Past suffixes are added to these consequential Stative verbs, they are interpreted as Past Perfects, describing a past situation resulting from an earlier event. The first verb in (20), ‘be so’ is non-consequential, so the Past suffix simply puts the situation in the past. But the second verb ‘get used to’ is consequential, so the Past suffix results in a Past Perfect meaning.

- (20) Past Statives: Watshenní:ne' Sawyer, speaker

Thó's ki' nitiohtòn:ne'.

thó se's ki' ni-t-io-ht-**on-hne'**

there customarily in.fact PRT-CSL-N.PAT-be.so-ST-PAST

‘That **was** the custom, the way it **was**.

Thó: ó:nen shiionkwaren'nhà'òn:ne'.

tho onen shi-ionkwa-ren'nh-a'-**on-hne'n**

there then COIN-1PL.PAT-be.accustomed.to-INCH-ST-PAST

We **had** gotten used to it.’

The discussion in (21) was about the speaker's childhood, so the Past Statives of consequential verbs 'go' and 'go out' were interpreted as Past Perfectives.

- (21) Past Perfects: Sadie Sesír Smoke Peters, speaker

Iáh tewakaterièn:tare'

iah te-wak-aterien'tar-e'

not NEG-1SG.PAT-know-ST

'I don't know

ne istèn:'a ka' niiakawenòn:ne'.

ne isten'a ka' ni-iakaw-e-n-on-hne'

ART mother where PRT-F.SG.PAT-go-DIR,APPL-ST-PAST

where my mother **had** gone.'

Iakoiaken'èn:ne'

ki:.

iako-iaken'-en-hne'

kiken

F.SG.PAT-go.out-ST-PAST

this

'She **had** gone out.'

Example (22) contains both a basic non-consequential Past Stative 'she used to live there' and a consequential Past Stative verb interpreted as a Past Perfect 'they had remarried', functioning as a referring expression, 'his second wife'.

- (22) Past Statives: Sha'tekenhátie' Marion Philips, speaker

Kienté:ri ni' kwah ken' náhe'

k-ienteri ohni' kwah ken' nahe'

1SG-know.ST also just there ago

'I also know

thó's nón:we,

tho se's nonwe

there formerly place

the place where

kienákerehkwe'

ki: kèn:'en,

t-ie-naker-e'-kwe'

kiken ken'en

CSL-FI.AGT-reside-ST-PAST this here

she **used to** live,

<i>rake'niha</i>	<i>shotiniakon'òn:ne'.</i>
rake-'ni=ha	s-hoti-niak-on-'-on-hne'
M.SG>1SG-be.father.to=DIM	REP-M.DP.PAT-marry-ST-INCH-ST-PAST
my father's second wife .'	

On the basis of sentences elicited by translation in isolation, as well as the examples here, Past tenses thus appear to be much like those in English. But a closer look at spontaneous speech shows that the Mohawk tense system differs in subtle ways.

5. Tense in Use

As noted, in English and many other languages, the usual reference point or deictic center from which tense is calibrated is the moment of speech. Past tenses are used for events and states that occurred before the moment of speech, present tenses for situations at the time of speaking, and future tenses for those subsequent to the moment of speech. Examples in the previous section show this pattern. But a closer look at Mohawk spontaneous speech reveals subtle ways the system differs from that of English. Both Habituals and Statives often occur without the Past suffixes, even when the verbs are describing situations that clearly occurred in the past and are translated with English past tense.

Mohawk speakers can shift the reference point to a different time, usually in the past. Unmarked Habituals and Statives then describe situations ongoing at that time. Speaker Mary McDonald opened an anecdote about her childhood first establishing the time as the past with 'as a child' and Past Statives 'I was a bad child'. She then focused on a particular event with 'one time' and the Past (Factual) verb 'we did'. This time then became the reference point for the time of subsequent verbs, with basic Statives for 'they lived' and 'we were such bad children', without Past suffixes.

- (23) Establishment of past time: Mary McDonald, speaker
Né: shikeksà:'a ne:ne keksa'taksèn:hne'.
 ne: shi-k-eksa'=a ne:ne k-eksa't-aks-en-hne'
 that COIN-1SG-child=DIM that.is 1SG.AGT-child-be.bad-ST-PAST
 'As a child I **was** a bad child.

Né:ne kwah tekèn:'en tsi keksa'taksèn:ne'.
 ne:ne kwah teken'en tsi k-eksa't-aks-en-hne'
 that.is quite certainly how 1SG.AGT-be.a.child-be.bad-ST-PAST
 I **was** such a bad child.

Né: ki: né: énska
ne:'e kiken ne: enska
 that.is this that one
 This one time,

tsi na'kwá:iere' onkware'se'okòn:'a.
tsi n-a'-akwa-ier-e' onkw-ar-e'se'=okon'a
 how PRT-FAC-1EXC.PL.AGT-do-PFV 1PL.PAT-RECIP-be.cousins=DISTR
 this is what we did, my cousins and I.

Kén: nekwá: thati:ron'.
ken nekwati t-hati-i'teron'
 here place CSL-M.PL.AGT-reside.ST
 They **lived** over there,

rakenohà:'a shakoien'okòn:'a,
rake-noha'=ha shako-ien'=okon'a
 M.SG>1SG-be.father.to=DIM M.SG>3PL-have.as.offspring=DISTR
 my uncle's children,

Harry tánon' Jim.
 name and name
 Harry and Jim.

Né:ne iakwaksatáksen.
nene iakwa-ksa't-aks-en
 that.is 1EXC.PL.AGT-child-be.bad-ST
 We **were** such bad children.'

The children found some paint, pulled up some water from the well, and poured the paint into it. Perfective events were still marked as Past but she used simple Statives for the ongoing activity at that time, 'we were gambling'.

- (24) Past time as point of reference: Mary McDonald, speaker
Wa'akwahnekakétsko'.
wa'-akwa-hnek-a-ketsko'
 FAC-1EXC.PL.AGT-liquid-LK-raise-PFV
 'We pulled up some water.

Sok ki' okóntshera' ia'akwáweron'.
 sok ki' o-kontsher-a' i-a'-akwa-weron-'
 then in.fact N-paint-NS TRL-FAC-1EXC.PL.AGT-pour-PFV
 Then we poured the paint into it...

Tánon' teionkwá:ien'
 tanon' te-ionkwa-ien'
 and DV-1PL.PAT-lay.ST
 And we **were** gambling.'

The speaker in (25) initially established the time in the past with wahón:nise' 'long ago' and a Past Stative 'we didn't have much money'. She then moved the reference point to that time in the past and continued with unmarked Statives 'we were happy', 'we were rich', and 'as we were growing up', and an unmarked Habitual 'we thought'. The situation in the past was also marked with the particle *se's* 'formerly, in the past'.

- (25) Past point of reference: Mina Tewateronhiákhwa Beauvais, speaker
 Ne **wahón:nise'**
 ne **wahón:nise'**
 ART **long.ago**

iáh teionkwahwistakà:tehkwe'.
 iah te-ionkwa-hwist-a-ka't-e'-kwe'
 not NEG-1PL.PAT-money-LK-money-LK-have.much-ST-PAST
 'A long time ago we **didn't** have much money.

Akwé: ionkwatshenniánion.
 akwek-on ionkwa-at-shenni-anion
 be.all-ST 1PL.PAT-MID-be.happy-DISTR.ST
 We **were** all happy.

Kanonhtónnions se's ni' ionkwakwáhtshe',
 k-anonhtonn-ion-s se's ohni' ionkwa-akwatsh-e'
 1SG.AGT-think-DISTR-HAB formerly also 1PL.PAT-be.rich-ST
 I thought we **were** rich

tsi tewakatehià:ron.
 tsi te-wak-ate-hiar-on
 as DV-1.SG.ST-MID-grow-ST
 growing up.'

The speaker in (26) opened a discussion about the past saying, ‘A long time ago, perhaps 1930 or maybe the late 1920’s, close to 1930’... She went on to describe various memories from that time. Her first verb in (26) ‘they used to know’ was marked as Past with the Stative Past *-ahkwe*, but subsequent verbs, ‘they were related to each other’ and ‘they helped each other’, had no tense markers. The first was a simple Stative, and the second a simple Habitual.

- (26) Establishing the reference time: Watshenní:ne’ Sawyer, speaker

Thónón: *shontakahá:wi,*
tho=nonwe **sh-onta-ka-hawi**
there=place COIN-CSL-N.AGT-carry
‘At that time,

ón:kwe,
 people

<i>iakotiién:tarahkwe’</i>	<i>ónhka’</i>
iakoti-ientar-’-kwe’	onhka’
3DP>FI-know.ST-PAST	who
used to know who,	

iontátenonhkwe’.
 iontat-ate-nonhkw-e’
 FI>FI-MID-have.as.relative-ST
 their relatives **were**.

Teiontatienawà:se’.
 te-iontat-ienawa-’s-e’
 DV-FI>FI-help-BEN.APPL-HAB
 They helped each other.

She continued as in (27). The three verbs ‘have’ are basic Statives, and the Habitual verbs ‘trade’ and ‘help each other’ are basic Habituals, all without Past suffixes. (The term for ‘cow’ is a morphological Stative verb functioning as a referring expression.)

- (27) Unmarked Past Habituals and Statives: Watshenní:ne’ Sawyer, speaker

<i>Ótia’ke</i>	<i>tóka’ni</i>	<i>tiohnhónskwaron</i>
otia’ke	toka’ni	t-io-nhonhskw-a-ront
some	maybe	CSL-NZ.PAT-jowl-LK-be.attached.ST

iakonáhskwaien',
iako-nahskw-a-ien'
FI.PAT-domestic.animal-LK-have.ST
'Some people **had** maybe a cow,

ken' neká: kítkit iakonáhskwaien',
ken' nekati kitkit iako-nahskw-a-ien'
here side chicken FI.PAT-domestic.animal-LK-have.ST
on one side they **had** chickens,

ken' neká: tsik nahò:ten' tiakó:ien'
ken' nekati tsik na-h-o'ten' t-iako-ien'
here side some PRT-N-be.a.kind.of.ST CSL-FI.PAT-have.ST
on one side they **had** something else.

Akwé:kon shens ki: tekontatawíhonhs tanon'
akwek-on shens kiken te-kon-atat-awi-hon-**hs** tanon'
be.all-ST formerly this DV-3PL-REFL-give-DISTR-**HAB** and
Everyone **would** trade and

tekontatia takéhnha^hs.
te-kon-atat-ia't-a-ke.nha-**hs**
DV-3PL-REFL-body-LK-help-**HAB**
they **would** help each other.'

Speakers can move back and forth in their designations of the temporal reference point, describing situations at an earlier point in time with that time as the deictic center, then returning to the time of speech to comment on the basis of their modern viewpoint. The description in (27) above was followed by the commentary in (28) below.

- (28) Return to present as reference point: Watchenní:ne' Sawyer, speaker
Ion'wsénhne'
io-on'wes-**en-hne'**
N.PAT-be.pleasant-ST-PAST
'It **was** nice.

Iontaterihwakweniéhsthahkwe' *n-ón:kwe.*
ion-atate-rihw-a-kwenien-hst-**ha'-kwe'** *ne=onkwe*
FI-REFL-matter-LK-be.able-INS.APPL-**HAB-PAST** ART=person
People respected each other.'

As noted, Perfects describe a current state resulting from a previous event. We know that there is some variation across languages and even individual speakers in the frequencies of Perfects versus Perfectives when a language offers both. Mohawk speakers tend to be more explicit about the continuing effects of events, using Perfects somewhat more frequently than speakers of English. Mrs. Cross was questioning her son in (29). The verb was a Stative Perfect: the dog was still in the house when the question was asked.

- (29) Perfect: Marie Kahentoréhtha' Cross, speaker

Oh nontíé:ren ki: è:rhar
oh na-w-atier-en kiken ehrhar
what PRT-N-do-ST this dog

tsi tetshia'tiniòn:ton?
tsi t-eh-tsh-ia't-inon-'t-on
that CSL-2SG>M.SG-body-be.indoors-CAUS-ST
'Why did you bring this dog in?'

The lost object referred to in (30) was still wherever the speaker had put it.

- (30) Perfect: Grace Kanatí:res Franks, speaker

Ka' ná: non: thí: niwátien'?'
ka' na'a nonwe thiken ni-wak-ien'
where suppose place that PRT-1SG.PAT-set.ST
'Where did I put that?'

The aunt referred to in (31) had left the community many years before, but her departure was expressed with a Stative perfect 'she has left' rather than a Past Perfective 'she left', because she was still away.

- (31) Perfect: Joe Tiorhakwén:te' Dove, speaker

Ó:nen wahón:nise' iohserá:ke
onen wahonnise' io-hser-ake
now long.ago N-winter-be.multiple
'A long time ago now, many years,

iakohténtion Kahnawà:ke.
iako-ahtenti-on ka-hnaw-a'ke
F.SG.PAT-leave-ST N-rapids-place
she left Kahnawake.'

There is one major construction where Stative Perfects have become obligatory. Past Perfectives cannot be negated directly: negation of past events must be expressed with Perfects. If something did not happen, the non-occurrence of that

event is typically ongoing. When the fishermen in (32) failed to catch any fish one day, they remained without fish that day.

- (32) Past negative as Perfect: Sonny Edwards, speaker

Né: kati' ne thí:ken kon'tákie' ki:
 ne: kati' ne thiken kon'tatie' kiken
 that in.fact ART that all.day.long this
 'As the day went by,

iáh thahò:ten' tehotitsiaientà:'on.
 iah tha-h-o'ten-' te-hoti-its-a-ient-a'-on
 not CONTR-N-kind.of-ST NEG-/M.PL.PAT-fish-LK-have-INCH-ST
 they didn't catch any fish.'

The men under discussion in (33) remained uninjured.

- (33) Past negative as Perfect: Dorris Kawennanó:ron Montour, speaker

Kwah akwé:kon tenthòn:ne'.
 kwah akwek-on t-en-t-honn-e-'
 just be.all-ST DV-FUT-CSL-M.PL.AGT-go-PFV
 'They'll all be back.

Iah tehotikarewáhton.
 iah te-hoti-karew-aht-on
 not NEG-M.PL.AGT-injured-CAUS-ST
 No one got hurt.'

Like Habituals and other Statives, Perfect Statives can take their time reference from either the moment of speech or a past time established by speaker. If the reference time is in the past, a simple Perfect can be interpreted as a Past Perfect, signalling a situation in effect at that past time that resulted from an event before that time. Mrs. Cross was describing events that occurred when her boys were small. She had been making beds, and when she lifted a mattress, she found a bone. She concluded that it had been left there by a dog they had at the time. The verb had a Past Perfect meaning, 'he had hidden it', but it did not contain a Past suffix. The reference point for the resulting situation (the bone under the mattress) was in the past (the time under discussion, when her boys were small).

- (34) Unmarked Past Perfect: Marie Kahentoréhtha' Cross, speaker

Erhahrkénha' ki' na' tóka' kí:ken,
 ehrhar=kenha' ki' na'a toka' kiken
 former dog suppose maybe this
 'I guess maybe our former dog,

<i>Shahrhiotshakará:ti</i>	<i>ne:</i>	<i>kí:ken</i>
s-ha-rhiotsh-a-karati	ne'e	kiken
REP-M.SG.AGT-jaw-be.crooked.ST	that	this

thó rohséhton.

tho ro-ahseht-**on**

there they have hidden

'Crooked Jaw' had hidden it there.'

Another time she found the puppy running around early in the morning, playing with a pillow. The running around and playing (both non-consequential events) were expressed as basic Statives, without past tense suffixes: they were occurring at the reference time. The sentence 'they had thrown it on the floor' was also based on a basic Stative verb with no Past marker. It described a state in effect at the reference time, the pillow on the floor, the result of a previous consequential event (their throwing it). The form is a basic Stative, translated as a Past Perfect.

- (35) Unmarked Past Perfect: Marie Kahentoréhtha' Cross, speaker

<i>Thatákhe's</i>	<i>ki:</i>	<i>nen'</i>	<i>nè:'e</i>
t-ha-takhe-'s	kiken	nen'	ne'e
CSL-M.SG.AGT-run-DISTR.ST	this	then	that is
He was running around			

<i>thotkahri'tsherón:ni</i>	<i>ki:.</i>
t-ho-atkahri'tsher-onni	kiken
CSL-M.SG.PAT-MID-amusement-make.ST	this
and playing.	

<i>Kwah se'ken atkòn:sera' ehtà:ke</i>	<i>ronátien</i>	<i>kí:ken,</i>
kwah se'ken aton'ser-a' eht-a'ke	ron-ati- en	kiken
just then pillow-NS below-place	M.PL.PAT-throw-ST	this
'They had thrown the pillow on the floor		

<i>khere'</i>	<i>káti'</i>	<i>ken</i>	<i>ne</i>	<i>tho</i>	<i>a:há:rate',</i>
khere'	kati'	ken	ne	tho	aa-ha-rat-e'
maybe	perhaps	Q	ART	there	IRR-M.SG.AGT-lie-PFV
maybe so he could lie on it.'					

On another occasion, one man asked another whether he remembered when the government tried to give horses away to people, but the horses were not trained. The second man responded that he did not; he had already left town

with his family by then. The two verbs ‘I had left’ and ‘we had gone’, were translated as Past Perfects: they described his absence (the resulting state) from a previous event (their departure). No Past suffix appeared on the Stative Perfects, because the reference point for the tense marking had already been established as the past, when the government was offering horses.

- (36) Unmarked Past Perfects: Joe Awenhráthen Dove, speaker

Iah *ni:’* *tekhé:ken’* *thí:ken*
 iah ne=i’i te-khe-ken-’ thiken
 not ART=1 NEG-1SG>3PL-see-PFV that
 I didn’t see them,

o:nen *ni:’* *shiwakahténtion.*
 onen ne=i’i shi-wak-ahtenti-**on**
 then ART=1 COIN-1SG.PAT-leave-ST
 I **had** already left by then.

Ne: *Ostonhronòn:ke* *shiionkwé:non* *wahi’.*
 ne’e oston=hronon’=ke shi-ionkw-e-n-**on** wahi’
 that.is Boston=resident=place COIN-1PL.PAT-go-DIR.APPL-ST TAG
 We **had** gone to the States.’

As noted earlier, an additional aspect suffix can be added to Statives: a Progressive.

- (37) Progressive: Sóse Joe McGregor, speaker

Né: *kwi’* *ni’* *wakateweienstonhátié’.*
 ne: ki’=wahi’ ne=i’i wak-ate-weienst-**on-hatie’**
 that actually=TAG ART=1 1SG.PAT-MID-learn-ST-**PROG**
 ‘That’s what I myself am **learning** you know.

Wakateweienstonhátié’ *ónhka’* *ni:.*
 wak-ate-weienst-**on-hatie’** onhka’ ne=i’i
 1SG.PAT-MID-learn-ST-**PROG** who ART=1
 I’m **learning** who I am.’

- (38) Progressive: Billy Kaientarónkwen Two Rivers, speaker

Iáh *ki’* *tetewattó:kas,*
 iah ki’ te-tew-at-tok-as
 not actually NEG-1INC.PL.AGT-MID-notice-HAB
 ‘We’re not actually conscious of it

nó:nen iáh teionkwahiaton***hátie'***.
n=onen iah te-ionkwa-hiaton-***hatie'***.
ART=then not NEG-1PL.PAT-write.ST-PROG
when we're not writing.'

This suffix is used somewhat less frequently than the English Progressive, because progressive meaning can be expressed in Mohawk by Habituals and non-consequential Statives as well. The Mohawk Progressive suffix tends to put stronger emphasis on the ongoing nature of the situation.

Like Habituals and basic Statives, Progressives can be interpreted as Past with no further marking once the reference time has been established as the past. The speaker in (39) was describing how her husband had died many years before.

- (39) Unmarked Past Progressive: Josie Jacobs Day, speaker
Sahonahtentionhátie' *thí:ken,*
 sa-hon-ahtenti-**on-hatie'** *thiken*
 REP.FAC-M.PL.PAT-go.home-ST-PROG that
 'They **were on their way** home,

áhsen nihá:ti.
ahsen ni-hati-i
three PRT-M.PL.AGT-number
three of them.

Tahaià:ten'ne'.
 ta-ha-ia't-en-'n-e'
 CSL.FAC-M.SG.AGT-body-lie-INCH-PFV
 He fell.'

The speaker in (40) was discussing the fact that when they were in school many years before, teachers would be brought in just for a year or two, then be sent elsewhere.

- (40) Unmarked Past Progressive: Phoebe Roads
Tiótkon teiottentionhátie’.
 tiotkon te-io-at-teni-**on-hatie’**
 always DV-N.PAT-MID-change-ST-PROG
 ‘It **was** always changing.’

Unlike Habituals and Statives, Past (Factual) Perfectives usually locate events in time with respect to the moment of speaking, just like Past Perfectives in other languages. But these, too, sometimes appear in unexpected contexts. They are

sometimes used for immediate present situations. The question in (41) was asked of a person waiting in line at the cash register in a store.

- (41) Factual Perfective as present: Annette Kaia'titáhkhe' Jacobs, speaker
Wahshní:non' *ken?*
wa-hs-hninon- *ken*
 FAC-2SG.AGT-buy-PFV Q
 'Are you buying it?'

The speakers in (42) were remarking on the stormy weather outside as they were talking, using Factual Perfectives for 'it is raining'. It was clear that they were referring to the current situation, both from the context and the particle *ó:nen* 'now'.

- (42) Factual Perfectives as present: Josephine Kaieríthon Horne, Watshenní:ne' Sawyer, speakers

JH *Iáh ki' ní: nonwén:ton tewakatkáhton*
iah ki' ne=i'i nonwenton te-wak-atkahth-on
 not actually ART-1 ever NEG-1SG.PAT-see-ST

ne thó níkon aiokén:nore'
ne there nikon aa-io-kennor-e'
 ART there amount IRR-N.PAT-rain-PFV
 'I've never seen it rain as much

tsi ní:kon ó:nen wa'okén:nore'
tsi nikon onen wa'-o-kennor-e'
 as amount now FAC-N.PAT-rain-PFV
 as it is raining now.

WS *E:so' wa'onkwakén:nore'*
eso' wa'-onkwa-kennor-e'
 much FAC-1PL.PAT-rain-PFV
 'It's raining a lot on us.'

It might be noted that cognates of the Mohawk Factual prefix in some other Northern Iroquoian languages are used even more frequently for current events, one reason that it has been termed Factual rather than simply Past.

There is still more to the story. Future Perfective verbs are used, as would be expected, for events that will occur after the moment of speaking. But they are also used for another purpose: to describe customary past events, often as part of a series. This usage, not unlike the unmarked Habituals and Statives described

in the previous section, depends on the establishment of a past time as the temporal reference point. The speaker in (43) was describing life in residential school when she was a child.

- (43) Future Perfectives as Past Habituals: Josie Jacobs Day, speaker
Tióhton nitsohwistà: 'e tiakwatahsáhwha'.
 tiohton ni-ts-io-hwist-a'ek t-iakw-atahsaw-ha'
 nine PRT-REP-N-hour-strike CSL-1EXC.PL.AGT-begin-HAB
 'We started at nine o'clock.

Éntie' teniakwatska'hòn:na'.
 entie' t-en-iakw-atska'nhon-hn-a'
 middle DV-FUT-1EXC.PL.AGT-dine-PURP-PFV
 At noon we **would** go eat.

Sok en,
 then ah
 And then

teiakwatenihà:tha'
 te-iakwa-tenih-a't-ha'
 DV-1EXC.PL.AGT-change-CAUS-HAB
 we took turns

ónhka' entieksóhare'.
 onhka' en-t-ie-ks-ohar-e'
 who FUT-CSL-FL.AGT-dish-wash-PFV
 with who **would do** the dishes.

É:so' ki'
 eso' ki'
 many in.fact
 There were a lot actually,

tsá:ta niwáhsen wisk niiátion.
 tsiatlak ni-w-ahs-en wisk ni-iak-ion
 seven PRT-N-be.ten.ST five PRT-1EXC.PL.AGT-number
 seventy-five of us.

Kwató:ken níkón:ti *enskontiksóhare'*,
kwatoken ní-konti-i **en-s-konti-ks-ohar-e'**
certain PRT-F.PL.AGT-number **FUT-REP-F.PL.AGT-dish-wash-PFV**
A set number **would** wash dishes,

sok n-ótia'ke ienkontiá:ken'ne' *ki: ne'ne*
sok ne=otia'ke i-**en**-konti-iaken'n-e' kiken ne'ne:
then ART=some TRL-**FUT-FL.PL.AGT-go.out-PFV** this that.is
and the others **would** go outside where

enkontikahri'tsherón:ni'.
en-konti-kahri'tsher-onni-'
FUT-F.PL.AGT-amusement-make-PFV
they **would** play.

Sok tsahià:ksera *enwató:hetste'*,
sok ts-ahia'k-sher-at **en-w-at-ohetst-e'**
then REP-week-NMLZ-be.one **FUT-N.AGT-MID-pass-PFV**
Then a week **would** go by,

sok tentiakwatté:ni'.
sok t-**en**-t-iakwa-at-teni-'
then DV-**FUT-CSL-1EXC.PL.AGT-MID-change-PFV**
and we **would** switch.'

Another speaker was describing a New Year's Day tradition. She opened the description setting the time with the word *wahón:se'* 'long ago' and a Past Stative 'how it **used to be**'.

- (44) Establishing past as reference time: Annette Kaia'titáhkhe' Jacobs
- | | | | |
|-------------|------------|------------|----------------------|
| <i>Né:'</i> | <i>ki:</i> | <i>ni'</i> | <i>wà:kehre'</i> |
| ne:'e | kiken | ne=i'i | wa'-k-ehre-' |
| that.is | this | ART=1 | FAC-1SG.AGT-want-PFV |
- 'This is what I wanted

a:khthá:rahkwe',
aa-k-hthar-ahkw-e'
IRR-1SG.AGT-talk-INST.APPL-PFV
to talk about,

<i>tsi</i>	<i>niiohtòn:ne'</i>	<i>ne</i>	<i>wahón:nise'</i>
<i>tsi</i>	<i>ni-io-ht-on-hne'</i>	<i>ne</i>	<i>wahón:nise'</i>
<i>how</i>	<i>PRT-N.PAT-be.SO-ST-PAST</i>	<i>ART</i>	<i>long.ago</i>

the way it **used to be long ago.**'

This was called 'The Kissing Time'. You would get ready and go see your grandparents. When you got there, the food would be set out and the house decorated. The next events were each presented with Future Perfective verbs.

- (45) Future Perfectives for customary events: Annette Kaia'tiáhkhe' Jacobs
lenhsatáweia'te' *ki: tanon' nè:'e ki;*
i-en-hs-at-aweia't-e' *kiken tanon' ne'e kiken*
 TRL-FUT-2SG.AGT-MID-enter-PFV *this and it.is this*
 'You **would** go in and,

entisewatié:renhte'
en-ti-sewa-atierenht-e'
 FUT-CSL-2PL.AGT-go.first-PFV
 you **would** first

<i>tensewahkwatá:se'</i>	<i>tanon'</i>
<i>t-en-sew-ahkwatase-'</i>	<i>tanon'</i>

DV-FUT-2PL.AGT-go.around-PFV *and*
 go around and

<i>akwé:kon</i>	<i>teniehtshinonhwerá:ton'</i>	<i>tanon'</i>
<i>akwek-on</i>	<i>t-en-iehtshi-nonhweraton-'</i>	<i>tanon'</i>

be.all-ST DV-FUT-2PL>3PL-greet-PFV *and*
 you **would** greet everybody and

tenietshinoronhkwánion'.
t-en-ietshi-noron-hkw-ani-on-'
 DV-FUT-2PL>3PL-be.dear-INST.APPL-BEN.APPL-DISTR-PFV
 you **would** kiss them.'

In some ways this construction is like the English *would* constructions used in the free translations of the examples above. Both require specification of a past time as a reference point and can mark recurring events. The Mohawk construction is not precisely the same, however, because it contains no Past tense marker at all.

6. Conclusion

If examples are limited to translations of sentences from a target language elicited in isolation, the grammar of time can look very similar across languages. There are certainly recurring categories and patterns. But if we are fortunate enough to have documentation of language in use, particularly among skilled first language speakers, unexpected subtleties can appear that it could be easy to overlook.

Here it has been shown that though the general tense and aspect distinctions of Mohawk initially look very much like those of many other languages, Habitual, Stative, and Perfective aspects. Habitual and Stative aspect verbs can contain Past tense suffixes. Perfective aspect verbs must contain a prefix for Past tense, Future tense, or Irrealis.. But the actual usage of these categories shows special subtleties.

The Habitual and Perfective aspects are generally much like those of many other languages. Habituals denote recurring events ('I burn it'). Perfectives denote events considered in their entirety, complete with beginning and end ('I burned it', 'I will burn it'). Mohawk Statives show a special distinction. They may simply describe a state ('I am strong', 'I am poor'), but the Stative forms of some verbs, termed consequential, have Perfect meanings, describing a current situation that is the result of a previous event ('I have burned it'). Mohawk speakers tend to choose Perfects ('I have burned it') over Past Perfectives ('I burned it') somewhat more often than many speakers of English, highlighting the continuing nature of the effect for a longer period. When Past tense suffixes are added to these, the results are Past Perfects ('I had burned it'). Statives have become obligatory in one context: Past Perfectives ('I burned it') cannot be negated as such. When a speaker wants to say that an event did not occur, Stative forms must be used ('I have not burned it'), presumably highlighting the current effect of the non-occurrence.

Habituals and Statives can differ in a subtle way from their English counterparts, however. The reference time by which tense is calibrated for them may be, as in other languages, the time of speaking: 'I am burning it', 'I am strong', 'I am poor', and 'I have burned it' may describe current situations. 'I was burning it', 'I was strong', and 'I was poor' may describe past situations. But the tense of Habituals and Stative may, however, be calibrated relative to a different reference point, typically when speakers are discussing a situation in the past. That past time may become the reference time. Habituals without tense marking are then interpreted as recurring events taking place at that past time, and Statives without tense marking for states in effect at that past time. Stative Perfects without tense marking are interpreted as situations in effect at that past time

which were the result of an event before then, situations translated with Past Perfect verbs in English.

Perfectives appear at first more similar to those of other languages, but a closer look shows certain subtleties here as well. Past Perfectives are usually for events before the moment of speech, but they are also sometimes used to highlight the immediacy of an event in progress. Future Perfectives are used for events subsequent to the moment of speech, but they, too, also have a special use. When the temporal reference point has been established for a certain time in the past, they can describe customary events.

Such subtleties are perhaps not the first thing to teach in language revitalization programs. They can, however, be a great source of pride for more experienced heritage speakers, as they discover the special richness of their traditional languages and the alternative ways of thinking embodied in them.

Abbreviations

AGT — grammatical agent, APPL — applicative, ART — article, BEN — benefactive, CAUS — causative, COIN — coincident, CONTR — contrastive, CSL — cislocative, DIR — directional, DISTR — distributive, DV — duplicative, EXC — exclusive, F — feminine, FAC — factual, FI — feminine-indefinite, FUT — future, HAB — habitual, INCH — inchoative, LK — linker, M — masculine, MID — middle, N — neuter, NEG — negative, NMLZ — nominalizer, NS — noun.suffix, NZ — neuter/zoic, PAT — grammatical patient, PFV — perfective, PL — plural, PROG — progressive, PRT — partitive, PURP — purposive, Q — interrogative, REFL — reflexive, REP — repetitive, SG — singular, ST — stative, TRL — translocative

Reference

- Chafe W. 1980. Consequential verbs in the Northern Iroquoian languages and elsewhere. In K. Klar, M. Langdon and Sh. Silver (eds). *American Indian and Indoeuropean Studies*. The Hague: Mouton, 43–49.

Juha Janhunen

Institute for Linguistic Studies RAS, Saint-Petersburg

**ISSUES OF COMPARATIVE URALIC AND ALTAIC STUDIES (11):
NOTES ON CON-FORMS IN LANGUAGES OF THE URAL-
ALTAIC SPHERE**

Abstract

While grammatical markers typically have a specific function, there are also forms that occur only in combination with other forms, in which case they may be said to fulfil an auxiliary function. Of the several types of this kind of forms the present paper discusses three, termed converbs, connegatives, and corrogatives, respectively. These are commonly observed in languages of the Ural-Altaiic sphere, and their physical forms and functions in the individual language families, although not necessarily materially related, offer insights into the synchrony and diachrony of the structural parallelisms so often observed in this particular areal-typological sphere.

Key words: Uralic, Altaiic, Ural-Altaiic, morphology, morphosyntax, typological parallels

This paper forms a part in a series dealing with selected issues of comparative Uralic and Altaiic Studies. It may by now be taken for certain that the so-called “Altaiic” languages, recently also known as “Transeurasian”, are not mutually related in the sense of a language family or phylum. Instead, they form a chain of areally connected language families, to which the Uralic family adjoins in the west, forming a transcontinental belt which may be called the Ural-Altaiic areal-typological sphere. The structural features shared by the member languages of this sphere are numerous, and they often call for terminological solutions which, when properly understood, can also be applied to other languages elsewhere in the world.

In the present paper the typological properties of the Ural-Altaiic sphere will be illustrated by three types of grammatical forms which collectively may be termed “con-forms”, since they involve morphological and/or morphosyntactic features that typically co-occur in combination with other forms. Thus, con-forms fulfill an auxiliary function, enhancing the function of the principal expression of the feature concerned, which, in the three cases discussed here, is

a main verb (for converbs), a negation word (for connegatives), or an interrogative pronoun (for corrogatives).

1. Converbs

It is well known in Altaic studies that the term “converb” was coined by G. J. Ramstedt, who used it first in his dissertation on Khalkha verbal morphology (presented 1902, published 1903), in which he divided the Mongolian verbal forms into three classes: (1) true verbal forms (*echte Verbalformen*), that is, finite forms (indicatives and imperatives), (2) verbal nouns (*nomina verbalia*), that is, participles, and (3) converbs (*converba*) (cf. also [Halén 1998: 80–81]). Converbs are, according to Ramstedt [1903: 55–57], adverbially used non-finite forms which are “half-nominal” and “half-verbal”, and which in other languages are known as gerunds, gerundives, or supines.

Indeed, the Mongolian converbs had before Ramstedt been known as “gerunds” (*gerundia*), a term used already by I. J. Schmidt [1831: 62–66]. This usage had been rather misleading, if we consider the gerunds in a language like Latin (on which see [Risch 1984]), which are functionally and morphosyntactically very different from the Mongolian converbs. However, after Ramstedt, the term “converb” gained rapidly ground in Mongolian studies and was soon used also for the functionally analogous forms in the neighbouring Turkic and Tungusic languages. The term was also introduced into Korean studies by Ramstedt himself [1939: 87–105], but its relevance for Japanese was recognized only much later [Kiyose 1995: 53–60, Vovin 2020: 448]. Due to typological interaction on an areal basis, converbs of the Ural-Altaic type are also present in several neighbouring “non-Altaic” languages, notably Amuric (Nivkh and Nighvng), where they form one type of complex predicates [Gruzdeva, forthcoming], at least partly conditioned by the general “Altaicization” of the Amuric language family [Gruzdeva, Janhunen 2020].

For reasons of tradition, the term “converb” is still rarely used in the practical description of several major Uralic languages. In Finnish grammars, for instance, the traditional concept has been “sentence equivalent” (*lauseenvastike*), though more recently this term has been avoided in favour of functional specifications such as “temporal construction” (*temporaalirakenne*) and “final construction” (*finalirakenne*) [Hakulinen et al. 2004: §876]. In typologically informed contexts, however, converbs are today a recognized category of verbal forms also in Uralic linguistics [Ylikoski 2022: 944–947, Behnke, Wagner-Nagy 2024: 8].

Ramstedt (*l.c.*), followed by Poppe [1951: 85], divided the Mongolic converbs on etymological grounds into two types, labelled as “true” (*echte*) and “false” (*unechte*). While most of the Mongolic converbs were, according to

Ramstedt, “true” converbs, there were two exceptions, the conditional converb (*-bA=lA) and the concessive converb (*-bA=cU), which were “false” because they are based on a finite verbal form (the terminative in *-bA), combined with two different clitically used discursive particles. In fact, some converbs in languages in the Ural-Altaic sphere are originally finite forms, secondarily used in a non-finite function. Ramstedt also noted that many of the “true” converbs are diachronically obscured case forms of deverbal nouns, or “participles”. There are, however, also examples of fully productive case forms of deverbal nouns used in functions similar to those of converbs. Because of their synchronically transparent structure, the latter have been termed “quasiconverbs” [Janhunen 2012: 169–172]. The difference between converbs and quasiconverbs is, then, only diachronic, and in some cases it is difficult to make a strict distinction between the two.

Another division of converbs is based on their referentiality with regard to the subject of the main clause. From this point of view, converbs can be either coreferential or non-coreferential, a difference often expressed by the somewhat awkward terms “same-subject” vs. “different-subject”. A more practical terminology would perhaps be “conjunct” vs. “disjunct” [Janhunen 2012: 163–169]. Again, however, this division is not strict, for some converbs can be ambivalent, being used in both conjunct and disjunct roles.

A question of some theoretical interest concerns the syntactic status of converbs. For one thing, converbs can be either dependent or independent in the sense that they can either have or lack arguments of their own. Some converbs, as the Mongolic modal converb (in *-n), tend to occur immediately before their headword with no constituents inserted between the two, implying that the two verbs form a fixed phrase. This resembles the phenomenon of verb chaining in some languages, and, indeed, there are occasional examples of zero-marked converbs, as in Chakhar Mongolian, where an unmarked verbal stem can precede a modal auxiliary (*yad-* ‘to be unable to’) functioning as the headword [Sechenbaatar 2003: 156]. However, irrespective of whether marking is present or not, all converbal constructions involve a relationship of syntactic subordination. It is only because certain converbal constructions can be translated into other languages by using coordinative conjunctions (‘and’) that the misunderstanding has arisen that there would exist converbs of both the “coordinative” and the “subordinat(iv)e” types (cf. e.g. [Gronbech, Krueger 1955: 29–32], where converbs are still called “gerunds”).

2. Connegatives

In the European context, the Uralic languages are known for their special type of clausal negation, based on the use of a fully conjugated negative auxiliary (**e-*) followed by an invariant form of the semantic main verb. Syntactically, the negative auxiliary, which takes all the morphological markers required by the context, functions as the head of the construction. In Uralic, this type of negation derives from the protolanguage, though the construction itself is best preserved on the western and eastern margins, in Finno-Saamic and Samoyedic. Further to the east, an analogous construction is present in Tungusic, where it also dates back to the protolanguage, lost only secondarily in a couple of modern languages (Manchu, Udihe). Interestingly, though, as it seems, accidentally, the root of the negative auxiliary in Tungusic (**e-* [e-]: *e-si-*) is formally identical with its Uralic counterpart. There is a chance that this element, and the negation construction as a whole, was originally shared by Mongolic, where a closely similar negation marker (**e-se*), synchronically used as a preverbal particle, seems to retain some verbal properties [Janhunen 2021]. This could be taken as evidence supporting the possibility that Tungusic and Mongolic are ultimately distantly related with each other.

In Finnish grammars, the invariant form co-occurring with the negation verb is traditionally called the “negation form of the verb” (*verbin kieltomuoto*, cf. e.g. [Penttilä 1957: 212, 243]), or also the “negation form of the main verb” (*pääverbin kieltomuoto*, [Hakulinen et al. 2004: §109]). This is a logically problematic term, because the “negation form” does not in itself negate anything but only accompanies the actual negation verb. As an alternative, the term “connegative” was proposed some decades ago, originally with regard to Samoyedic [Janhunen 1977: 12, Salminen 1997: 115–116]. After being adopted into general linguistics [Miestamo 2005: 81–86], this term has already spread to typologically informed discussions of the other Uralic languages [Miestamo, Tamm, Wagner-Nagy 2015]. It is also used for the Tungusic form co-occurring with the inflected negation verb [Janhunen 2023: 66].

As a morphological category in both Uralic and Tungusic, the term “connegative” should be understood in the functional sense, as there is no separate element marking only the connegative. In Uralic, the connegative is marked by a general nominalizing suffix (**-k* > modern Finnish “final aspiration”, in the following written as -'), which is still attested as a derivational element (e.g. *lähte-* ‘to leave’ : *lähde-* ‘source, spring’), but which also appears as the marker of not only the connegative (*e-n lähde-* ‘I will not leave’), but also of the basic second person singular imperative (*lähde-* ‘leave!’). In the connegative function, this suffix can also be added to the secondary imperative stem (*äl-*

kä-ä lähte-kö- ‘(you all) do not leave!’). In Tungusic, the connegative is marked by a suffix (*-rA) identical with the aorist marker of the finite paradigm, which also functions as a participle marker in some of the modern languages.

In a more general sense, the term “connegative” can also be applied to various non-verbal elements accompanying constructions containing negation. As a common feature in the Ural-Altaic sphere, interrogative pronouns are transformed into indefinites by adding a clitic, often identical with an additive focus marker (‘also’). When combined with a negation word, such indefinite pronouns can be used in a connegative function, as in Mongolian (interrogative *yuu* ‘what?’ : indefinite *yuu=c* ‘whatever’ : connegative *yuu=c ugwai* ‘there is nothing’, [Janhunen 2012: 132–133]). Some languages, like Finnish, have a special form for the connegative clitic (=An ~ =kAAn), which can be added to almost any word in the clause, and which is used in reference to rather complicated discursive factors involving both overt and covert negation (as in *hän* ‘s/he’ : additive *hän=kin* ‘s/he too’ : connegative *ei hän=kään* ‘neither s/he’, *ei hän=kään tule-* ‘s/he also will not come’ : *ei hän tule-* ‘-kaan’ ‘s/he will not come, after all’ : *mahtaa=ko hän=kään tul-la* ‘I wonder if s/he also will (not) come’, etc., cf. [Hakulinen et al. 2004: §843]).

In Standard Northern Estonian, which lacks a special connegative clitic, the additive clitic, when used in a negative clause, is often accompanied by a separate connegative particle (*mitte*, as in *kes* ‘who?’ : *kee=gi* ‘somebody’ : *mitte kee=gi ei tul-nud* ‘nobody came’), a construction known in Estonian grammars as “special negation” (*erieitus*, [Erelt et al. 1993: 160–166]). Historically, this particle contains the otherwise lost connegative clitic still preserved in Finnish (*mi-tä=än*, partitive in *-tä-* from the interrogative root *mi-* ‘what?’). In other contexts, the Estonian item can also function alone as a negator, as when used as a negative answer (‘no’) or a prefix (‘non-’) (cf. also [Langemets et al. s.v.]). In some respects, this resembles the well-known situation in French, where standard negation is expressed by a combination of a primary negator and a connegative particle (*ne — pas*, cf. Wikipedia: Connegative), but where the connegative particle can also fully take over the role of the negator (*je ne sais pas* > *je sais pas*).

3. Corrogatives

In the Ural-Altaic sphere, polar (‘yes/no’) questions are typically expressed by postpositionally used interrogative clitics, though some languages use also other means, such as interrogative intonation (as in Hungarian), clause-initial interrogative particles (as in Estonian), or inverted word order (as in spoken Finnish and Estonian, cf. e.g. Finnish *sä tuu-t* ‘you come’ : *tuu-t sä?* ‘will you

come?’). Although the interrogative clitics can, in principle, be attached to any constituent of the clause, in the standard case they follow the finite predicate, which, because of the general head-final syntax of most of these languages, normally ends the utterance.

The form of interrogative clitics varies considerably within the individual languages and language families, suggesting that they are diachronically shallow, easily replaceable, and also potentially borrowable. Thus, for instance, in (Macro-)Turkic, there are different forms in Chuvash (=i), Yakut (=duo ~ =duu), and Common Turkic (=mV, with a varying vocalism) [Johanson 2021: 773–774]. Uralic also shows considerable diversity, with different forms in, for instance, Finnish (=kO), Mari (=ma ~ =mo), Udmurt (=a), and Hungarian (=e) [Bakró-Nagy, Laakso, Skribnik 2022 *passim*]. In many of these cases, the etymological motivation of the interrogative marker remains obscure, an exception being the Finnish (Finnic) form, which derives from an independent interrogative pronominal root (*ku- ~ *ko ‘what? which? who?’). The Mari interrogative clitic would seem to have a dual origin, in that it is identical with an interrogative pronoun (ma ~ mo ‘what?’), but its clitical use was probably stimulated by its formal analogy in Turkic [Erdódi 1979].

Mongolic follows a similar pattern and has an interrogative clitic with some formal variation in the modern languages (originally *=gU, represented variously as =gu ~ =UU, dialectally also =ii). There is, however, also another clitic in Mongolic which is used in general (non-polar or content) questions, that is, questions containing interrogative words, normally pronouns (English *wh*-). This type of question marking, which accompanies an interrogative pronoun, may conveniently be referred to by the term “corrogative” [Janhunen 2012: 183–184]. The corrogative marker (in Modern Mongolian =bwai > =b [w]) is based on a copula (*bUi), which originally accompanied the pronominal predicate of nominal sentences (as in *ci ken bui? > cii xem=bwai? ‘who are you?’), but which is synchronically also attached to verbal predicates, many of which are nominalizations (cf. e.g. *yab*- ‘to go’ : perfective participle *yab-sen* ‘(one) who has gone’ > ‘went’ : interrogative *yab-sn=oo?* ‘did (you) go?’ : corrogative *xejee yab-sem=b?* ‘when did (you) go?’).

The Mongolic interrogative clitic is shared on an areal basis by several Tungusic languages (*=gV/V, Ewenic, Udihe, Uilta), while others have a different and unrelated form (*=nV/V, Nanai-Ulcha, Oroch, Manchu) [Janhunen 2023: 71]. As in Uralic and Turkic, general questions are in most Tungusic languages unmarked. Exceptionally, however, as an apparently secondary innovation, corrogation is also marked in three Tungusic languages spoken in the Lower Amur and Sakhalin region: Ulcha, Uilta, and Oroch. The corrogative clitic in these languages may have originated from a more general focus particle in

the common ancestor of Ulcha (=kAA, [Kazama 2023: 431]) and Uilta (=kA ~ =gA, [Tsumagari, Yamada 2023: 453], while Oroch (=ka ~ =ga ~ =a, [Kazama 2023: 322]) may have received it by way of borrowing. It is probably no accident that the neighbouring Amuric languages also have separate interrogative and corrogative clitics (Nivkh interrogative =la ~ =lo > =l vs. corrogative =ŋa, =at, [Panfilov 1965: 214, Gruzdeva 1998: 45–46]).

Interestingly, a similar distinction between interrogative and corrogative clitics is historically also known from Koreanic and Japonic. Ramstedt [1939: §§150, 294] already noted that Korean and Japanese share two formally identical clitically used question markers (=ka and =ya [ja]). The formal similarity must be due to an areal contact and should not be taken as evidence of a genetic relationship (Ramstedt himself also held the view that Korean and Japanese are mutually unrelated). In the modern languages, these clitics (notably =ka) can be used for both polar and general questions (as in Japanese *iki-masu*=ka ‘will (you) go?’ vs. *itsu iki-masu*=ka ‘when will (you) go?’). However, in Japanese the two markers seem originally to have been distributed according to the interrogative (=ya) vs. corrogative (=ka) division, as attested in Western Old Japanese [Vovin 2020: 1118–1136]. In Korean, by contrast, as attested at the late Middle Korean stage, the formal counterpart of the Japanese corrogative clitic (=ka) is recorded in the basic interrogative function, while corrogation was marked by what looks like a separate variant form (=kwo [ko]) [Lee, Ramsey 2011: 225–226]. The functional difference between Japanese and Korean in what is likely to be a single etymon (*=ka) suggests that the distinction between interrogation and corrogation may have been a late development in both languages. Even so, the presence of a similar distinction in Mongolic, Tungusic, and Amuric suggests a common areal background.

4. Conclusion

Of the three types of “con-form” discussed above, converbs, including quasiconverbs, are most widely observed, and they are present in all languages of the Ural-Altaic sphere, although their number and frequency in the individual languages may vary greatly. In a typology characterized by a head-final word order and the absence of any primary conjunctions, converbs provide the basic resource that can be used for creating complex sentences.

Connegatives are a considerably less common phenomenon, especially if they are defined as morphological features of the verb, since they typically require a fully conjugated negation verb. In the Ural-Altaic sphere, such a verb is synchronically attested only in Uralic and Tungusic. However, other

connegative features, including pronominal forms, particles, and clitics, are much more frequent, not only in the Ural-Altaic sphere, but also elsewhere.

Corrogatives, finally, seem to be a “superfluous” feature, not really required by the transmission of information, since they always accompany a question word. In Mongolic, the corrogative clitic arose from a copula that was initially used with pronominal predicates, then with nominalized verbs in predicative position, and finally with any kind of finite verbs. In other languages, corrogatives may have arisen from the pleonastic use of interrogative forms in clauses containing a question word, as observed in modern Japanese and Korean. Most importantly, however, in the Ural-Altaic sphere corrogatives involve an areal feature of the Greater Manchurian region. Although the actual forms used as corrogatives are diachronically shallow, the feature itself may have more ancient regional roots, possibly even in the context of the still somewhat hypothetical linguistic area of the “(North) Pacific Rim” [Bickel, Nichols 2006].

References

- Bakró-Nagy M., Laakso J., Skribnik E. (eds.). 2022. *The Oxford Guide to the Uralic Languages*. Oxford Guides to the World's Languages. Oxford: Oxford University Press.
- Behnke A., Wagner-Nagy B. 2024. Introduction. In: Behnke A., Wagner-Nagy B. (eds.). *Clause Linkage in the Languages of the Ob-Yenisei Area. Empirical Approaches to Linguistic Theory* 23. Leiden: Brill, 1–25
- Behnke A., Wagner-Nagy B. (eds.). 2024. Clause Linkage in the Languages of the Ob-Yenisei Area. *Empirical Approaches to Linguistic Theory* 23. Leiden: Brill.
- Bickel B., Nichols J. 2006. Oceania, the Pacific Rim, and the theory of linguistic areas. *Proceedings of the Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society* 32: 3–15.
- Erdődi J. 1979. Die Fragepartikel *mo* des Tscheremissischen. *Finnisch-Ugrische Forschungen* 43: 213–221.
- Erelt M., Erelt T., Saari H. and Viks Ü. (eds.). 1993. *Eesti keele grammatika II. Süntaks*. Tallinn: Eesti Teaduste Akadeemia Keele ja Kirjanduse Instituut.
- Grønbech K., Krueger J. R. 1955. *An Introduction to Classical (Literary) Mongolian*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz.
- Gruzdeva E. 1998. *Nivkh*. Munich: LINCOM Publishers (Languages of the World/Materials 111).
- Gruzdeva E. Forthcoming in 2026. In: Bisang W., François A., Malchukov A., Vanhove M. (eds.). *Complex Predicates: A Comparative Handbook*. Comparative Handbooks of Linguistics. Berlin: De Gruyter Mouton.
- Gruzdeva E., Janhunen J. 2020. Notes on the typological prehistory of Ghilyak. *International Journal of Eurasian Linguistics* 2 (1). Leiden: Brill, 1–28.

- Hakulinen A., Vilkuna M., Korhonen R., Koivisto V., Heinonen T.-R., Alho I. 2004. *Iso suomen kielioppi*. Online: <https://kaino.kotus.fi/visk/etusivu.php>
- Halén H. 1998. Biliktu Bakshi: The Knowledgeable Teacher. G. J. Ramstedt as a Scholar. *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne* 229. Helsinki.
- Janhunen J. 1977. Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. *Cas-trenianumin toimitteita* 17. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Janhunen J. 2012. *Mongolian*. Amsterdam: John Benjamins (London Oriental and African Language Library).
- Janhunen J. 2021. Issues of comparative Uralic and Altaic Studies (7): On privative verbs in Mongolic and beyond. In: Nevskaya I., Şirin H., Ağca F. (eds.). *Festschrift in Honor of Marcel Erdal*. Journal of Turkish Studies, Special Edition, vol. 1. Harvard University, 153–161.
- Janhunen J. 2023. Proto-Tungusic. In: Vovin A., de la Fuente J. A., Janhunen J. (eds.). *The Tungusic Languages*. Abingdon: Routledge, 34–75.
- Kazama Sh. 2023. Oroch. In: Vovin A., de la Fuente J. A., Janhunen J. (eds.). *The Tungusic Languages*. Abingdon: Routledge, 294–325.
- Kazama Sh. 2023. Ulcha. In: Vovin A., de la Fuente J. A., Janhunen J. (eds.). *The Tungusic Languages*. Abingdon: Routledge, 407–435.
- Kiyose G. N. 1995. *Japanese Grammar: A New Approach*. Kyoto: Kyoto University Press.
- Langemets M., Tiits M., Valdre T., Veskis L., Viks Ü., Voll P. 2009. *Eesti keele seletav sõnaraamat. 2., täiendatud ja parandatud trükk*. Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus.
- Lee K. M., Ramsey S. R. 2011. *A History of the Korean Language*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Miestamo M. 2005. Standard Negation: The Negation of Declarative Verbal Main Clauses in a Typological Perspective. *Empirical Approaches to Language Typology* 31. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Miestamo M., Tamm A., Wagner-Nagy B. (eds.). 2015. Negation in Uralic Languages. *Typological Studies in Language* 108. Amsterdam: John Benjamins.
- Panfilov V. Z. 1965. *Grammatika nivxskogo jazyka*. Part 2. M.–L.: Nauka [Панфилов В. З. *Грамматика нивхского языка. Часть 2*. М.–Л.: Наука].
- Penttilä A. 1957. *Suomen kielioppi*. Porvoo–Helsinki: Werner Söderström Osakeyhtiö.
- Ramstedt G. J. 1903. Über die Konjugation des Khalkha-Mongolischen. *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne* 19. Helsinki.
- Ramstedt G. J. 1939. *A Korean Grammar*. Helsinki (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 82).
- Poppe N. 1951. *Khalkha-mongolische Grammatik mit Bibliographie, Sprachproben und Glossar*. Veröffentlichungen der Orientalischen Kommission, Band 1. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH.
- Risch E. 1984. *Gerundivum und Gerundium: Gebrauch im klassischen und älteren Latein. Entstehung und Vorgeschichte*. Berlin: Walter de Gruyter.

- Salminen T. 1997. *Tundra Nenets Inflection*. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 227. Helsinki.
- Schmidt I. J. 1831. *Grammatik der mongolischen Sprache*. St.-Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften.
- Tsumagari T., Yamada Y. 2023. Uilta. In: Vovin A., de la Fuente J. A., Janhunen J. (eds.). *The Tungusic Languages*. Abingdon: Routledge, 436–462.
- Vovin A. 2020. *A Descriptive and Comparative Grammar of Western Old Japanese*. Revised, updated and enlarged second edition, vols. 1–2. Handbuch der Orientalistik V.16. Leiden: Brill.
- Vovin A., de la Fuente J. A., Janhunen J. (eds.). 2023. *The Tungusic Languages*. Abingdon: Routledge.
- Ylikoski J. 2022. Non-finites. In: Bakró-Nagy M., Laakso J., Skribnik E. (eds.). *The Oxford Guide to the Uralic Languages*. Oxford Guides to the World's Languages. Oxford: Oxford University Press, 936–949.

Martin Haspelmath

Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, Leipzig

NUMERATIVES IN THE LANGUAGES OF ASIA AND BEYOND

Abstract

This paper gives an overview of some of the conceptual issues that have arisen in the literature on sortal numeral classifiers. I propose the term *numerative* and offer a clear definition of the concept for purposes of comparative and general linguistics. I note that it is not very helpful to define numeratives as kinds of “classifiers”, and that it is best to characterize numeratives in contrast to mensuratives (or measure words), even though many languages (especially in East and Southeast Asia) use a very similar construction for both. The proposed definition includes elements that also occur in other adnominal loci, so that the numerative concept may not be very natural, but this reflects the history and current state of research, which has been heavily influenced by Asian languages.

1. Numeratives defined

Numeratives (or “numeral classifiers”) have been studied increasingly from a comparative perspective over the last 60 years (e.g. [Berlin, Romney 1964; Greenberg 1972; Adams, Conklin 1973; Allan 1977; Croft 1994; Aikhenvald 2000; Gil 2005; Her et al. 2022]). They are particularly well-known from languages of Asia, as illustrated in (1)–(4).

(1) Japanese

san-bon *no* *enpitsu*
three-NUMV ATTR pencil
‘three pencils’ [Denny 1979: 318]

(2) Nivkh

mu *mi-m*
boat two-NUMV
‘two boats’ [Gruzdeva 2022: 400]

(3) Manchu

ilan fesin loho
three NUMV sword
‘three swords’ [Gorelova 2002: 206]

(4) Thai

mánaaw sǎam lûuk
lemon three NUMV
‘three lemons’ [Hundius, Kölver 1983: 167]

In this paper, I discuss numeratives primarily from a conceptual point of view. While “numeral classifier” is a well-known term, it has not been delimited clearly, and we will see that it can hardly be described as a subtype of “classifier” (§2). Thus, the term *numerative* seems more suitable than “numeral classifier”. I propose the definition in (5).

(5) **numerative**

A numerative is a bound morph that is one of several which occur in complementary distribution next to an adnominal cardinal numeral (and possibly next to other adnominal modifiers), but not next to a predicating form, and whose choice is determined by the class of the numerated noun rather than contributing a meaning of its own.

This definition makes no reference to “classifier” and thus avoids the well-known problem with the term¹. It is thus quite different from definitions of “numeral classifier” found in the literature, which usually presuppose that numeral classifiers are a subtype of classifier. The following definition is typical:

- (6) “**Numeral classifiers** are the most common, the largest and the best known systems of classifiers and are called *numeral* because they appear contiguous to numerals” [Grinevald 2004: 1019].

But the question how we can delimit “classifiers” from other forms that classify or categorize nouns (such as gender markers, adjectives, or typifying

¹ For example, Kilarski, Allasonnière-Tang [2021: §2] observe: “Defining classifiers presents a considerable challenge in view of the variation exhibited by classifier systems as well as commonalities with gender and various forms of lexical categorization” (see also [Grinevald 2015: 817]).

adnominal nouns) has rarely been discussed in depth, and many linguists have been content with a vague notion of classifier.

By contrast, the definition in (5) is precise, and it can serve as a comparative concept because it can be applied to all languages using the same criteria. Having a precise definition is essential if we want to compare unrelated languages from around the world in a rigorous way (e.g. [Gil 2005; Her et al. 2022]), and if we want to formulate universal generalizations (see §7). The term *numerative* and its definition are thus proposed here as an alternative to the poorly defined traditional term “numeral classifier” (see §8 for more on terminology).

In the remainder of this paper, I first discuss the term “classifier” and motivate the decision to define numeratives independently of it (§2), and then I give examples of numeratives in different adnominal loci (§3). In §4, I discuss a number of further issues relating to the definition, in particular that numeratives are bound forms (§4.1), that they cannot be characterized as not showing “agreement” (§4.2), that they make no semantic contribution (§4.3), that there must be several of them (§4.4) and that they need not be obligatory (§4.5). Then §5 contrasts numeratives with mensuratives (or measure words), and §6 discusses various hypotheses concerning the function of numeratives, without offering a clear conclusion. In §7, I cite five universals of numeratives, and §8 ends with some concluding remarks about the terminology, its history, and the importance of distinguishing between general comparative concepts and language-particular categories.

2. Are numeratives a subtype of “classifier”?

The term *numerative* (adopted from [Bloomfield 1933: 200; Haas 1942: n. 2]) is preferred here because “numeral classifier” would be a good term only if numeratives were classifiers — but what exactly is a classifier?

The literature generally contains only vague characterizations of the notions “classifier” and “nominal classification”. For example, Aikhenvald [2017] defines “noun categorization devices” or “classifiers” as in (7) (largely following [Allan 1977: 285])².

- (7) “Noun categorization devices are morphemes which occur in surface structures under specifiable conditions, denoting some salient semantic

² Allan [1977: 285] defines classifiers by two criteria: “(a) they occur as morphemes in surface structures under specifiable conditions; (b) they have meaning, in the sense that a classifier denotes some salient perceived or imputed characteristic of the entity to which an associated noun refers (or may refer)”.

characteristics of the entity to which an associated noun refers... These morphemes (referred to as ‘classifiers’ as an abbreviation) constitute a grammatical system” [Aikhenvald 2017: 361].

Aikhenvald includes gender markers in this definition, which are not generally regarded as “classifiers” (though it is now widely recognized that they cannot be easily delimited from classifiers; [Fedden, Corbett 2017]). Moreover, her definition does not exclude adjectives or typifying nouns, which are perhaps the most salient forms that serve to classify nominal referents. One might say that classifiers are “grammaticalized” elements, in contrast to adjectives and nouns, but “grammaticalized status” is itself a vague notion.

In the proposed definition in (5), the “classifying” nature of numeratives is reflected by the specification that they do not contribute a meaning of their own and that their choice is determined by the class of the (e)numerated noun. This is what crucially distinguishes numeratives from adjectives or nouns (see §4.3 below).

But there is another, even more serious problem with the way “numeral classifiers” have typically been characterized in the literature: They are often said to occur in two subtypes: “sortal numeral classifiers” and “mensural numeral classifiers”. For example, Zhang [2007] and van Breugel [2014: Ch. 12] introduce numeral classifiers in this way, giving the examples in (8) and (9).

(8) Mandarin Chinese [Zhang 2007: 45]

a. 兩本書

liǎng běn shū

two NUMV book

‘two books’ (numeral classifier)

b. 兩箱書

liǎng xiāng shū

two box book

‘two boxes of books’ (mensural classifier)

(9) Atong [van Breugel 2014: 205, 201]

a. *gari goy? tham*

vehicle NUMV three

‘three vehicles’ (numeral classifier)

- b. *ca khap bəɾəy*
 tea cup four
 ‘four cups of tea’ (mensural classifier)

The distinction between “sortal” and “mensural” (numeral classifier) appears to go back to Lyons [1977: 463], and it is often found in introductory sections when numeral classifiers are defined (e.g. [Gil 2005: 226; Seifart 2010: 722; Nomoto 2013: 8; Aikhenvald 2017: 374; Doetjes 2017: 293; Her et al. 2022: 153])³.

However, outside of such definitional passages, “mensural classifiers” are rarely treated as a type of numeral classifier, and “sortal” numeral classifiers are clearly the default. Gil [2005: 226] specifies that his *WALS* chapter is devoted to sortal numeral classifiers, but its title is “Numeral classifiers”. In the *WACL* database described by Her et al.’s [2022] (*World atlas of classifier languages*, <https://wac.lclld.org/>), numeral classifiers are first said to be classifiers that occur in numeral constructions, as in Grinevald’s definition in (6), and then the authors describe two subtypes of numeral classifiers: sortal and mensural classifiers. However, later in the paper they make it clear that they only consider sortal numeral classifiers, and that a “classifier language” is a language that has sortal numeral classifiers [Her et al. 2022: 155].

The term “(numeral) classifier language” is used quite often in the literature (e.g. [Nomoto 2013; Csirmaz, Dékány 2014; Jenks 2015]), and it always refers to languages that have numeratives, not to languages that have numeral or mensural classifiers or both. In fact, mensural classifiers are often said to be universal, so it is clear that “(numeral) classifier language” must refer to a language with sortal numeral classifiers. Using the more specific term *numerative*, we can be more precise and replace “classifier language” by *numerative language*.

Thus, we do not need to make use of the “classifier” concept in order to define numeratives for cross-linguistic comparison. But of course, there are important similarities between numeratives and forms that have been called “classifiers”, and eventually we would like to have a terminological system that allows us to capture these similarities. But this is beyond the scope of the present article (see [Haspelmath 2018] for some initial considerations).

³ In Cheng, Sybesma [1998], the two types are called “count classifiers” and “mass classifiers” (or “massifiers”). These terms are often mentioned, but the terminology has rarely been adopted by other linguists.

3. Numeratives are not restricted to the numeral locus

In many languages, numeratives occur only next to cardinal numerals or closely related forms such as ‘how many’ interrogatives. For example, Japanese has numeratives only in these two types of contexts:

(10) Japanese

- a. 四冊の本
yon-satsu *no* *hon*
 four-NUMV ATTR book
 ‘four books’
- b. 何冊の本
nan-satsu *no* *hon?*
 what-NUMV ATTR book
 ‘how many books?’

However, in other languages (especially in Southeast Asia), numeratives also occur in other constructions, in particular with quantifiers, demonstratives and adjectives. Some examples are given in (11)–(14), where the (a) example shows a numerative with a cardinal numeral, and the (b) example shows a numerative in another locus. Mandarin also shows numeratives with demonstratives (as in 11b), Cantonese also in one type of adpossessionive construction (as in 12b), Vietnamese also as a kind of article (a “bare classifier” construction, as in (13b)), and Thai also with adjectives (as in 14b).

(11) Mandarin Chinese

- a. 五個學校
wǔ-ge *xuéxiào*
 five-NUMV school
 ‘five schools’ (cardinal numeral)
- b. 那個學校
nà-ge *xuéxiào*
 that-NUMV school
 ‘that school’ (demonstrative)

(12) Cantonese [Matthews, Yip 2011: 449; 128]

- a. *léuhng* *bún* *syū*
 two NUMV book
 ‘two books’

- b. *kéuih bún syū*
 her NUMV book
 ‘her book’

(13) Vietnamese [Nguyen 2004: 9–10]

- a. *ba cuốn sách*
 three NUMV book
 ‘three books’

- b. *cuốn sách*
 NUMV book
 ‘a/the book’

(14) Thai [Hundius, Kölver 1983: 172]

- a. *rôm sǎam khan*
 umbrella three NUMV
 ‘three umbrellas’

- b. *rôm khan sǐikhǎaw*
 umbrella NUMV green
 ‘the green umbrella(s)’

One might want to say that classifying elements which occur widely also in non-numeral constructions should not be called “numeratives”, and some authors have preferred other terms such as “noun classifier” for languages like Cantonese (e.g. [Pacioni 2018]). However, the term “(sortal) numeral classifier” for such elements is deeply entrenched in the literature, and the proposal to replace it by *numerative* will be successful only if numeratives are defined broadly with respect to the morphosyntactic locus.

However, there are limits to this breadth: When a classifying element also occurs with predicating forms such as verbs or predicative adjectives, it is not regarded as a numerative. For example, Bora (and its dialect Miraña) has classifiers in various loci, including copulas, as seen in (15b).

(15) Bora (Colombia; [Seifart 2009: 372–373])

- a. *tsa-ʔo úhi-ʔo*
 one-CLF banana-CLF
 ‘one banana’

- b. *Ó-di ihka-:be tsa-pi o:ʔi-:be.*
 I-POSS be-CLF one-CLF dog-CLF
 ‘I have one dog.’ (Lit. ‘Mine is one dog.’)

Another language of this type is Yagua, spoken in Peruvian Amazonia and discussed by Payne (1986). Yagua has classifiers in predicative adjectives, as illustrated in (16b).

(16) Yagua [Payne 1986: 125; 122]

- a. *tá-juu-quii tuváriy juvanú*
 one-CLF-SG chicken egg
 ‘one chicken egg’
- b. *Sámi-jey sújay.*
 clean-CLF cloth
 ‘The clothes are clean.’

Of course, the decision to exclude classifier-like elements from the definition when they occur in a predicating form is quite arbitrary. A priori, it might seem to make more sense to use the label “numeral” only for forms that are restricted to numeral contexts (and maybe other quantifier contexts). However, this would exclude some prominent Asian languages such as Chinese, Vietnamese and Thai, which are particularly well-known for their “numeral classifiers”. As I noted, the term *numeral* is intended to cover the same ground as “sortal numeral classifier”, and this is achieved by the definition in (5), where adnominal loci are included, but predicating loci are excluded.

4. Further comments on the definition

4.1. Numeratives are bound forms

Numeratives (and other classifiers) are sometimes written together with the adjacent element and sometimes separately. It is often noted in the literature on numeratives that they can be “affixes or independent words” (e.g. [Kilarski, Allasonnière-Tang 2021]), or that they can be “bound morphemes or free morphemes” (e.g. [Croft 1994: §2; Her et al. 2022: 155]). Janhunen [2000] talks about “synthetic” and “analytic” numeral classifiers.

But what does this distinction entail? Numeratives are not “independent words” in the sense that they can occur independently of the numerals that they accompany. They are bound morphs that must occur together with (and next to)

a cardinal numeral⁴, though not necessarily with a noun⁵. Thus, it seems that the difference between the two types boils down to the spelling. Croft [1994: §2] notes that we do not expect a substantial difference between the two because “free grammatical morphemes often evolve diachronically into bound ones”. But once a form has become a numerative, it is bound, so the development mentioned by Croft must refer to an earlier change (from a non-numerative to a numerative).

In most languages, the shape of the numerative is constant and never depends on the numeral, and vice versa, but in some languages, there is some variation. A striking example is Nivkh, as described by Gruzdeva [2004]. In (17), we see the numerals ‘one’ through ‘five’ with four different numeratives (the forms are from Amur Nivkh).

(17) some Nivkh numerals with numeratives [Gruzdeva 2004: 312–317]

	boats (- <i>m</i>)	fishnets (- <i>vor</i>)	human (- <i>n</i> /(<i>q</i>) <i>r</i>)	paired objects (- <i>vasq</i>)
1	<i>ñi-</i> <i>ñi-m</i>	<i>ñ-vor</i>	<i>ñi-n</i>	<i>ñ-vasq</i>
2	<i>mi-</i> <i>mi-m</i>	<i>me-vor</i>	<i>me-n</i>	<i>me-vsq</i>
3	<i>ʃe-</i> <i>ʃe-m</i>	<i>ʃ-vor</i>	<i>ʃa-qr</i>	<i>ʃ-fasq</i>
4	<i>ny-</i> <i>ny-m</i>	<i>n-vur</i>	<i>ny-r</i>	<i>n-vysq</i>
5	<i>t'o-</i> <i>t'o-m</i>	<i>t'o-vor</i>	<i>t'o-r</i>	<i>t'o-vsq</i>

When two combined morphs are welded (showing segmental variation depending on a neighbouring morph; [Haspelmath 2021]), we are more likely to consider one of them as an affix. In the examples in (17), the numeratives can be considered as suffixes, or alternatively, one might consider the numerals as prefixes⁶. The difference does not matter for the purposes of general linguistics, and it may not matter even for the description of Nivkh. A very unusual property of Nivkh is that occasionally, there are different suppletive forms depending on the numeral, e.g. *-n* vs. *-(q)r* (human numerative)⁷.

⁴ A bound form is a form that does not occur in isolation [Bloomfield 1933: 160; Haspelmath 2021]. There seems to be general agreement in the literature that numeratives never occur in isolation, and always together with a numeral.

⁵ Numeral-numerative combinations such as Mandarin *liǎng běn* ‘two (e.g. books)’ can occur on their own, especially in an anaphoric context. It appears that this is so in all languages that have numeratives (see Universal 2 in §7).

⁶ For example, Lehmann [2010] says that the Yucatec Maya numerals are prefixed to their numeratives.

⁷ One might expect to find not only suppletive alternants of numeratives, but also distinct “cumulative” forms for the lower numerals, as one finds them in ordinals (e.g.

Numeratives occur next to cardinal numerals, not separated from them by other elements. Occasionally it has been reported that they can occur between an adjective and a noun rather than next to a numeral (e.g. some Mandarin speakers seem to allow expressions like *yī dà běn shū* [one big NUMV book] ‘one big book’, [Her, Hsieh 2010: 535]; see also Ikoro [1996: 22] for a similar pattern in Kana, a language of Nigeria). These cases seem to be quite marginal.

4.2. No need for lack of “agreement” as a criterion

The definition in (5) specifies that the choice of numerative is determined by the numerated noun, which is very similar to gender agreement patterns where an adnominal modifier includes a marker that is determined by the head noun. For example, in Modern Greek, adjectives and numerals agree in gender (and number) with the noun they modify: The nouns determine the choice of affix on the modifiers, as illustrated in (18)–(19).

- (18) a. *aft-á* *t-a* *meýál-a* *spítj-a*
 these-N.PL the-N.PL big-N.PL house(N)-PL
 ‘these big houses’ (neuter plural)
- b. *aft-és* *i* *meýál-es* *pórt-es*
 these-F.PL the-F.PL big-F.PL door(F)-PL
 ‘these big doors’ (feminine plural)
- (19) a. *trí-a* *spítj-a*
 three-N.PL house(N)-PL
 ‘three houses’ (neuter plural)
- b. *trí-s* *pórt-es*
 three-F.PL door(F)-PL
 ‘three doors’ (feminine plural)

Thus, one may wonder whether gender agreement markers such as *-a* and *-(e)s* both in (18) and (19) are numeratives, and whether Greek should count as a “classifier language”. This would be a very strange conclusion.

But recall that in the definition in (5), it is specified that a matching marker does not count as a numerative if it also occurs in a predicating form. And Greek

first for ‘one-th’, *second* for ‘two-th’). However, this has not been reported in the literature, as far as I am aware.

-a and -(e)s do occur in predicative adjectives, as illustrated in (20). Thus, the Greek markers -a and -(e)s do not fall under the definition of *numerative*.

- (20) *T-a spitj-a íne meýál-a.*
 the-N.PL house(N)-PL are big-N.PL
 ‘The houses are big.’

Occasionally, linguists have treated the occurrence of numeratives as “agreement”. For example, Schapper [2020] says that Waima’a shows “numeral agreement” in (21a–b), by means of the human prefix *wuo-* and the nonhuman prefix *kai-*.

- (21) Waima’a (Austronesian; [Schapper 2020: 412])
- a. *anuata wuo-hitu*
 woman NUMV(HUM)-seven
 ‘seven women’
 - b. *kumu kai-hitu*
 pigeon NUMV(NHUM)-seven
 ‘seven pigeons’

Similarly, Shibatani [2023: 16] points out that “gender agreement” (as in German, in (22)) and “classifier choice” (as in Mandarin Chinese, as in (23)) are very similar. (22b) is bad because the modifiers show the wrong gender value (feminine, not masculine), and (23b) is bad because the modifier shows the wrong class value (“book” numerative, not “long” numerative).

- (22) German
- a. *ein-Ø groß-er Mann*
 one-MASC big-MASC man(MASC)
 ‘a tall man’
 - b. **ein-e groß-e Mann*
 one-FEM tall-FEM man(MASC)
 ‘a tall man’

- (23) Mandarin Chinese
- a. *sān-zhī qiānbǐ*
 three-NUMV(LONG) pencil(LONG)
 ‘three pencils’

- b. **sān-bě* *qiānbǐ*
 three-NUMV(BOOK) pencil(LONG)
 ‘three pencils’

Thus, it is not sufficient to say that gender markers and numeratives differ in that only the former shows “agreement”, as is sometimes done (e.g. [Corbett 1991: 5; Nichols 1992: 125; Kilarski, Allasonnière-Tang 2021: §2]). Numeratives must be defined as elements that do not occur on predicating forms such as verbs as in (5) above. I leave it open here how “gender” might be defined.

4.3. No semantic contribution

Numeratives make no semantic contribution, but merely “classify” the nouns of a language. This is treated as definitional here, in line with the traditional term “classifier”⁸. In this way, numeratives are crucially different from nouns and adjectives, which normally add information.

However, the literature contains many remarks about the possibility of using different numeratives with the same noun, resulting in different meanings. For example, Benton [1968: 111] discussed Trukese (an Austronesian language of Micronesia) and noted that about one sixth of the nouns can occur with “contrasting numeral classifications”, e.g. *suupwa* ‘tobacco’:

(24) Trukese (Benton 1968: 111)

- | | | |
|--------------------------|---------------------------|------------------------|
| a. <i>e-fóc suupwa</i> | [one-CYLINDRICAL tobacco] | ‘cigarette’ |
| b. <i>e-túkúm suupwa</i> | [one-WRAPPED tobacco] | ‘packet of cigarettes’ |
| c. <i>e-ew suupwa</i> | [one-GENERAL tobacco] | ‘carton of cigarettes’ |
| d. <i>e-pék suupwa</i> | [one-STUMP tobacco] | ‘a cigarette butt’ |
| e. <i>e-kis suupwa</i> | [one-PORTION tobacco] | ‘some tobacco’ |

Similarly, Lucy (1992: 43) gives the following examples for Yucatec Maya, where *ha*’s ‘banana’ can occur with multiple numeratives (cited from [Lehmann 2010: n. 3]):

⁸ Aikhenvald [2021] observes that many languages have unique numeratives, i.e. numeratives that occur only with one noun. Such numeratives may not truly “classify” in the sense of creating true classes (as also noted by [Grinevald 2015: 817]), but they do fall under the definition in (5).

(25) Yucatec Maya

- a. *hun-waal ha's* [one-LEAF banana] 'banana leaf'
- b. *hun-ts'iit ha's* [one-LINE banana] 'banana fruit'
- c. *hun-kuul ha's* [one-PLANT banana] 'banana tree'
- d. *hun-kuuch ha's* [one-LOAD banana] 'banana bunch'
- e. *hun-p'iit ha's* [one-BIT banana] 'a bit of banana fruit'

However, these examples do not represent the normal case. In many languages, nouns are polysemous, and it often makes good sense to treat cases such as *glass1* (the material) and *glass2* (a drinking glass) as two different expressions, for which different numeratives are expected. For trees and their fruit, this sort of polysemy is observed in many languages (e.g. German *Birne* 'pear; pear tree'). And several of the examples in (24) and (25) seem to show "mensural classifiers", not numeratives (e.g. 'carton of cigarettes', 'bit of banana'). Lehmann [2010] observes that Lucy's Yucatec example is not typical, as most nouns in this language are associated with a particular numerative.

It is also important to note that the choice of numerative is often unpredictable, as noted for Cantonese by Matthews & Yip [2011: 109]:

"There are over sixty different classifiers, and the choice of classifier is often not predictable from the meaning of a noun: hence, dictionaries typically provide the appropriate classifier(s) in the entry for the noun".

This is the expected situation for numeratives, which is expressed in the definition in (5). If a language had a class of bound morphs that systematically contrast with each other and add different meanings (like adjectives) in numeral constructions, they would not be numeratives.

4.4. Several numeratives

Languages must have several numeratives, at least two, because if there were just a single numerative-like form, there would not be any "classification" (this was also noted by [Sinnemäki 2019: 141]). In general, languages must have several contrasting morphs to establish a grammatical category, e.g. two contrasting case markers, two contrasting number markers, two contrasting gender markers, or two contrasting tense markers. If there is just a single marker, it may be questionable if we even have a grammatical system.

4.5. Numeratives need not be obligatory

Numeratives have sometimes been said to be obligatory, as this is the case in Chinese, Japanese and Tzeltal, three languages that were particularly important in early research on numeratives. For example, according to Seifart [2010: 721]:

“Numeral classifiers occur obligatorily in numeral constructions, always adjacent to the numeral (but not necessarily to the enumerated noun)”.

Similarly, Lyons [1977: 461] says that it is typical of “classifier languages” that numeratives “are obligatory in phrases containing numerals” (see also [Allan 1977: 286; Zhang 2007: 47]). However, Gil [2005] showed that many languages have optional numeratives, and this is now widely recognized, so the definition in (5) says nothing about obligatoriness.

5. Numeratives versus mensuratives

In many languages, especially those of East and Southeast Asia, numeratives appear in constructions which are very similar to constructions with *mensuratives*, i.e. measure words such as ‘cup’ or ‘kilo’ that cooccur with cardinal numerals. In the examples in (26)–(28), the (a) expression shows a mensurative, and the (b) expression shows a numerative (see also the earlier examples in (8)–(9)).

(26) Nivkh [Gruzdeva 2004: 318; 309]

- a. *ɲyju me-x*
brook two-NUMV
‘two brooks’
- b. *ma ɲaɣ-ar*
dried.salmon six-bundle
‘six bundles of dried salmon’

(27) Lao [Enfield 2007: 120; 129]

- a. *Kuu3 sùù4 paa3 sòòng3 too3.*
I buy fish two NUMV
‘I bought two fish.’
- b. *Khòj5 sùù4 vaaj3 sòòng3 toon3.*
I buy rattan two ton
‘I bought two tons of rattan.’

(28) Yucatec Maya [Lehmann 2018: §3.2.1]

- a. *óox-p'eel lool*
three-NUMV flower
'three flowers'
- b. *óox-cháach bu'l*
three-hand bean
'three handfuls of beans'

The most common grammatical term for mensuratives is *measure word* (e.g. [Her 2012; Mathieu, Zareikar 2015; Doetjes 2017]), but this has not been defined precisely, and it may be confusing because “measure” is a traditional term for a class comprising both numeratives and mensuratives in Mandarin Chinese (e.g. [Hockett 1958: 224; Chao 1968: §7.9]). Instead, I use the term *mensurative* here (adopted from [Lehmann 2018]) and define it as follows:

(29) **mensurative**

A mensurative is a morph that can denote a container or a standard unit of measurement and that occurs next to a cardinal numeral helping to specify the amount of a substance or a set of objects.

In the earlier literature on “classifier languages”, mensuratives have often been called “mensural classifiers” (as discussed in §2 above), and it has been suggested that they are different from measure words in languages like English. For example, Kilarski & Allasonnière-Tang [2021] say:

“it is important to differentiate between measure words, as in English *three boxes of books*, and numeral classifiers. Although measure words in English are nouns since they can take plural morphology and require the preposition *of*, classifiers quantify the noun directly without the presence of adpositions”.

However, the distinction between English-type mensuratives (as in *three boxes of books*) and mensuratives in other languages cannot be drawn in terms of plural marking or the use of adpositions. In some plural-marking languages, mensuratives do not occur with plural markers, as illustrated by (30) from German, where the noun *Glas* is plural-marked (*Gläs-er* ‘glasses’) when it occurs outside of a mensurative construction.

(30) German

drei Glas Wein
 three glass wine
 ‘three glasses of wine’

And it cannot be drawn in terms of genitival markers, because these occur with numeratives in other languages as well (e.g. Japanese in (1) above). Thus, *mensurative* must be defined in functional-semantic terms, as in (29).

It has often been noted that mensuratives and numeratives have a different syntactic behaviour, despite the similarities in the simple pairs that we saw in (26)–(28). In particular, mensuratives can typically be modified by adjectives, whereas this is not possible with numeratives, as illustrated in (31)–(32) from Vietnamese [Nguyen 2004: 22–23].

(31) a. *ba muỗng đường*
 three spoon sugar
 ‘three spoonfuls of sugar’

b. *ba [muỗng vơi] đường*
 three spoon scant sugar
 ‘three scant spoonfuls of sugar’

(32) a. *hai cuốn [sách cũ]*
 two NUMV book old
 ‘two old books’

b. **hai [cuốn cũ] sách*
 two NUMV old book

Another salient difference is the fact that numeratives can occur only with individual-object nouns, while mensuratives can occur both with individual-object nouns and with substance nouns, as illustrated in (33a) and (33b).

(33) Cantonese [Matthews, Yip 2011: 117]

a. *yāt lùhng jeukjái*
 one cage bird
 ‘one cage of birds’ (individual-object noun)

- b. *léuhng gwun bējáu*
 two can beer
 ‘two cans of beer’ (substance noun)

But the primary distinction between numeratives and mensuratives is that the choice of the former is determined by the numerated noun referent, whereas the choice of a mensurative is determined by its meaning. Many substances and objects can be measured by different types of containers (or container-like measures), so languages usually have multiple mensuratives with different meanings that can occur with the same noun (in the same meaning). For example, in addition to *vaaj3 sòòng3 toon3* [rattan two ton] ‘two tons of rattan’ (see (27b) above), Lao also allows *vaaj3 sòòng3 kòd4* [rattan two coil] ‘two coils of rattan’ and *vaaj3 sòòng3 mat1* [rattan two tie] ‘two ties of rattan’ [Enfield 2007: 129]. Mensuratives are thus not “classifiers”: They add meanings, while numeratives do not.

Thus, the distinction made here in terms of the comparative concepts *numerative* vs. *mensurative* is a functional-semantic distinction. Morphosyntactically, some languages use very similar strategies for numeratives and mensuratives, so in a language-particular perspective, it may well make sense to treat them together. In a recent paper on Mandarin Chinese, Wang & Walther [2023] note:

“Given their apparent similarities and differences, typological and general linguistic studies have long debated whether sortal and mensural classifiers should be considered as the same syntactic category ... or two different categories ...” [Wang, Walther 2023: 81].

These debates cannot be resolved unless it is recognized that syntactic categories are language-particular, because the criteria for setting them up are specific to each language. The comparative concepts *numerative* and *mensurative* are not syntactic categories, but kinds of forms that can be identified by means of the same (functional or formal) criteria in all languages. In many particular languages, it may make good sense to say that they are subclasses of the same larger syntactic class, but this is a matter of language-particular analysis, not of general linguistics⁹.

⁹ An example is Doetjes’s [2017: 292] statement that in Chinese-type mensurative constructions (e.g. (33) from Cantonese), “the measure word is *realized* as a classifier” [emphasis added]. This way of talking about “measure words” and “classifiers” makes it clear that “measure word” (i.e. mensurative) is understood as a general functional-

6. On the function of numeratives

If the function of numeratives were clear, a rigorous formal definition would not be so important, but what exactly is their function? Many linguists have claimed or presupposed that numeratives have the function of facilitating counting. Since Greenberg [1972] and Krifka [1989] (at the latest), it has been widely thought that “classifier languages” require numeratives because nouns for individual objects are not individuated, but are more like mass nouns in English. This idea is summarized by Denny [1986] as follows:

“What is common to the theories put forward by classifier researchers is the idea that the noun refers to some kind of mass and the classifier gives a unit of that mass” [Denny 1986: 298].

It may be that the widespread view of numeratives as individuator has led to the relative neglect of the task of defining the term. The idea of the individuating function of numeratives has also informed some of the most prominent work on numeratives in which abstract formal models were proposed (e.g. [Chierchia 1998; Borer 2005], see [Wu, Her 2021] for a recent survey).

However, it has been recognized for some time that it is not true that there is no “count/mass”-like distinction in languages like Chinese (e.g. [Cheng, Sybesma 1999]), and that “sortal classifiers” and “mensural classifiers” often behave differently (as we saw in the preceding section). Moreover, Gil [2005] recorded the optionality of numeratives in many languages (as noted in §4.5), which is hardly compatible with the idea that numeratives are required because nouns are not individuated. Another argument against the older view is that there are some languages (or perhaps many languages) which do not make an English-like count/mass distinction but which nevertheless do not require numeratives (e.g. [Wilhelm 2008]). And more recently, some authors have highlighted the fact that in some languages, some numerals occur with numeratives, and others do not. For example, Lehmann [2010: §3] points out that in Yucatec Maya, traditional numerals like *óox*- ‘three’ require a numerative, while Spanish-derived numerals like *cinco* ‘five’ do not allow a numerative.

semantic concept, and “classifier” is understood as a language-particular syntactic class of Chinese (because semantic concepts are realized as syntactic classes).

(34) Yucatec Maya

- a. *óox-túul xib*
three-NUMV man
'three men'
- b. *cinco xib-o'b*
five man-PL
'five men'

Lehmann concludes that numeratives in Yucatec cannot have the function of individuation, and he suggests that “the primary function of this form class is purely structural: its members serve as props for the numerals, which are affixes”. But he admits that he cannot answer the question why numerals need such “props” and cannot combine directly with nouns. Bale & Coon [2014] report on the analogous situation in the Mayan language Chol and hypothesize that numeratives do not serve to individuate nouns, but to provide a “measure function” for numerals. But this functional explanation is not very convincing either, because it leads one to ask why many languages completely lack numeratives¹⁰.

It thus seems that we do not have a good understanding of what the function of numeratives might be. Since “classifiers” are similar to gender markers (as noted in §4.2), this is perhaps not so surprising, also because we do not really know what the function of gender marking is. Corbett [1991: 1] expressed this in the memorable opening sentence: “Gender is the most puzzling of the grammatical categories”. But for completeness, I will briefly note two other possible functions of numeratives.

First, it has often been suggested or implied that the function of numeratives, and of classifiers more broadly, is to “categorize” noun referents. Quite a few general works on classifiers start out with the idea that classifiers serve to put nouns or noun referents into categories, e.g.

“Noun categorization devices are a means of classifying referents in terms of their semantic features. They vary in their expression, and the contexts in which they occur. Large sets of numeral classifiers in the languages of

¹⁰ Little et al. [2022] propose that numeratives have different functions in different languages. This is possible, but their hypothesis does not entail strong typological predictions. As Doetjes [2021: 224] notes, “it is rather difficult to provide conclusive semantic arguments in favour of one type of approach or the other”. Formal semanticists offer hypotheses about semantic composition, but there are usually a range of different possibilities that all give the same results.

East Asia are used with number words and in quantifying expressions. Numeral classifiers divide into two subgroups, sortal and mensural. Sortal classifiers categorise the referent in terms of its intrinsic properties” [Aikhenvald 2021: 232–233].

Similar statements can be found in Dixon [1986: 208], Grinevald [2004: 1016], and Senft [2007: 676–678]. However, noun referents are already categorized by nouns, in a much more specific and informative way than by classifiers. If numeratives are defined as elements that do not contribute meanings of their own (as in the definition in (5), as discussed in §4.3), then their “categorizing” function is redundant. It may be that this additional redundant information is useful in some way, but this has not been demonstrated.

Second, Shibatani [2023] has suggested that the primary function of numeratives is to turn a cardinal numeral into a nominal that can stand on its own (he relates this to his larger ideas about nominalization [Shibatani 2019]). He notes that there are some languages where a numerative-like element only occurs when a cardinal numeral is used in a nominal without a noun, as in Marathi. In this language, the question ‘How many boys came?’ can be answered as in (35a) or (35b). If the noun *mule* ‘boys’ is not omitted, as in (35a), the “classifier” *-jaṇ* cannot occur.

(35) Marathi ([Shibatani 2023: 11]; judgement from Prashant Pardeshi)

- a. *Don(*-jaṇ) mule āl-e.*
 two-CLF boys came-PL
 ‘Two boys came.’
- b. *Don-jaṇ āl-e.*
 two-CLF came-PL
 ‘Two came.’ (i.e. ‘two boys came’)

Shibatani’s reason for saying that *-jaṇ* is a numeral classifier is that a cognate form occurs as a classifier in other languages, but on the basis of the paradigm in (35), one would not say that it is a numerative (but rather a kind of pro-form). As defined in (5), a numerative must be able to occur next to an adnominal cardinal numeral. If it occurs only next to a cardinal numeral when the noun is absent (“in NP use”, as Shibatani calls it), then it does not fall under the definition (see also [Lehmann 2000]). Shibatani may well be right that numeratives develop from substantivizing uses as in (35b) (see [Lehmann 2010: §3] for a similar suggestion), but this does not imply that “nominalization” is their current function.

Thus, the overall conclusion of this section is that we do not know what the function of numeratives is (but see the end of the next section for a new suggestion)¹¹.

7. Universals

Let us now briefly look at a few cross-linguistic generalizations about numeratives, mainly as an illustration of the kinds of patterns that we may find robust evidence for and that will eventually have to be explained if they are confirmed. All authors have emphasized the striking areal patterns (especially the concentration of numeratives in Southeast Asia; e.g. [Comrie 2007; Her et al. 2022: §4]), but these areal patterns will probably have a historical (and thus non-universal) explanation. Below I briefly discuss five potential universals of numeratives, which may eventually be explainable in terms of universal factors and thus have relevance for general linguistics.

The first universal concerns the semantic categories that play a role in numerative classes, the topic that has been of greatest interest to anthropological linguists such as Burling [1965] and Denny [1979].

(36) Universal 1

Numeratives almost always involve shape categories [Nichols 1992: 132].

It seems that this hypothesis has not yet been systematically tested, perhaps because it seems obviously true. Comparing the semantic categories across languages is difficult, because the scattered descriptions of numerative classes are hard to compare both in terms of their scope and in terms of their concepts¹².

The second universal concerns constructions in which the numerated noun is absent, as in anaphoric contexts of the kind illustrated in (35b) above.

(37) Universal 2

If a language has numeratives in numerated nominals, then it also has nounless numerative-numeral combinations [Lehmann 2010: §3].

¹¹ A reviewer suggests that numeratives may play the role of disambiguating the large number of homonyms in languages like Mandarin. This is possible, though it is unclear whether there is a tendency for numeratives to occur especially in languages with a large number of homonyms. And if so, one wonders why they should occur only with certain adnominal elements.

¹² For one region, Matthis [2022] carried out a useful survey, but a lot more of this kind of work is needed.

This universal is not very strong, because it seems that almost all languages have nounless constructions with cardinal numerals. I am not aware of a language where it is not possible to answer “three” when asked “how many people came?” Thus, Universal 2 only rules out languages which use numeratives in adnominal position but do not use them in nounless constructions.

The third universal is the most famous one, going back to Greenberg [1972] and Sanches & Slobin [1973] (and apparently first named by [Doetjes 2008]).

(38) Universal 3: The Greenberg-Sanches-Slobin generalization

If a language has numeratives, it does not have obligatory plural marking on nouns.

This universal has played an important role in more recent proposals for UG-based explanations of the distribution of numeratives and plural markers (e.g. [Borer 2005: 86–135]). It has often been mentioned and presupposed, and since Aikhenvald [2000: 100; 249], it has been known that there are exceptions (see also [Bisang 2012]). More recently, Tang & Her [2019] examined the hypothesis from a quantitative perspective and found it strongly supported. However, they note some conceptual issues, such as what exactly counts as obligatory plural marking and what exactly counts as “(sortal) numeral classifier”.

The next two universals concern cases of “differential numerative marking”, i.e. situations where the occurrence of a numerative depends on the numeral or the noun.

(39) Universal 4

If a language has numeratives only with some of its numerals, the occurrence of a numerative is more likely for lower numerals than for higher numerals.

This hypothesis should be readily testable, but I am not aware of any systematic study. The formulation in (39) is based on Aikhenvald’s [2000: 100] impressionistic observation that “classifiers are likely to be restricted to use with smaller numbers. In many languages they are obligatory with small numbers, and optional with larger ones”.

Occurrence of numeratives has also been observed to depend on the noun, in a recent paper by Holz [2022]:

(40) **Universal 5: The classifiability universal** [Holz 2022]

If a language has numeratives only with some of its nouns, the occurrence of a numerative is more likely for nouns higher on the classifiability scale: human > animate > inanimate > unit of time > unit of currency > unit of measure

The scale is called “classifiability scale” because a noun (or noun meaning) is called “classifiable” if the noun can occur with a sortal numeral classifier. (Given the terminology proposed in the present paper, “numerativizability” would be a more transparent term.) The hypothesis has been tested by Holz [2022] on the basis of a sample of 32 languages from eight different world regions. Holz proposes that the generalization can be explained with reference to frequency of use: Nouns higher on the scale are less likely to occur with a cardinal numeral, so it appears that numerative marking also has the function of signaling a less likely situation.

8. Concluding remarks on *numerative* as a term and comparative concept

In this paper, I have surveyed a range of conceptual issues concerning numeratives and I have made a concrete proposal for a definition, in (5) in §1, that avoids some of the problems of earlier characterizations of “(sortal) numeral classifiers”. Most importantly, the definition does not make reference to a “classifier” notion (§2), it keeps numeratives clearly separate from mensuratives (§5), it makes clear which additional loci numeratives can occur in (§3), and it specifies that numeratives make no semantic contribution (§4.3). The definition is intended as a general (or comparative) concept, for purposes of finding generalizations across languages (§7), and it should be clear that numeratives in specific languages are usually defined in different ways, using language-particular criteria.

The term *numerative* has not often been used for sortal numeral classifiers in the earlier literature, though it was already mentioned by Haas [1942: n. 2], in the same paper that popularized the term *numeral classifier*¹³. After Becker

¹³ It appears that *numeral classifier* became widely known once it had jumped from the Asian context to Mesomerica with the publication of Berlin & Romney [1964] and Berlin [1968]. The papers by Greenberg [1972], Adams & Conklin [1973] and Allan [1977] were further important early references. Numeratives were often described in earlier works on particular languages, but rarely in a general context (though [Malinowski 1920] was an early prominent account in an anthropological context). Bloomfield’s [1933: 200] discussion of Mandarin numeratives was not often cited in later work, maybe

(1975), *numeration* was used very little in English, though it has been in fairly common use in Russian (e.g. [Lander 2001; Bojko 2022]) and by linguists working in Russia (e.g. [Gorelova 2002: §3.8; Majzina 2019])¹⁴. The term has also sometimes been used in German (e.g. [Chen 1996; Murelli 2017]). Sackmann [2000] used *numeration* for Mandarin Chinese, and I am proposing here to revive this usage¹⁵.

Numeratives have not gone unnoticed in the earlier literature and have been described clearly since the 19th century for quite a few languages. The focus in the early literature was of course on their peculiar semantic nature, but in the structuralist period, there were proposals for precise morphosyntactic definitions for particular languages. For example, Burling [1965] provides the following definition for Burmese:

“The class of all classifiers can be given a clear syntactical definition: in Burmese it includes all morphemes which follow directly and in close juncture *behna* ‘how many,’ or the numbers *ta-* ‘one’, *hna-* ‘two’, *Odun-* ‘three’, etc., up to *kôu-* ‘nine’ ” [Burling 1965: 245].

This is fine for the particular purposes of describing Burmese, but what are numeratives in general? Downing [1996: 8] quotes Burling’s definition and remarks that “definitions of this type are, of course, possible only for individual languages, leaving us with the question of how to recognize a new numeral classifier language when we see one”. She thus clearly acknowledges that one needs separate definitions for comparative purposes.

In order to be able to use *numeration* as a comparative concept (and thus to be able to “recognize a numerative language when we see one”), we need a definition that can be applied to all languages, and this is what I proposed in this paper. In the earlier literature, there are few other concrete proposals, and when a definition was offered (as in (6) above), it usually made reference to other terms that are not clearly defined (such as “classifier”). It is also quite

because he used the term “numeration” also in a different sense, for quantifiers including cardinal numerals [Bloomfield 1933: 205].

¹⁴ A common Russian counterpart that is often equated with *numeration* is *sčëtnoe slovo* ‘count word’. (It should be noted, however, that these terms are not defined precisely in the Russian and German literature either).

¹⁵ For completeness, I note that “numeration” has sometimes been used in the sense of *adnumeration*, for a form of the noun that is used when the noun is modified by a cardinal numeral (e.g. [Nurmio, Willis 2016; Kim 2022]). The term *adnumeration* is more transparent and thus clearly preferable for this rare phenomenon.

common to find handbook articles where the term is not defined at all. For example, Doetjes [2021] begins her discussion of numeratives by saying: “In so-called numeral classifier languages, numerals require or permit the insertion of a numeral classifier when they combine with a noun”. She goes on to give a typical example (from Mandarin Chinese), so that readers get a rough idea, but what exactly the boundaries of the concept are remains unclear.

Some linguists have suggested that grammatical concepts should be thought of as prototypes, with more or less central members, and this has been suggested explicitly for numeratives by Grinevald [2000: 80]:

“One would take, for instance, some of the major South East Asian systems — such as the Thai or the Burmese systems — as prototypical numeral classifier systems... Less typical numeral classifier systems would be, for instance, more grammaticalized ones...”.

However, the choice of prototype would seem to be quite arbitrary, and based on the fact that numeratives were first described prominently for East and Southeast Asian languages. Thai and Burmese are big national languages, so they are well-known to linguists, but there is no reason why they should be treated in a privileged way.

The definition of *numerative* that I offered in (5) is of course also based on the tradition of research in the 20th century, where the big Asian languages have played an outsize role. But I am not suggesting that it represents a “prototype” or anything else with deeper significance (least of all an innate category of Universal Grammar). The definition and the term are merely intended to help linguists orient themselves in the web of terminology, and it is explicitly noted that some of its features (such as the exclusion of classifier-like forms that occur in predicating position) are quite arbitrary. More generally, comparative and general linguistics must be based on conventional (and partly arbitrary) comparative concepts, at least until we know more about the possible innate building blocks of grammar.

References

- Adams K. L., Conklin N. 1973. Toward a theory of natural classification. *Proceedings from the Annual Meeting of the Chicago Linguistic Society*, vol. 9, Chicago: Chicago Linguistic Society, 1–10.
- Aikhenvald A. Y. 2000. *Classifiers: A typology of noun categorization devices*. Oxford: Oxford University Press.

- Aikhenvald A. Y. 2017. A typology of noun categorization devices. In: A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon (eds.). *The Cambridge handbook of linguistic typology*, Cambridge: Cambridge University Press, 361–404.
- Aikhenvald A. Y. 2021. One of a kind: On the utility of specific classifiers. *Cognitive Semantics*, 7:2, 232–257.
- Allan K. 1977. Classifiers. *Language*, 53:2, 285–311.
- Bale A., Coon J. 2014. Classifiers are for numerals, not for nouns: Consequences for the mass/count distinction. *Linguistic Inquiry*, 45:4, 695–707.
- Becker A. L. 1975. A linguistic image of nature: The Burmese numerative classifier system. *International Journal of the Sociology of Language*, 5, 109–122.
- Benton R. A. 1968. Numeral and attributive classifiers in Trukese. *Oceanic Linguistics*, 7:2, 104–146.
- Berlin B. 1968. *Tzeltal numeral classifiers: A study in ethnographic semantics*. The Hague: Mouton.
- Berlin B., Romney A. K. 1964. Descriptive semantics of Tzeltal numeral classifiers. *American Anthropologist*, 66:3, 79–98.
- Bisang W. 2012. Numeral classifiers with plural marking: A challenge to Greenberg. In: Xu, Dan (ed.). *Plurality and classifiers across languages in China*. Berlin: De Gruyter Mouton, 23–42.
- Bloomfield L. 1933. *Language*. New York: H. Holt and Company.
- Bojko M. V. 2022. Kratkij obzor issledovanij numerativov v otechestvennoj i zarubezhnoj lingvistike (Brief overview of research on numeral classifiers in Russian and foreign linguistics) [Краткий обзор исследований нумеративов в отечественной и зарубежной лингвистике. *Процессы интеграции и дифференциации в мире: социально-гуманитарный аспект : материалы Всероссийской студенческой научной конференции (Екатеринбург, 1–2 декабря 2021 г.)*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 27–30].
- Borer H. 2005. *Structuring sense (Volume I: In name only)*. Oxford: Oxford University Press.
- Burling R. 1965. How to choose a Burmese numeral classifier. In: M. E. Spiro (ed.). *Context and meaning in cultural anthropology*. New York: The Free Press, 243–264.
- Chao Y. R. 1968. *A grammar of spoken Chinese*. Berkeley: University of California Press.
- Chen A. 1996. *Numerative und Numerativkonstruktionen im Deutschen und im Chinesischen: Eine kontrastiv-typologische Untersuchung*. Berlin: Mouton.
- Cheng L. L-Sh., Sybesma R. 1998. Yi-wan tang, yi-ge tang: Classifiers and massifiers. *Tsing Hua Journal of Chinese Studies*, 28:3, 385–412.
- Cheng L. L-Sh., Sybesma R. 1999. Bare and not-so-bare nouns and the structure of NP. *Linguistic Inquiry*, 30:4, 509–542.
- Chierchia G. 1998. Reference to kinds across language. *Natural Language Semantics*, 6:4, 339–405.

- Comrie B. 2007. Areal typology of Mainland Southeast Asia: What we learn from the WALS maps. In: P. Kullavanijaya (ed.). *Trends in Thai linguistics*. (Manusya: Journal of Humanities, Special Issue 13), 18–47.
- Corbett G. G. 1991. *Gender*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Croft W. 1994. Semantic universals in classifier systems. *WORD*. 45:2, 145–171.
- Csirmaz A., Dékány E. 2014. Hungarian is a classifier language. In: F. Masini, R. Simone (eds.). *Word classes: Nature, typology and representation*. Amsterdam: Benjamins, 141–160.
- Denny J. P. 1979. Semantic analysis of selected Japanese numeral classifiers for units. *Linguistics*, 17:3–4, 317–335.
- Denny J. P. 1986. The semantic role of noun classifiers. In: C. G. Craig, (ed.). *Noun classes and categorization*. Amsterdam: Benjamins, 297–308.
- Dixon R. M. W. 1986. Noun classes and noun classification in typological perspective. In: Craig C. G. (ed.). *Noun classes and categorization*. Amsterdam: Benjamins, 105–112.
- Doetjes J. 2008. Counting and degree modification. *Recherches linguistiques de Vincennes*, 37, 139–161.
- Doetjes J. 2017. Measure words and classifiers. *Revista Letras*, 96, 291–308.
- Doetjes J. 2021. Number and numeral classifiers. In: P. Cabredo Hofherr, J. Doetjes (eds.). *The Oxford handbook of grammatical number*. Oxford: Oxford University Press, 220–241.
- Downing P. 1996. *Nominal classifier systems: The case of Japanese*. Amsterdam: Benjamins.
- Enfield N. J. 2007. *A grammar of Lao*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Fedden S., Corbett G. G. 2017. Gender and classifiers in concurrent systems: Refining the typology of nominal classification. *Glossa: A journal of general linguistics*, 2:1.
- Gil D. 2005. Numeral classifiers. In: M. Haspelmath, M. Dryer, D. Gil, B. Comrie, (eds.). *The world atlas of language structures*. Oxford: Oxford University Press, 226–229.
- Gorelova L. M. 2002. *Manchu grammar*. Leiden: Brill.
- Greenberg J. H. 1972. Numeral classifiers and substantival number: Problems in the genesis of a linguistic type. *Working Papers on Language Universals*, 9, 1–39.
- Grinevald C. 2000. A morphosyntactic typology of classifiers. In: G. Senft (ed.). *Systems of nominal classification*. Cambridge: Cambridge University Press, 50–92.
- Grinevald C. 2004. Classifiers. In: G. Booij, C. Lehmann, J. Mugdan, S. Skopeteas (eds.). *Morphology: A handbook on inflection and word formation (vol. 2)* (Handbücher Zur Sprach Und Kommunikationswissenschaft 17/2). Berlin: Mouton de Gruyter, 1016–1031.
- Grinevald C. 2015. Linguistics of classifiers. *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (2nd edition)*. Elsevier, 1973–1978.
- Gruzdeva E. 2004. Numeral classifiers in Nivkh. *STUF — Language Typology and Universals*, 57:2–3, 300–329.

- Gruzdeva E. 2022. Number in Nivkh. In: P. Acquaviva, M. Daniel (eds.). *Number in the world's languages: A comparative handbook*. Berlin: De Gruyter Mouton, 375–423.
- Haas M. 1942. The use of numeral classifiers in Thai. *Language*, 18:3, 201–205.
- Haspelmath M. 2018. Toward a new conceptual framework for comparing gender systems and some so-called classifier systems. Colloquium talk, Stockholm University.
- Haspelmath M. 2021. Bound forms, welded forms, and affixes: Basic concepts for morphological comparison. *Voprosy Jazykoznanija*. 2021:1, 7–28.
- Her O-S., Hammarström H., Allasonnière-Tang M. 2022. Defining numeral classifiers and identifying classifier languages of the world. *Linguistics Vanguard*, 8:1, 151–164.
- Her O-S., Hsieh Ch-T. 2010. On the semantic distinction between classifiers and measure words in Chinese. *Language and Linguistics*, 11:3, 527–551.
- Her O-S. 2012. Distinguishing classifiers and measure words: A mathematical perspective and implications. *Lingua*, 122:14, 1668–1691.
- Hockett C. F. 1958. *A course in modern linguistics*. New York: MacMillan.
- Holz C. 2022. The classifiability scale: A cross-linguistic study on the occurrence of numeral classifiers. *Asian Languages and Linguistics*, 3:2, 331–367.
- Hundius H., Kölver U. 1983. Syntax and semantics of numeral classifiers in Thai. *Studies in Language*, 7:2, 165–214.
- Ikoro S. 1996. *The Kana language*. Leiden: Leiden University.
- Janhunen J. 2000. Grammatical gender from east to west. In: B. Unterbeck, M. Rissanen, T. Nevalainen, M. Saari (eds.). *Gender in grammar and cognition*, Berlin: Mouton de Gruyter, 689–707.
- Jenks P. 2015. Two kinds of definites in numeral classifier languages. *Semantics and Linguistic Theory*, 103–124.
- Kilarski M., Allasonnière-Tang M.. 2021. Classifiers in morphology. *Oxford Research Encyclopedia of Linguistics*, 2021.
- Kim R. I. 2022. Numerative and numeral inflection in Ossetic. *Acta Linguistica Petropolitana*, 18:1, 147–164.
- Krifka M. 1989. Nominal reference, temporal constitution and quantification in event semantics. In: J. van Benthem, R. Bartsch, B. van Emde (eds.). *Semantics and contextual expressions*. Dordrecht: Foris.
- Lander Yu. A. 2001. Tipy konstruktsij so schetnymi slovami [Типы конструкций со счетными словами. В кн.: Труды международного семинара ДИАЛОГ'2001/ Отв. ред.: А. С. Нариньяни. Т.1: Теоретические проблемы Аксаково: [б.и.], 2001, 151–158.
- Lehmann C. 2000. On the German numeral classifier system. In: C. Schaner-Wolles, J. Rennison, F. Neubarth (eds.). *Naturally! Linguistic studies in honour of Wolfgang Ulrich Dressler presented on the occasion of his 60th birthday*. Turin: Rosenberg & Sellier, 249–253.

- Lehmann C. 2010. On the function of numeral classifiers. In: F. Floricic (ed.). *Essais de typologie et de linguistique générale: Mélanges offerts à Denis Creissels*. Lyon: École Normale Supérieure, 435–445.
- Lehmann C. 2018. Linguistic concepts and categories in language description and comparison. In: M. Chini, P. Cuzzolin (eds.). *Typology, acquisition, grammaticalization studies*. Milan: Franco Angeli, 27–50.
- Little C., Moroney M., Royer J. 2022. Classifiers can be for numerals or nouns: Two strategies for numeral modification. *Glossa: A journal of general linguistics*, 7:1.
- Lucy J. 1992. *Language diversity and thought: A reformulation of the linguistic relativity hypothesis*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lyons J. 1977. *Semantics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Majzina A. N. 2019. Numeratives in the Altai language. *Мир науки, культуры, образования*, 4:77, 358–361.
- Malinowski B. 1920. Classificatory particles in the language of Kiriwina. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, 1:4, 33–78.
- Mathieu E., Zareikar G. 2015. Measure words, plurality, and cross-linguistic variation. *Linguistic Variation*, 15:2, 169–200.
- Matthews S., Yip V. 2011. *Cantonese: A comprehensive grammar*. London: Routledge.
- Matthis M. 2022. *The semantics of numeral classifiers in the Pacific Northwest languages of North America: An areal-typological study*. Stockholm: Stockholm University. (BA thesis.)
- Murelli A. 2017. Numerativkonstruktionen. In: L. Gunkel, A. Murelli, S. Schlotthauer, B. Wiese, G. Zifonun (eds.). *Grammatik des Deutschen im europäischen Vergleich: Das Nominal*. Berlin: De Gruyter, 1699–1729.
- Nguyen T. H. 2004. *The structure of the Vietnamese noun phrase*. Boston: Boston University. (PhD dissertation.)
- Nichols J. 1992. *Linguistic diversity in space and time*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Nomoto H. 2013. *Number in classifier languages*. Minneapolis: University of Minnesota.
- Nurmio S., Willis D. 2016. The rise and fall of a minor category: The case of the Welsh numerative. *Journal of Historical Linguistics*, 6:2, 297–339.
- Pacioni P. 2018. *Noun classifiers: A view from Cantonese* (LINCOM Studies in Chinese Linguistics). Munich: LINCOM.
- Payne D. 1986. Noun classification in Yagua. In: C. Craig (ed.). *Noun classes and categorization*. Amsterdam: Benjamins, 113–131.
- Sackmann R. 2011. Numeratives in Mandarin Chinese. In: P. Vogel, B. Comrie, (eds.). *Approaches to the typology of word classes*. Berlin: De Gruyter Mouton, 421–478.
- Sanches M., Slobin L. 1973. Numeral classifiers and plural marking: An implicational universal. *Working Papers on Language Universals*, 11, 1–22.

- Schapper A. 2020. The origins of isolating word structure in eastern Timor. In: A. Schapper, D. Gil (eds.). *Austronesian undressed*. Amsterdam: Benjamins, 391–446.
- Seifart F. 2009. Multidimensional typology and Miraña class markers. In: P. Epps, A. Arkhipov (eds.). *New challenges in typology: Transcending the borders and refining the distinctions*. Berlin: Mouton de Gruyter, 365–385.
- Seifart F. 2010. Nominal classification. *Language and Linguistics Compass*, 4:8, 719–736.
- Senft G. 2007. Nominal classification. In: D. Geeraerts, H. Cuyckens (eds.). *The Oxford handbook of Cognitive Linguistics*, Oxford: Oxford University Press, 676–696.
- Shibatani M. 2019. What is nominalization? Towards the theoretical foundations of nominalization. In: R. Zariquiey, M. Shibatani, D. Fleck (eds.). *Nominalization in languages of the Americas*. Amsterdam: Benjamins, 15–167.
- Shibatani M. 2023. Towards Dynamic Functional Typology: Classifiers, genders, and nominalization. *Historical Linguistics in Japan*, 12, 1–52.
- Sinnemäki K. 2019. On the distribution and complexity of gender and numeral classifiers. In: F. Di Garbo, B. Olsson, B. Wälchli (eds.). *Grammatical gender and linguistic complexity (volume II: World-wide comparative studies)*. Berlin: Language Science Press, 133–200.
- Tang M., Her O. 2019. Insights on the Greenberg-Sanches-Slobin generalization: Quantitative typological data on classifiers and plural markers. *Folia Linguistica*, 53:2, 297–331.
- van Breugel S. 2014. *A grammar of Atong*. Leiden: Brill.
- Wang Y., Walther G. 2023. Measure words are measurably different from sortal classifiers. In: O. Rambow, F. Lareau (eds.). *Proceedings of the Seventh International Conference on Dependency Linguistics (Depling, GURT/SyntaxFest 2023)*, Washington, D.C.: Association for Computational Linguistics, 81–90.
- Wilhelm A. 2008. Bare nouns and number in Dëne Sųliné. *Natural Language Semantics*, 16:1, 39–68.
- Wu J., Her O. 2021. Taxonomy of numeral classifiers: A formal semantic proposal. In: C. Lee, Y. Kim, B. Yi (eds.). *Numeral classifiers and classifier languages*. Routledge, 40–71.
- Zhang H. 2007. Numeral classifiers in Mandarin Chinese. *Journal of East Asian Linguistics*, 16:1, 43–59.

Edward Vajda

Western Washington University, Bellingham

DEGREES OF LEXICOSYNTACTIC COHERENCE IN KET AND NIVKH

1. Introduction

This study compares finite verb morphology in two structurally divergent and genealogically unrelated languages of Northern Asia. It is dedicated to Ekaterina Gruzdeva, whose decades-long documentation of Nivkh has supported community revitalization efforts, brought greater awareness to the region's rich indigenous linguistic diversity, and continues to inspire her fellow linguists.

Previous analyses of verb structure in Nivkh and Ket have contributed to broader studies of polysynthesis — notably Evans & Sasse [2002] and Fortescue, Mithun & Evans [2017]. However, no detailed comparison of the verb morphologies of these two languages has yet been attempted, and for seemingly good reasons. Since Nivkh and Ket are genealogically unrelated, analyzing them together cannot inform questions of language classification. Furthermore, their morphologies differ in nearly every respect, offering little motivation for a direct typological comparison. Yet it is precisely this stark contrast — both in structure and historical origin — that makes placing them side by side so revealing.

This study begins with a review of the core properties that define polysynthesis. The following two sections examine the verb morphologies of Ket and Nivkh in turn, focusing on the types of lexical material each language permits for incorporation, along with broader morphosyntactic design features. The goal is to show that the contrasting forms of polysynthesis in Ket and Nivkh reflect fundamental differences in how morphology interfaces with lexical and syntactic structures — a distinction this paper terms *lexicosyntactic coherence*.

Most fundamentally, the two languages differ in the degree of isomorphism permitted between lexeme and morphological word. In Ket, verbs are invariably lexemes, while in Nivkh, morphological verbs frequently correspond to syntactic phrases — posing exceptions to the Lexical Integrity Hypothesis. Ket syntax favors simple sentences, and correspondingly, its verbs are always monoclausal, regardless of formal or semantic complexity. In contrast, Nivkh possesses a rich repertoire for constructing complex sentences, and its verb forms often incorporate lexical material drawn from multiple clauses. Ket predicates allow synthesis only with arguments or complements from the tight verb phrase,

whereas Nivkh predicates can synthesize with adjuncts from the extended verb phrase, as well as with clause-level elements tied to information structure. Thus, Ket polysynthesis reflects its syntactic tightness, while Nivkh polysynthesis emerges from a looser coherence between morphological words, phrases, and clauses.

The final section considers how comparing the tight coherence of Ket's monoclausal verbal lexemes with the loose coherence of Nivkh's multiclausal morphological verbs informs a broader typology of complex verb morphology and lexicosyntactic coherence.

2. Complex verb morphology and polysynthesis

Recent decades have witnessed many new descriptions of complex verb morphologies in languages from diverse families around the world. However, whether these languages are classified as polysynthetic depends on how polysynthesis is defined. The most comprehensive analysis of languages with highly complex verb morphology is Fortescue, Mithun & Evans [2017]. This work treats polysynthesis as a cluster concept, involving at least two of the following three features: holophrasis (verb-internal indexing of subjects and objects); interdigitation of lexical and inflectional material (especially when arranged in a rigid template), and the incorporation of secondary lexical material. According to this framework, Nivkh is polysynthetic due mainly to its incorporation of a wide array of root morphemes, despite that Nivkh verbs grammatically index at most only one core argument and are not properly holophrastic [Mattissen 2017]. By contrast, the Ket verb is unambiguously polysynthetic, as it involves all three features: holophrasis, a templatic and discontinuous stem, and incorporation of heavy lexical material [Vajda 2017b]. Other languages described in this seminal work are classifiable as polysynthetic each in its own way. The picture that emerges is one of typological diversity rather than conceptual unity. Polysynthesis remains a term in search of a precise definition rather than a precisely defined feature, as noted by Haspelmath [2018] in his review of Fortescue, Mithun, & Evans [2017]. This ambiguity provides part of the motivation for the present comparison.

Rather than attempting to redefine polysynthesis, this study explores how the morphological verb in Ket and Nivkh straddles the interface between syntax, morphology, and the lexicon. The focus is qualitative rather than quantitative, as several key questions are addressed for both languages: What kinds of grammatical information can the verb express? What types of secondary lexical material can be incorporated. Can lexical roots replace inflectional affixes within the morphological verb? Most importantly, do morphological verbs represent

monoclausal lexemes, or are they multiclausal phrases on the syntactic level? Finally, how does the degree of isomorphism between lexeme and morphological verb interact with other morphosyntactic features, such as the presence of dedicated means for expressing clausal subordination outside the finite verb?

3. Ket

This section describes Ket polysynthesis, beginning with a general overview of the verb morphology in Section 3.1. Section 3.2 focuses on the incorporation of lexical material expressing the verb's object, instrument, adverbial, or subject complement. Section 3.3 examines intransitive verbs that incorporate lexical material expressing the subject argument itself. Section 3.4 argues that Ket morphological verbs never contain more than a single heavy verb root, indicating that verb serialization is not a feature of Ket polysynthesis. Section 3.5 compares the categories of phonological verb, morphological verb, and verbal lexeme in Ket. Section 3.6 broadens the discussion of the morphology of clauses in Ket, while Section 3.7 provides a general summary. Unless otherwise noted, all Ket examples are drawn from my own documentation work.

3.1. *The basics of Ket verb structure*

Ket would likely be considered polysynthetic under most if not all definitions, including by Baker [1996], who limits the term to languages with holophrasis. Ket verbs regularly index the subject and object arguments of monotransitive and ditransitive stems and the subject of monovalent intransitive stems. Table 1, adapted from Vajda [2017a: 442], shows the intricate template that underpins Ket verb forms.

One hallmark of Yeniseian verb structure is the extensive functional overlap and redundancy in most template positions. This is particularly evident in the multiplicity of subject and object index positions (shaded in gray). The affixes that fill these positions in different stems create five intransitive classes and three transitive classes, some of which involve multi-site indexing of the subject (a form of multiple exponence); see Vajda [2017b: 441–464] for a full description. These valency classes do not consistently correlate with semantic distinctions like active or inactive. Instead, they developed through random historical changes, including the metathesis of morpheme positions and the reanalysis of subject indexes from archaic aspect affixes [Vajda 2017a]. There are also irregular and unproductive techniques for indexing subjects and objects, as well as several types of avalent stems, where the subject argument is expressed by lexical material incorporated directly into the verb form (discussed in Section 3.4 below).

Table 1: The Ket finite verb template (anim = animate class; inan = inanimate class)

P8	P7	P6	P5	P4	P3	P2	P1	P0	P-1
subject person and class	incorporant	object or subject	thematic consonant(s)	3 anim subject or object + tense mood	3 inan subject or object or thematic	tense mood aspect	1,2 subject or object	BASE [verb root + aspect suffix]	anim plural subject or resultative suffix

Table 2: Nivkh finite verb morphology

undergoer or dependent	head verb root	transitivity	evaluation	aspect	causativity	aspect or desiderative	tense	modality	mood	plural number	focus
------------------------	-----------------------	--------------	------------	--------	-------------	------------------------	-------	----------	-------------	---------------	-------

Because there is no overarching grammatical pattern, verbs with the same argument structure often belong to different valency classes.

In terms of its inflectional categories, the Ket verb is less complex semantically than this extreme degree of formal elaboration might suggest. There are only two obligatory grammatical dimensions. The first is the verb-internal indexing of subject and object arguments by person, number, and class (inanimate vs. animate, with animate singular further subdivided into masculine and feminine classes). As already explained above, this feature creates a variety of valency classes. The other broad inflectional dimension is the expression of tense and mood through combinations of prefixes in positions 4 and 2. These prefixes convey either past vs. non-past indicative or 2nd person imperative and create six productive tense-mood classes, along with a residue of unproductive types. In modern Ket, the choice of tense-mood allomorphs is only loosely connected with aspect or other identifiable semantic features. The lexical entry of each Ket verb therefore must specify not only the morpheme shapes in positions 7, 5, and 0 but also its tense-mood class and valency class (i.e., the positional configuration of subject and object indexes). In terms of its synthesis technique, Ket verb morphology is highly agglutinating, though often with significant fusion among the morphemes in positions 5 to 0.

The lexical morphemes in positions 7, 5, and 0 represent the verb's semantic core. The position 5 morphemes add what could be called "light lexical material", similar in function to verb prefixes in Russian or other Indo-European languages. Each position 5 prefix consists of a single consonant. Though now mostly unproductive or semantically opaque in many verbs, these thematic consonants originally expressed trajectory (e.g., out, up, down, inside, onto a surface), shape (round, long, area), or pluractionality. In some stems, one of the position 5 thematic consonants has metathesized into position 3, as in (16) below, or originated from the metathesis of the /b/ reflex of the base morpheme onset *w, examples of which are discussed in Vajda [2017a: 378–379]. The morphological material in position 7, by contrast, is syllabic and expresses a more varied array of semantic content. Only certain types of unproductive stem patterns leave position 7 unfilled. In such verbs, the lexical meaning is expressed in position 0, which is called the verb base since it is filled in every Ket verb stem. A sample of unproductive verb types lacking position 7 morphemes is provided in examples (1–5), including one in example (2) that includes a position 5 thematic consonant:

- (1) *di'* *du⁸-roq⁰*
 eagle 3ANIM.SBJ⁸-fly⁰
 'An eagle flies.'

- (2) λtn $di^8-y^5-a^4-kul^0-n^{-1}$
 1PL.PRON 1SBJ⁸-**up**⁵-PRES⁴-**walk**⁰-ANIM.PL.SBJ⁻¹
 ‘We walk uphill’ [Krejnovič 1968: 73].
- (3) $\lambda k\eta$ λtn $k^8-in^2-d\lambda\eta^1-tey^0-in^{-1}$
 2PL.PRON 1PL.PRON 2SBJ⁸-PAST²-1PL.OBJ¹-**beat**⁰-ANIM.PL.SBJ⁻¹
 ‘You.PL beat us’.
- (4) $mam-ul$ $b^3-il^2-aq^0$
 breast-water 3INAN.SBJ³-PST²-**spoil**⁰
 ‘The milk spoiled’.
- (5) $\bar{a}t$ ki' $suul$ $d^8=b^3-il^2-bet^0$
 1SG.PRON new sled 1SBJ⁸=3INAN.OBJ³-PAST²-**make**⁰
 ‘I made a new sled’.

Position 8 subject indexes appear as prefixes in some verb forms and as clitics in others, as in (5) above. This pattern will be explained in Section 3.5.

Verbs with no morphological material in position 7 are completely unproductive. All productive patterns of Ket verb stem formation fill both positions 7 and 0. The next section discusses the use of position 7 to incorporate verbal complements.

3.1. Incorporated complements in the Ket verb

Many Ket verb stems use position 7 to incorporate a noun, adjective, or spatial adverb that functions as a complement modifying the heavy verb root in position 0 (the base). For example, when describing a typical action or activity, some Ket action verbs can background a generic object by incorporating it into the stem and omitting the object index, thereby reducing the verb’s syntactic valence. Example (6) illustrates object noun incorporation with the same base morpheme *-bet* ‘do’, ‘make’.

- (6) $\bar{a}t$ $d^8=suul^7-il^2-bet^0$
 1SG.PRON 1SBJ⁸=**sled**⁷-PAST²-**make**⁰
 ‘I made a sled’. [performed a typical activity]

Compare this sentence with example (5) above. Example (6) relates the performance of a typical activity with the object indexed in position 3, whereas the object in example (5) is a free phrase and cannot be incorporated. Plural object nouns can be incorporated to express a typical activity involving multiple objects:

- (7) $b\bar{u}\eta$ $d^8=sol-a\eta^7-il^2-bet^0-n^{-1}$
 3ANIM.PL.PRON 3ANIM.SBJ⁸=**sled-PL**⁷-PAST²-**make**⁰-ANIM.PL.SBJ⁻¹
 ‘They made sleds’.

However, free phrases cannot be incorporated. If the object complement is modified by an adjective (5), a demonstrative pronoun (8), or a possessor (9), then object incorporation is not possible, and an object index appears in the verb form instead.

- (8) *āt* *kire* *suul* $d^8 = b^3 - i l^2 - \text{bet}^0$
 1SG.PRON this sled 1SBJ⁸=3INAN.OBJ³-PAST²-make⁰
 ‘I made this sled’.

- (9) *āt* *bin-dib* *suul*
 1SG.PRON self-1SG.REFL.POSS sled
 $d^8 = b^3 - i l^2 - \text{bet}^0$
 1SBJ⁸=3INAN.OBJ³-PAST²-make⁰
 ‘I made my own sled’.

Only lexemes can serve as incorporated object complements in Ket verbs. Furthermore, object incorporation is limited to a small number of verb bases that express typical activities, such as ‘make X’, ‘eat X’, ‘drink X’, and a few others. Other Ket transitives — such as ‘see X’, ‘find X’, ‘kill X’, and most others — inexplicably do not allow object incorporation. See Vajda [2017b: 911–915] for a complete listing of object-incorporating Ket verb bases.

A similar lexical constraint applies to directional adverb incorporation. Only a few generic motion or activity verb bases like *-aq* ‘go (to destination)’, incorporate their lexically contrastive adverbial complements, as in the following examples:

- (10) *ūr* *de’η* $d^8 - \text{igda}^7 - k^5 - l^2 - \text{ax}^0 - \text{in}^{-1}$
 spring people 3SBJ⁸=**downland**⁷-to⁵-PAST²-**go**⁰-ANIM.PL.SBJ⁻¹
 ‘In the spring, the people went downland (from forest to river)’.

- (11) *qogd* *de’η* $d^8 - \text{aya}^7 - k^5 - l^2 - \text{ax}^0 - \text{in}^{-1}$
 autumn people 3SBJ⁸=**upland**⁷-to⁵-PAST²-**go**⁰-ANIM.PL.SBJ⁻¹
 ‘In autumn, the people went upland (from river to forest)’.

These verbs convey traditional migration patterns of Ket hunting groups [Krejnović 1968: 170], and the incorporated forms *igda* ‘from forest down to riverbank’ and *aya* ‘from river up into the forest’ are complements of the verb base *-aq* ‘go (to destination)’ rather than adjuncts. Ket verbs do not incorporate adverbial material that functions as adjuncts in the clause. For example, spatial adverbs like ‘upland’ in the sentence ‘I live upland’ cannot be incorporated. Likewise, temporal adverbs like *qogd* ‘(in) autumn’ are adjuncts in the verb phrase and not subject to incorporation.

Two Ket verb bases, *-tet* ‘hit endwise with long object’ and *-kit* ‘smear with mushy or liquid substance’, ‘rub with smooth object’, can incorporate their

instrument complements, creating a type of applicative. Unlike object-incorporating verbs like ‘make a sled’ examined above in examples (6) and (7), the direct object continues to be indexed, and instrument incorporation does not lower the verb’s syntactic valence.

- (12) *qīm* *kojel-an*
 woman pan-PL
dα⁸=kuud⁷-Ø⁶-t⁵-a⁴-yit⁰
 3FEM.SG.SBJ⁸=**fat**⁷-3INAN.OBJ⁶-exterior⁵-PRES⁴-**rub**⁰
 ‘The woman greases the pans’.
- (13) *is-qo-s* *bo ‘q*
 fish-kill-NMLZ fish_trap
d⁸=nan⁷-Ø⁶-t⁵-a⁴-yit⁰
 3ANIM.SBJ⁸=**bread**⁷-3INAN.OBJ⁶-exterior⁵-PRES⁴-**rub**⁰
 ‘The fisherman rubs the fish trap with bread’.
- (14) *assánnno-s* *qòj*
 hunting-NMLZ bear
d⁸-us⁷-a⁶-y⁵-a⁴-tet⁰
 3ANIM.SBJ⁸-**spear**⁷-3MASC.SG.OBJ⁶-area⁵-PRES⁴-**hit_endwise**⁰
 ‘The hunter spears the bear’.
- (15) *ū* *āt*
 2SG.PRON 1SG.PRON
k⁸-ulgit⁷-ba⁶-y⁵-a⁴-tet⁰
 2SBJ⁸-**elbow**⁷-1SG.OBJ⁶-area⁵-PRES⁴-**hit_endwise**⁰
 ‘You elbow me’.

Complex verbs with the base *-tet* ‘hit endwise’ derive pluractional forms by pluralizing the instrument noun, and changing the thematic consonant *y-* (underlying *h-* from *p ‘area perpendicular to action’) to the combination of position 5 *t-* and position 3 *b-* (the result of a metathesis of underlying *h-* + pluractional *d-*):

- (16) *ū* *āt*
 2SG.PRON 1SG.PRON
k⁸-ulgit-n⁷-ba⁶-t⁵-a⁴-p³-tet⁰
 2SBJ⁸-**elbow-PL**⁷-1SG.OBJ⁶-**PLURACTIONAL**⁵-PRES⁴-**area³-hit_endwise**⁰
 ‘You elbow me repeatedly’.

The pluralized instrument noun in position 7 does not indicate hitting with multiple elbows but instead functions as part of the morphological formula for deriving the pluractional stem from the single action verb in (15).

As with the constraint on object incorporation, instrument complements containing dependent modifiers cannot be incorporated, as free phrases must remain outside the morphological verb:

- (17) *bū* *qòj* *ugd* *us-as*
 he bear long spear-INSTR
 d⁸-a⁶-y⁵-a⁴-tet⁰
 3ANIM.SBJ⁸-3MASC.SG.OBJ⁶-area⁵-PRES⁴-hit_endwise⁰
 ‘He stabbed the bear with a long spear’.

The bases *-tet* (‘hit endwise with long object’) and *-kit* (‘smear with mushy substance or liquid’, or ‘rub with smooth object such as fingertips or comb’) require a specific type of instrument complement, as determined by their inherent semantic valence. In such verbs, the agent, object, and instrument all function as arguments, which is why the nominalization *tàrs* (derived from *-tat*) can mean ‘one who pokes/poked’, ‘one who gets/got poked’, or ‘the instrument used to poke with’. No other verbs in Ket allow instrument incorporation. Instrument nouns that represent adjuncts, such as with *a rock* in the sentence *I crushed the nut with a rock*, cannot be incorporated.

The final phenomenon examined in this section involves the incorporation of adjectival subject complements in conjunction with the two light verb bases *-qan* ‘become’ and *-sin* ‘turn into’. The base *-qan* used in this function builds intransitives like those shown in examples below:

- (18) *bū* *d⁸-aqta⁷-qan⁰*
 He 3ANIM.SBJ⁸-good⁷-become.PRES⁰
 ‘He improves’.
- (19) *ture* *aqta⁷-b³-qon⁰*
 that.INAN good⁷-3INAN.SBJ³-become.PAST⁰
 ‘It improved’.

The base *-sin* ‘cause to be’ or ‘make to become a quality’ in combination with the now semantically opaque thematic consonant *t-* in position 5 (glossed TH for ‘thematic’), forms transitive verbs in which the subject turns the object into the quality expressed by an adjective in position 7. In such verbs, the incorporated adjective functions as an object complement:

- (20) *ū* *banna* *k⁸-udge⁷-t⁵-a⁴-p³-sin⁰*
 2SG.PRON sleeve 2SBJ⁸-long⁷-TH⁵-PRES⁴-3INAN.OBJ³-make⁰
 ‘You lengthen the sleeve’.

To summarize thus far, the incorporation of object, instrument, adverbial, and subject complements in Ket is highly constrained. Only verbal complements (objects, instruments, or directionals) can be incorporated, and then only in conjunction with a subset of verb bases. Except for plural suffixes, Ket finite verbs incorporate only unmodified lexemes as object or instrument complements. Instruments or object complements modified by adjectives, numerals, demonstratives, or possessive markers cannot be incorporated and must be expressed outside the verb form. Finally, it should be noted that even verb bases that allow complement incorporation are limited to incorporating only one particular type of complement. Extended complex predicates like ‘I make sleds with a hatchet, or ‘I rub grease on the pan’ must be expressed—at least in part—outside the morphological verb.

3.3. Subject incorporation in Ket

A few Ket verb stem models incorporate thematic-role subject arguments. Some involve the light verb base *-qan* ‘begin’, examined above with subject complement incorporation:

- (20) *sil*⁷-*d*⁵-*a*⁴-*b*³-*qan*⁰
summer⁷-**TH**⁵-PRES⁴-**TH**³-**become**.PRES⁰
 ‘Summer came’.

This pattern incorporates nouns denoting natural phenomena such as seasons of the year (*ùr* ‘spring’, *sīl* ‘summer’, *qogd* ‘autumn’, *kīt* ‘winter’) or times of day (*kīn* ‘dawn’, *qonoks* ‘morning’, *bīs* ‘evening’, *sī* ‘night’). Thematic *d*⁵ may have originally conveyed transition to the state or time expressed by the incorporated element, while *b*³ may be a fossilized marker for inanimate class subjects. Both are glossed TH in (20) since they are obligatory components of this stem type and cannot be omitted or replaced by other morphemes.

In other verbs denoting natural phenomena, such as meteorological events, the lexical material in position 7 clearly replaces the need for a subject index. In examples (21) and (22), the position 7 incorporant functions as the stem’s semantic head, since the base *-ta*, which may originally have meant ‘precipitation falls’ is no longer productive or semantically recognizable to speakers:

- (21) *ul*⁷-*a*⁴-*ta*⁰
rain⁷-PRES⁴-**fall**⁰
 ‘It rains’.
- (22) *ber*⁷-*o*⁴-*n*²-*ta*⁰
snow⁷-PAST⁴-PFV²-**fall**⁰
 ‘It snowed’.

These avalent meteorological verbs can add an argument describing someone or something affected by the event. This argument could logically be interpreted as either a subject or object since the position class used to index it (position 6) can express either role depending on the stem:

- (23) *ul*⁷-*ba*⁶-*y*⁵-*a*⁴-*ta*⁰
rain⁷-1SG.SBJ/OBJ⁶-**on**⁵-RES⁴-**fall**⁰
 ‘I get rained on’. / ‘Rain falls on me’.
- (24) *ber*⁷-*ba*⁶-*y*⁵-*a*⁴-*ta*⁰
snow⁷-1SG.SBJ/OBJ⁶-**on**⁵-PRES⁴-**fall**⁰
 ‘I get snowed on’. / ‘Snow falls on me’.

The temporal and meteorological verbs shown in examples (20–24) form closed lexical sets, each containing only a handful of verbs. Two highly productive stem patterns with incorporated subject arguments express the production of sound. In both types, the position 7 incorporant describes the type of sound. These incorporants typically consist of an onomatopoeic initial form, followed by the syllable *-ej* or *-aj*, which is derived from a morpheme meaning ‘sound’ or ‘voice’. Here are two examples:

- (25) *bol-ej*⁷-*b*³-*il*²-*ata*⁰
plop-sound⁷-3INAN.SBJ³-PAST²-**be_heard**⁰
 ‘Plopping could be heard’.
- (26) *bol-ej*⁷-*ges*⁰
plop-sound⁷-**be_heard.MOM**⁰
 ‘A (single) plop could be heard’.

The source of the sound can optionally be added using a possessive construction, which lies outside the morphological verb:

- (27) *tus=d* *bol-ej*⁷-*ges*⁰
 stone=INAN.POSS **plop-sound**⁷-**be_heard.MOM**⁰
 ‘The stone made a plop’. [Literally, ‘A stone’s plop-sound rang out’]

Interestingly, the incorporated subject in sound verbs may be modified by a possessive construction, a property not shared by incorporated complements. The morphological structure of these and other Ket onomatopoeic verbs is described in detail in Vajda [2024a].

The subject-incorporating verbs discussed in this section illustrate how the semantic head of the Ket finite verb has in many cases shifted from the base to the verb’s initial syllable. This topic is explored further in the next section.

3.4. Suffixation of the template and pseudo-incorporation in Ket

Several typologically unusual features of Ket verb morphology seem to have developed from typological accommodation to the exclusively suffixing languages found everywhere else in Siberia. Over time, verbs like those examined in examples (1–5), with their semantic head in the base position, preceded by a string of grammatical prefixes, have become unproductive. In modern Ket, all productive models of verb stem creation include a recognizable lexical morpheme in position 7 (the incorporant), which has become increasingly grammaticalized and semantically eroded. The position 8 subject prefixes have become clitics when they would otherwise appear as a full syllable before the position 7 incorporant; the full pattern is described in Vajda [2004: 74]. These developments have caused most verbs in modern Ket to mimic suffixing structures, despite still following what was originally a mostly prefixing morphological template.

The typological shift toward suffixation also gave rise to verbs where an action nominal — a nominalized verb root used like a gerund, participle or deverbal noun — has been incorporated into position 7. The base has grammaticalized into a marker of transitivity, aspect, or pluractionality so that lexical material in position 7 serves as the semantic head. Here are a few examples:

- (28) *mam-ul* *aq⁷-b³-in²-sar⁰*
 breast-water **spoil.ANOM**⁷-3INAN.SBJ³-PAST²-INCEPT⁰
 ‘The milk started to spoil’.
- (29) *da⁸=us⁷-q⁵-a⁴-b³-da⁰*
 3FEM.SG.SBJ⁸=**warm.ANOM**⁷-INCEPT⁵-PRES⁴-3INAN.OBJ³-ITER.TRANS⁰
 ‘She (regularly) starts warming it up’.
- (30) *da⁸=us⁷-q⁵-i⁴-b³-it⁰*
 3FEM.SG.SBJ⁸=**warm.ANOM**⁷-INCEPT⁵-PRES⁴-3INAN.OBJ³-MOM.TRANS⁰
 ‘She starts warming it up (once)’.

There are several patterns of action nominal incorporation in modern Ket, all highly productive. Vajda [2020] describes them in detail, referring to this technique of stem building as “pseudo-incorporation”. These patterns do not involve incorporating a heavy verb root as secondary lexical material, since the base is, at best, a light verb, as in (28), or a marker of transitivity and aspect with no lexical content at all, as in (29) and (30).

There is no evidence that two or more heavy verb roots were ever combined into a single Ket verb form. All verbs with a heavy verb root in position 7 contain a light verb base, such as *-qan* ‘begin’, or a base that expresses aspect, transitivity or pluractionality, like the iterative-transitive base *-da* in (29). Possible examples of heavy verb root compounding mentioned in earlier literature, such as Werner

[1998: 70], cited by Mattissen [2003: 182], can be rejected based on improved knowledge of Ket verb morphology. For example, the incorporant *-ald-* in *daldaddo* ‘he beat me up’, a lexeme more generally used for felling trees, is a phonologically reduced form of *bulda* ‘all’, ‘everything’ rather than a verb root:

- (31) $d^8\text{-ald}^7\text{-}a^4\text{-}d^1\text{-}do^0$
 3ANIM.SBJ⁸-**completely**⁷-PRES⁴-1SG.OBJ¹-chop⁰
 ‘He beat me up’ [Literally, ‘He chopped me down’].

A similar analysis would show that each of the Ket verbs interpreted by Drossard [2002: 244–252] as verb–verb constructions is actually composed of either a verb plus a grammaticalized base or an adverbial complement plus a verb. Adverbial complements that describe a condition resulting from an action, like the one in example (31), are no longer productive. These elements have undergone phonological and semantic reductions that often make them difficult to recognize. Others include *us ~ uj* ‘at rest’, ‘in place’ (from **xuç* ‘at rest’), *ejs ~ es ~ is* ‘on the surface’, ‘into the open’ (**ejs* ‘open space’, ‘sky’), *bel ~ ul* ‘apart’, ‘away’ (**wel* ‘different’), *un* ‘in half’ (**x^win* ‘two’), and *suk ~ usk* ‘back to starting point’ (**šowq* ‘hook-shaped’); see Krejnovič [1968: 234–243]. Such morphemes function less like roots and more like the derivational prefixes found in position 5. For example, *al* (position 7) and *k* (position 5) both convey the meaning ‘out’ in different stems, reflecting the same root **kewl* ‘out’ at different stages of grammaticalization [Vajda 2017a: 372].

In Ket, each verb form contains no more than one heavy verb root. A single morphological verb cannot express multiclausal combinations like *I sat talking by the fire*, *I sang as I walked along*, or *I climbed a tree looking for fruit*.

3.5. *Phonological verb, morphological verb, and verbal lexeme in Ket*

The previous section described how the phonological verb often does not align with the morphological verb. Position 8 prefixes frequently become clitics, allowing the lexical morpheme in position 7 to occupy the phonological word-initial syllable. High frequency bases have undergone semantic bleaching and phonological reduction, coming to resemble grammatical suffixes rather than heavy verb roots. In example (32) the morphological verb contains a position 8 subject index. This marker has encliticized to the preceding word so that the phonological verb begins in the lexical morpheme *toxoj* ‘dry’, followed by a surviving reflex of the action nominal suffix **-Vŋ^w*:

- (32) $\bar{a}m=d$ $d\bar{u}l=ra^8$
 mother=FEM.SG.POSS child=3FEM.SG.SBJ⁸
*toxoj-ij*⁷-*q*⁵-*aj*⁴-*it*⁰
dry-ANOM⁷-INCEPT⁵-PRES/3MASC.SG.OBJ⁴-MOM.TRANS⁰
 ‘She starts drying off her child (once)’.

Notice that possessive markers on nouns, which were originally prefixes, have become clitics — similar to the position 8 subject indexes. As a result, inflected nouns in modern Ket now also appear as phonological words beginning with a lexical morpheme. These idiosyncratic patterns most likely developed through gradual typological accommodation to the surrounding suffixing languages spoken in Central Siberia.

In contrast, the Ket morphological verb is completely isomorphic with the notion of a verbal lexeme. All finite verb forms follow the same position class template. They contain only a single heavy verb root and are monopredicative. Incorporation of syntactic phrases is disallowed. Ket morphological verbs are exclusively monoclausal. The incorporation of lexical material is limited to a single complement or argument — either subject, object, or instrument, depending on the verb base. Only arguments within a single clause can be indexed or incorporated. Because free phrases cannot be incorporated, even the most complex verb forms in Ket remain lexemes.

3.6. Multiclausal sentences and polypredicative constructions in Ket

The monoclausal profile of Ket finite verb structure has broader parallels in the language's morphosyntax. Native Ket narration is typically based upon a sequence of simple sentences joined *asyndetically*. Coordination and subordination are far less common, to the extent that most coordinating conjunctions used to create compound sentences in Ket are recent borrowings from Russian (*i* 'and', *a* 'and, but', *ili* 'or', *no* 'but'). Compound sentences can also be constructed using the native Ket coordinating conjunction *hāj* 'and', 'also', though this is not particularly common. Most clausal subordinators developed from native question words (*bila* 'how', *biseŋ* 'where', *aska* 'when', etc.), possibly under recent Russian influence, or arose polysemously from postpositions or case suffixes more commonly encountered in nominal morphology. Example (33), adapted from Werner [1997: 353], shows a complex sentence built with the ablative suffix *-diŋal* 'from' used as a clausal subordinator meaning 'since':

- (33) *bū atn-as du⁸-ŋ⁵-a⁴-raq⁰-diŋal,*
 he we-INSTR 3ANIM.SBJ⁸-TC⁵-PRES⁴-live⁰-ABL
do'ŋ suk-ŋ u⁶-ŋ⁵-o⁴-n²-(den⁰)
 three year-PL 3INAN.SBJ⁶-away⁵-PAST⁴-PFV²-go⁰
 'Three years have gone by **since** he started living with us'.

Such postposed subordinators occupy a position outside the finite verb template. Nefedov [2015] provides many additional examples of complex sentences in Ket with subordinators developed from postpositions or case

suffixes. The key point here is the paucity of dedicated means for constructing complex or compound sentences.

The action nominal is virtually the only dedicated morphological means for subordinating one verb root to another. This minor word type is an ancient feature of Yeniseian [Vajda 2024b: 469–472]. In contrast to the diverse non-finite verb forms found in most languages of Northern Eurasia, the Ket action nominal serves a wide range of syntactic functions, functioning like participles, infinitives, and gerunds in other languages. Action nominals play a central role in creating polypredicative constructions in Ket, as illustrated in the following example:

- (34) *deŋ=na* *èj* *qòj*
 people=ANIM.PL.POSS kill.ANOM bear
 ‘a bear that kills people’.
- (35) *sujat-aŋ=d* *halsej-esan* *āp* *qo’j*
 shirt-PL=INAN.POSS sew.ANOM-in_order_to my wish
 ‘I want to sew shirts’.

Nefedov [2015] provides a detailed description of the various types of polypredicative constructions involving action nominals in Ket. In all of them, the action nominal remains a separate syntactic word from the matrix verb form. As discussed earlier, action nominals are only incorporated into finite verb stems in certain cases where the base position contains something other than a heavy verb root.

The only kind of morphological word in Ket that represents a syntactic phrase rather than a lexeme is formed with the universal nominalizing suffix *-s*. Notably, the universal nominalizing suffix *-s* can create headless relative clauses like the one shown in (36). The nominalizing suffix itself stands outside the finite verb template.

- (36) *d⁸-es⁷-o⁴-l²-iy⁰-in⁻¹-s*
 3ANIM.SBJ⁸-into_open_space⁷-PAST⁴- IMPV²-make_sound⁰-
 ANIM.PL.SBJ⁻¹-NMLZ
 ‘the ones who were shouting’

More examples can be found in Nefedov [2015: 226–228]. Some nominalized finite verb forms have become lexemes with idiosyncratic meanings, such as *dʌroq-s* ‘the thing that flies’, used to mean ‘airplane’. However, most are syntactic phrases rather than lexemes.

The same is true of nominalized postpositional constructions, as in example (37):

- (37) *ūn* [tayum] tʌ-ŋ-d-ʌʌt-ka-s
 two [white] rock-PL-INAN.POSS-visible_surface-LOC-NMLZ
 ‘the one on top of two [white] rocks’

The adjective ‘white’ was added to show that only one free lexical root can be incorporated into such nominalizations.

Any action nominal (*esij*-s ‘shouter’), adjective (*tayim*-s ‘white one’), finite verb, or postpositional construction can be nominalized using -s. However, only lexicalized nominalizations can be incorporated into finite verbs, and even then, only rarely, as in the case with the nominalized action nominal *qōls* ‘healer’, ‘doctor’:

- (38) *āp* *bisep*
 my brother
qōl-s⁷-a⁶-γ⁵-o⁴-kon⁰
 heal.ANOM-NMLZ⁷-3MASC.SG.SBJ⁶-TC⁵-PAST⁴-become.PAST⁰
 ‘My brother became a doctor’.

Nominalizations derived from finite verb forms or postpositional constructions are headless relative clauses — syntactic phrases rather than lexemes. In general, such word forms are atypical, in that all other kinds of Ket morphological words are lexemes as well. It is also important to note that free combinations of lexical roots are not allowed, even in action nominal forms or nominalizations.

3.7. Typological summary

Ket is a language characterized by tight lexicosyntactic coherence. Due to the relatively inflexible design parameters of its morphosyntax, four general observations and one overarching conclusion can be drawn about Ket polysynthesis.

1. Morpholexical isomorphism. Most morphological words in Ket, including all finite verbs regardless of their structure or complexity, are lexemes rather than free phrases. Only certain nominalizations in -s violate the language’s strict isomorphism between lexeme and morphological word. In contrast, there is less coherence between phonological and morphological words. This departure creates an exception to the language’s otherwise tight coherence across units at different levels of structure — an idiosyncrasy likely caused by areal influence, which led to the first prefix of morphological words becoming encliticized to a preceding phonological word wherever possible. Phonological differences between clitics and affixes do not play a significant role in a typology of polysynthesis based on lexicosyntactic coherence.

2. Tight phrasal synthesis. Incorporation of secondary lexical material into complex finite verb stems is strictly limited to verbal complements or

arguments. In terms of predicativity, even the most complex Ket verb cannot incorporate adjuncts — only complements. In fact, most transitive verbs do not allow the incorporation of their object complement at all. Consequently, there is relatively little interaction between verbal lexemes and phrase structure rules or information structure, aside from the typologically common use of lexical incorporation to background or routinize the incorporated element in discourse.

3. Monoclausal syntax. Ket favors simple sentences and has rather limited resources for constructing multiclausal sentences. Coordinating conjunctions are rarely used to join clauses, and most are recent Russian loans. Subordinating conjunctions are polysemous extensions of native question words. Most converbs derive transparently from postpositions or case suffixes used much more often in nominal morphology. There are virtually no dedicated morphological means for building multiclausal constructions.

4. Monoclausal polysynthesis. The typological design of Ket polysynthesis follows from the above three traits. The Ket verb is exclusively monoclausal. There is no possibility of incorporating a second lexically heavy verb root. Verb forms with incorporated heavy verb roots (always in the form of action nominals) invariably contain a light verb in the base position (e.g., ‘begin’ or ‘become’), if not a fully grammaticalized marker of aspect or transitivity. Ket monoclausal polysynthesis matches the language’s preference for simple sentences, along with its requirement for semantically tight morphological verbs.

In all four of these lexicosemantic design features, Ket displays relatively tight coherence between morpholexical and syntactic units. Morphological words are generally lexemes. The morphosyntax strongly favors simple clauses, and polysynthesis is exclusively monoclausal. Finally, incorporation is restricted to verbal complements or arguments, which further ensures that the morphological verb is a lexeme rather than an extended free phrase. The next section contrasts Ket with Nivkh, a language with much looser lexicosyntactic coherence, where the non-isomorphism between morphological word and lexeme is strikingly pervasive, and polysynthesis is multiclausal and not restricted to the tight verb phrase.

4. Nivkh

Nivkh differs sharply from Ket in all these design features. Section 4.1 examines Nivkh morphosyntax outside the verb form, focusing on techniques of subordination. Section 4.2 explores what Mattissen [2003; 2017] has aptly called “dependent-head synthesis”, a type of word formation pervasive across both nouns and verbs, in which many kinds of free syntactic phrases can be expressed in discourse as morphological word forms. Section 4.3 provides an

overview of Nivkh finite verb structure. Section 4.4, following Mattissen [2003: 121], argues that Nivkh verbs with multiple lexical roots are often syntactic phrases rather than lexemes, though some have lexicalized with idiosyncratic meanings [Mattissen 2003: 193–194]. The typological contrast between Nivkh and Ket is summarized in Section 4.5.

4.1. *Nivkh morphosyntax*

Nedjalkov and Otaina [2013] provide a thorough analysis of Nivkh morphosyntax, based on the Amur variety spoken on the Asian mainland. One striking feature is the language’s rich array of morphological means for building polypredicative constructions [Gruzdeva 2024: 522–525]. Converbs indicate whether a subordinated event has the same or a different subject from the main verb in the sentence; they also express a range of aspectual distinctions, such as anteriority and simultaneity. Postposed relational morphemes distinguish subordination (39) from coordination (40).

(39) *if* *hurt^hiv-r* *q^ho-j*
 s/he sit-CONV:NAR:3SG sleep-IND
 ‘He fell asleep/slept/sleeps sitting’ [Nedjalkov, Otaina 2013: 41].

(40) *if* *p^hra-ra* *it-ra* *ha-j*
 s/he come-COORD:3SG say-COORD:3SG be.so-IND
 ‘He came and said, (that’s) how it was’ [Nedjalkov, Otaina 2013: 41].

Together with the frequency and variety of complex sentence types found in Nivkh, converbs provide a core feature of the language’s lexicosyntactic typology. They represent dedicated means for expressing subordination or coordination and did not arise recently through polysemy from nominal morphology, as postposed subordinators did in Ket.

The next three sections will demonstrate that Nivkh polysynthesis is simply another technique for constructing complex sentences.

4.2. *Dependent-head synthesis*

Mattissen [2003; 2017] coined the term “dependent-head synthesis” to describe the pervasive Nivkh morphological word creation technique of joining two heavy lexical elements together into a complex where the first element (the dependent) modifies the second (the head). These complexes are extremely common in both noun and verb morphology. A plus sign marks their constituency, as in the examples below. An intricate but predictable set of mutations in the consonant onset of the head element defines them as morphological words [Mattissen 2003: 7–121; Nedjalkov, Otaina 2013: 5–6], though many are free phrases on the syntactic level rather than lexemes. DH complexes are so pervasive across Nivkh morphosyntax that the non-isomorphism between

morphological words and lexemes is a hallmark design feature of the language. Some DH complexes combine complements with their head to create tight phrases, but many others join various adjuncts with their head, creating looser, syntactically more expanded phrases. Several of the most common types are shown below:

- (41) *eʁa+zus* (noun + noun, with mutated form of the head noun *cuz* ‘meat’)
 cow+meat
 ‘beef’ [Nedjalkov, Otaina 2013: 17].
- (42) *řa+jus* (verb + noun, with mutated form of the head noun *cuz* ‘meat’)
 fry+meat
 ‘fried meat’, ‘meat that has been fried’ [Nedjalkov, Otaina 2013: 32].
- (43) *cus+t^ha-j* (object noun + verb, with mutated form of the head verb *řa* ‘fry’)
 meat+fry-IND
 ‘[someone] fries/fried the meat’ [Nedjalkov, Otaina 2013: 31].
- (44) *ni vi+p^her-j* (verb + head verb, with aspirated plosive allomorph *p^her*
 ‘get tired’)
 I walk+tire-IND
 ‘Walking, I got tired’
 [Mattissen 2017: 868, adapted from Panfilov 1965: 9].

Noun + noun complexes like the one shown in (41), express a wide variety of semantic relations, similar to compounds in English and many other languages. Verb + head noun complexes, as in (42), serve as participial phrases. Verb root serialization, illustrated in (44), is limited to two heavy roots with an important semantic constraint: the head expresses a state or condition resulting from the dependent action. Noun + verb complexes, like (43), serve as a form of object incorporation in finite verb structure, which is examined in the next section.

4.3. *Nivkh finite verb structure*

Table 2 provides a general overview of Nivkh finite verb structure, adapted from the more detailed presentations in Gruzdeva [2024: 513] and Mattissen [2017: 856–857]. Boldface type highlights the two obligatory slots, while gray shading indicates the locus of dependent-head complexes. These lexical complexes follow a scopal and layered arrangement, in contrast to the templatic ordering of the verb’s grammatical affixes, which are left unshaded.

By contrast, recall that the entire Ket verb form (shown earlier in Table 1) is templatic, with a rigid pattern of interdigitation between lexical and grammatical elements.

The simplest Nivkh verbs consist of an unmodified verb root and a mood marker, as in (45):

- (45) *təf* *tiv-ɟ*
 house be.cold-IND
 ‘The house is cold’ [Nedjalkov, Otaina 2013: 143].

Example (45) also illustrates that what many languages express as adjectives are stative verbs in Nivkh.

In more complex verbs, the dependent slot may contain various concatenations of root morphemes, as seen in (46), where square brackets enclose morphemes representing a relative clause, to better illustrate that only some of this morphological material has been incorporated into the verb itself:

- (46) *if* [*ətək* *mu+lət+*]*dəv+ɲʁə-ɟ*
 he [father boat+make+]house+see-IND
 ‘He saw the house [(in which) father had made a boat]’
 [Mattissen 2017: 861, adapted from Nedjalkov, Otaina 2013: 278].

The Nivkh verb also incorporates various scalar operators, such as ‘even’, ‘only’, and ‘at least’, in addition to suffixes that convey different kinds of focus or sentence-level expressions of modality [Mattissen 2017: 856–857]:

- (47) *if* *tavɬaj+ɲən+vark+uvr+bo-ɟ*
 he crab+one:non.human+only+at_least+take-IND
 ‘At least he took only one crab’
 [Mattissen 2017: 861, adapted from Nedjalkov, Otaina 2013: 11].
- (48) *if* *pʰrə-ivi-də-ləɣə-ɟ-ra-vej*
 he come-PROG-even-lack-IND-FOCUS-nevertheless
 ‘Nevertheless, he is not coming’
 [Mattissen 2017: 857, adapted from Panfilov 1965: 160].

Ket verbs cannot synthesize with such elements at all.

In contrast to Ket, Nivkh is not universally recognized as polysynthetic, mainly because verb forms are not fully polypersonal. Transitive and ditransitive verbs index or incorporate at most one undergoer-role argument, which occupies the dependent slot. Recognizing the Nivkh verb as polysynthetic primarily stems from the functional diversity of incorporated lexical material that this language allows, which it structures as dependent-head complexes at the left edge of finite verb forms. A key typological feature of Nivkh is that individual sub-elements of the dependent-head complex may belong to different clauses.

4.4. Nivkh verb forms as multiclausal structures

More relevant to the typological contrast with Ket is the fact that morphological verbs in Nivkh often represent syntactic phrases rather than lexemes. In (49), the dependent element is itself an embedded dependent+head complex, but it expresses only part of the participial phrase meaning *the bread which someone brought*. The reflexive element *p^{hi}* ‘self’, marking the agent within the embedded clause, stands outside the verb complex.

- (49) *ni* [*p^{hi}* *ye+*]*lep+ni-j*
 I [self take+]*bread+eat-IND*
 ‘I eat the bread [which I myself bought]’ [Nedjalkov, Otaina 2013: 143].

The square brackets that enclose the dependent clause in (49) show it is only partly incorporated into the verb. Nivkh sentences often contain multiple embedded clauses, as shown this example from East Sakhalin Nivkh:

- (50) *ekto* *wi-nd-axr*
 there_to go-IND-even
 p^h-əcx+nře+nau-f-p^{hi}-ra
 REFL-old_man+see+suffice-LOC.NMLZ-FOCUS
 ‘Having gone there, she settled down at a place from where her husband was in sight’ [Mattissen 2003: 192, adapted from Krejnovič 1979: 308].

Nivkh verb forms that are free syntactic phrases do not conform to the Lexical Integrity Hypothesis. This can be seen in (51), where the verb contains a reflexive marker that refers to the sentence subject rather than to the performer of the event described in the verb.

- (51) *tək* *ōla-aχ* *p^h-su-gu-j*
 father child-DAT/ACC REFL-wash-CAUS-IND
 ‘Father made his son wash him (= father)’
 [Nedjalkov, Otaina 2013: 255].

This brief sketch only scratches the surface of the richness of Nivkh verb structure and morphosyntax, which is treated in much greater detail by Nedjalkov and Otaina [2013], Mattissen [2017], and Gruzdeva [2024]. Nevertheless, it should be sufficient to provide the kind of overview needed for contrasting Nivkh polysynthesis and morphosyntax with that of Ket.

4.5. Typological summary

Nivkh is a language characterized by loose lexicosyntactic coherence. Building on the summary of Ket in Section 3.7, four key points can be made regarding Nivkh polysynthesis and related aspects of its morphosyntax, culminating in one general conclusion.

1. Morpholexical non-isomorphism. In Nivkh, it is extremely common for morphological words to express syntactic free phrases rather than lexemes. Nivkh dependent-head synthesis is pervasive across both verb and noun morphology. This differs sharply from Ket, especially as regards verb structure.

2. Extended phrasal synthesis. Incorporation in complex finite verb stems is not limited to verbal complements. Adjuncts and even clause-level elements of various sorts can also be incorporated, along with a variety of embedded free phrases. In terms of its predicative structure, Nivkh verbs are far looser than Ket. Consequently, the use of dependent-modifier complexes interacts extensively with the phrasal syntax and patterns of information structure.

3. Multiclausal morphosyntax. In contrast to Ket, Nivkh morphosyntax contains diverse means for building multiclausal sentences. The rich variety and frequent usage of dedicated converbs in Nivkh contrasts with the Ket preference for simple sentences and relatively much more impoverished inventory of clausal coordination and subordination techniques.

4. Multiclausal polysynthesis. The lexical material incorporated into Nivkh verb forms often belongs to more than one clause. This feature aligns with the language's extensive array of techniques for constructing multiclausal sentences, along with its more flexible expression of verb phrases.

In all four of these design features Nivkh follows a looser coherence between morpholexical and syntactic units, in contrast to the much tighter coherence observed in Ket. Morphological words often represent syntactic phrases rather than lexemes. Polysynthesis allows the incorporation of roots representing both complements and adjuncts, with some of these elements belonging to different clauses.

5. Lexicosyntactic coherence and polysynthesis

This study examines how contrasts between Nivkh and Ket polysynthesis reflect a broader distinction in how morphological words relate to lexical and syntactic units. This relationship is captured by the feature **lexicosyntactic coherence** — a new typological term introduced in the study. Lexicosyntactic coherence subsumes four interdependent parameters, as shown in Table 3:

Table 3: A parametric typology of lexicosyntactic coherence

Type A: Tight Coherence	Type B: Loose Coherence
1. Morphological word and lexeme	
• Isomorphic • Morphological words adhere to	• Frequently non-isomorphic • Morphological words may

the Lexical Integrity Hypothesis	violate the Lexical Integrity Hypothesis
2. Clause integrity	
• Preference for simple sentences • Limited means of subordination	• Frequent multiclausal sentences • Robust array of subordination techniques
3. Synthesis	
• Synthesis limited to simple clauses and tight verb phrases, including complementation	• Synthesis may include sentence-level elements of information structure and extend to larger phrases
4. Polysynthesis	
• Strictly monoclausal polysynthesis • Rigid templatic stem structure • Usually holophrastic • May or may not involve incorporation of lexical elements • Involves only verb structure	• Multiclausal polysynthesis also prevalent • Verbs partly layered, partly templatic • Often not holophrastic • Always involves incorporation of lexical elements • Can involve noun structure as well

Different polysynthetic traits are parametrically linked to various design features of a language's syntax and lexicon. For instance, Nivkh, with its loose lexicosyntactic coherence, exhibits rich multiclausal lexical combinations in both noun and verb morphology. In contrast, languages with tight coherence, such as Ket, restrict polysynthesis to tight verb phrases and simple clauses — units that possess sufficient internal complexity to support such a phenomenon.

In this context, the overall degree of morphological complexity is less significant than the type of *lexicosyntactic coherence* a language exhibits. The key distinction lies in whether a language demonstrates tight or loose coherence between its morphology and its lexical and syntactic structure.

Regardless of whether a language is classified as polysynthetic or merely synthetic, languages belonging to the same coherence type share more similarities with each other than with polysynthetic languages of the opposite type. Languages are best categorized not by their degree of synthesis, but by their degree of lexicosyntactic coherence.

This parameter also has a diachronic dimension. While the degree of synthesis in a language can wax or wane quite rapidly, a language's overall

degree of lexicosyntactic coherence tends to be more stable and persistent. Other languages, beyond Ket and Nivkh, can also be categorized according to this typology. Every synthetic primary family of Northern Eurasia — Indo-European, Uralic, Yukagir, Turkic, Mongolic, Tungusic, Korean, and Japanese — exhibits loose coherence, as do four other families typically considered polysynthetic: Nivkh, Ainu, Eskaleut, and Chukotko-Kamchatkan. The underlying principle of loose lexicosyntactic coherence shared by these two groups of languages tends to be overlooked in light of the extreme differences between their morphologies. In Northern Asia, only Yeniseian exhibits tight lexicosyntactic coherence, similar to that of Na-Dene in North America.

Polysynthetic languages of the North Pacific Rim display rich techniques of subordination and coordination that more closely resemble those of the synthetic families of Northern Eurasia than those of Yeniseian or Na-Dene. It seems unlikely that the semantically rich multiclausal verb forms characteristic of Nivkh could arise in a language with tight lexicosyntactic coherence. Ket and Navajo, by contrast, closely resemble highly synthetic languages with tight coherence, such as Georgian. Polysynthetic languages with tight coherence can easily expand or lose their ability to incorporate lexical material, making this factor marginal for assessing their typological status. For example, Cherokee lost its inherited patterns of incorporation, while Northern Iroquoian languages like Mohawk expanded them. The same is true for some Dene (Athabaskan) languages. This further demonstrates the primacy of lexicosyntactic coherence over the degree of synthesis as a typological criterion.

How and why certain languages with tight or loose lexicosyntactic coherence develop extreme forms of synthesis while others do not remains an important area for future investigation.

Abbreviations

ACC — accusative, ANIM — animate class, ANOM — action nominal, CAUS — causative, CONV — converb, COORD — coordinating, DAT — dative, FEM — feminine subclass, FOCUS — focus marker, INAN — inanimate class, INCEPT — inceptive, IND — indicative mood, INSTR — instrumental, ITER — iterative, MASC — masculine subclass, MOM — single-action, NAR — narrative, NMLZ — nominalizer, OBJ — object, PAST — past tense, PFV — perfective, PL — plural number, POSS — possessive, PRES — present tense, PROG — progressive, PRON — pronoun, REFL — reflexive, RES — resultative, SBJ — subject, SG — singular, TC — thematic consonant, TRANS — transitive

References

- Baker M. 1996. *The Polysynthesis Parameter*. New York/Oxford: Oxford University Press.
- Drossard W. 2002. Ket as a polysynthetic language, with special reference to complex verbs. In: N. Evans, H.-J. Sasse (eds.). *Problems of Polysynthesis*. Berlin: Akademie Verlag, 223–256.
- Evans N., Sasse H.-J. (eds.). 2002. *Problems of Polysynthesis*. Berlin: Akademie Verlag.
- Fortescue M., Mithun M., Evans N. (eds.). 2017. *Handbook of Polysynthesis*. Oxford: Oxford University Press.
- Gruzdeva E. 2024. The Amuric language family. In: E. Vajda (ed.). *The Languages and Linguistics of Northern Asia*. (World of Linguistics 10.1). Berlin/New York: De Gruyter Mouton, 481–540.
- Krejnovič E. 1968. *Glagol ketskogo jazyka* [The Ket verb]. Leningrad: Nauka.
- Krejnovič E. 1979. *Nivxskij jazyk* [Nivkh]. In: G. Serdjučenko (ed.). *Jazyki Afriki i Azii*, 3. Moscow: Nauka, 295–329.
- Haspelmath M. 2018. The Last Word on Polysynthesis: A Review Article. *Linguistic Typology*, 22:2, 307–326. [Review of Fortescue, Mithun, and Evans (2017).]
- Mattissen J. 2003. *Dependent-Head Synthesis in Nivkh: A Contribution to a Typology of Polysynthesis*. Amsterdam: John Benjamins.
- Mattissen J. 2017. Polysynthesis in Nivkh. In: M. Fortescue, M. Mithun, N. Evans (eds.). *Handbook of Polysynthesis*. Oxford: Oxford University Press, 851–881.
- Nedjalkov V., Otaina G. 2013. *A Syntax of the Nivkh Language: The Amur Dialect*. (Studies in Language Companion Series 139). Amsterdam/New York: John Benjamins.
- Nefedov A. 2015. *Clause Linkage in Ket*. (LOT Dissertation Series 408). Utrecht: LOT.
- Panfilov V. 1965. *Grammatika nivkhsckogo jazyka* [Nivkh Grammar], vol. 2. Moscow/Leningrad: Nauka.
- Vajda E. 2004. *Ket*. (Languages of the World/Materials 204). Munich: Lincom Europa.
- Vajda E. 2017a. Patterns of innovation and retention in templatic polysynthesis. In: M. Fortescue, M. Mithun, N. Evans (eds.). *Handbook of Polysynthesis*. Oxford: Oxford University Press, 363–391.
- Vajda E. 2017b. Polysynthesis in Ket. In: M. Fortescue, M. Mithun, N. Evans (eds.). *Handbook of Polysynthesis*. Oxford: Oxford University Press, 906–929.
- Vajda E. 2020. Ket polysynthesis and grammaticalization. In: J. Xing (ed.). *A Typological Approach to Grammaticalization and Lexicalization: East meets West*. Berlin & New York: Mouton de Gruyter, 257–282.
- Vajda E. 2024a. Onomatopoeia in Ket. In: L. Körtvélyessy, P. Štekauer (eds.). *Onomatopoeia in the World's languages*. Berlin/New York: De Gruyter Mouton, 661–671.

- Vajda E. 2024b. The Yeniseian language family. In: E. Vajda (ed.). *The Languages and Linguistics of Northern Asia*. (World of Linguistics 10.1). Berlin/New York: De Gruyter Mouton, 365–479.
- Werner H. 1997. *Die ketische Sprache*. (Tunguso-Sibirica 3). Wiesbaden: Harrassowitz.
- Werner H. 1998. *Probleme der Wortbildung in den Jenissej-Sprachen*. (Lincom Studies in Asian Linguistics 25). Munich: Lincom Europa.

GLIMPSES ON TURKIC CESSATIVE MARKERS

Turkic languages, an important language family distributed across the Eurasian continent, display a considerable range of constructions for the encoding of cessativity — a grammatical category that denotes the abrupt cessation of an action or process. This topic, as far as I know, is notably underexplored. Kuteva et al. [2019] merely mention the existence of this linguistic category.

It is with great pleasure that I present to our distinguished colleague and dear friend Ekaterina Gruzdeva (Katja) — a great linguist, an indefatigable fieldworker and a person with great sense of humour — some linguistic *zakuski* on Turkic cessative markers. While sharing certain features with terminative and completive constructions, cessatives clearly constitute a category by their own¹.

A first comparative examination of Turkic languages reveals a predominant structural pattern characterized by a transitive verbal stem denoting ‘to stop, to finish’, ‘to leave’ and/or ‘to throw’ in combination with an action nominal, typically in the accusative case, representing the ceased action. Instead of an action nominal a simple noun in the accusative can also occur (eg. 3). Some examples²:

- (1) Üç yıl önce et ye-mey-i bırak-t-ım. (Turkish)
three year earlier meat eat-AN-ACC leave-PAST-1SG
‘I gave up eating meat three years ago’.
- (2a) Mən siqaret çək-məy-i 35 yaş-ım-da
I cigarette pull-AN-ACC 35 age-POSS1SG-LOC

¹ Turkic languages display systematic grammatical distinctions among these three related but distinct concepts: ‘to finish eating’, ‘to eat completely’, and ‘to stop eating’, each typically realized through different constructions. I am grateful to an anonymous reviewer for bringing relevant Japanese data to my attention and for fruitful comments to my contribution.

² I would like to thank the following colleagues and friends for discussions and feedback: Arzhaana Syuryun and Choduraa Tumat (Tuvan), Durдона Ermatova (Uzbek), Lala Shirinova (Azerbaijani), Raima Auyeskan (Kazakh) and Birsəl Karakoç (Turkish). Dukhan and Tuhān examples belong to my own corpus. As for transcription, Turkish, Azerbaijani and Uzbek examples are quoted in their standard Latin-based orthography, whereas all other examples are given in the Turcological transcription in use in the journal *Turkic Languages*. Therefore, see [Johanson 2021].

dayan-dır-d-ım. (Azerbaijani)

stop-CAUS-PAST-1SG

‘I stopped smoking when I was 35 years old.’

In Azerbaijanian, however, the idea of “to stop X-ing” is often reformulated. Compare the example below:

(2b) 35 *yaş-ım-dan* *siqaret* *çək-mir-əm.* (Azerbaijani)

35 age-POSS1SG-ABL cigarette pull-NEG.INTRA-1SG

‘I haven’t smoked since I was 35 years old.’

(3) *Niyə siqaret-i* *at-a* *bil-mir-sən?* (Azerbaijani)

why cigarette-ACC throw-CONV know-NEG.INTRA-2SG

‘Why can’t you give up/stop smoking?’

(4) *Men-da xolesterin* *daraja-si* *yuqori* *bo’l-gan-i*

I-LOC cholesterol degree-POSS3 high become-AN-POSS3

uchun *go’sht iste’mol* *qil-ish-ni* *to’xtat-d-im.* (Uzbek)

because meat use make-VN-ACC stop-PAST-1SG

‘I stopped eating meat because I had high cholesterol levels.’

(5) *Ko’p shirinlik* *ye-yish-ni* *bas* *qil-ing.* (Uzbek)

many sweets eat-AN-ACC enough make-IMP2PL

‘Stop eating many sweets!’

(6) *Nega chekish-ni* *tashla-may-san?* (Uzbek)

why smoke-ACC throw-NEG-INTRA-2SG

Why don’t you stop/quit smoking?

(7) *Et že-gen-dī* *qoy-d-īm.* (Kazakh)

meat eat-AN-ACC put-PAST-1SG

‘I stopped eating meat.’

(8) *Sen-ī* *žaksj-körj-dī* *eşkaşan* *toқта-t-pa-d-īm.*³

2SG-ACC love-AN-ACC never stop-CAUS-NEG-PAST-1SG

‘I have never stopped loving you.’

Sayan Turkic, a small sub-branch of South-Siberian Turkic, displays an interesting range of constructions denoting the cessation of an action.

Besides featuring constructions analogous to those just delineated, i.e. based on a transitive verb meaning ‘to stop, to cease’, Sayan Turkic displays further interesting strategies, including postverbal constructions (auxiliary verb constructions) and ad-hoc denominal verbal derivation.

³ In this example, the verb *qoy-* ‘to put’ can be used instead of *toқта-* ‘to stop (tr.).’

Examples displaying transitive verbs combined with accusative-marked action nominals are the following:

- (9) *Šokolad čī:r-īn soksa-d-īr de:š*
 chocolate eat-AN-POSS3.ACC stop-CAUS-AN CONJ
čada-p kag-dī-m. (Standard Tuvan)
 be.unable-CONV throw-PAST-1SG
 ‘I would like to stop eating chocolate, but I can not.’

Tuhan⁴ cognate constructions employ the verbal stem *boli-* ‘to stop, give up’ (← Mong; cf. Written Mongol *boli-* and Khalkha Mongolian *boli-* ‘to stop, to give up’ [Lessing 1995: 117b]):

- (10) *Uruy-lar ñat-kas tuha bile жүга:ли:r-ин*
 child-PL blush-CONV Tuhan with speak.AN-POSS3.ACC
boli-a:n. (Tuhan)
 stop-POST.
 ‘The children felt ashamed and gave up speaking in Tuhan.’
- (11) *Tamhi tīrht-ar-īn boli-a:n.* (Tuhan)
 tobacco pull-INTRA.AN-POSS3.ACC stop-POST
 ‘(S)he gave up smoking.’

Khalkha Mongolian displays a functionally and structurally corresponding construction to express cessation with the verb *boli-*. Compare the following example:

- (12) *Tamxii tat-ax-aa bol’!* (Khalkha Mongolian)
 tobacco pull-AN-POSS.REFL stop.IMP
 ‘Stop smoking!’

Depending on the situation, an alternative construction of reduced structural complexity may be employed, consisting of the verb *kay-* ‘to leave’ in combination with a direct object in the accusative case representing the terminated activity or state:

- (13) *Ertken čīlīn ta:kpī-nī kay:-an men.* (Standard Tuvan)
 last year tobacco-ACC leave-POST 1SG
 ‘Last year I gave up smoking.’

Yet Standard Tuvan, displays a dedicated “cessative affix”, {BAS-tA} [Anderson, Harrison 1999: 46]:

- (14) *Men taakpī tīrt-pas-ta:-n men.* (Standard Tuvan)
 1SG tobacco pull-NEG.PN⁵-DER-POST 1SG

⁴ On the Tuhan variety, spoken by a handful of older speakers in the Tsagaan Üür County of Khövsgöl region, see, a.o. [Ragagnin 2009, 2018, 2023].

The suffix {BAS-tA} often occurs with the postverbal construction -A *ber-* specifying the initial phase of the actional content, i.e. the dynamic entrance into the state of X-ing⁵. See the example below:

- (15) *Men tiva xüreš bile surguul kıl-basta-y*
 I Tuvan wrestling CONJ participant do-CES-CONV
be:r-im-ge ača-m xomuda:n.
 AUX.INTRA.AN-POSS1SG-DAT father-POSS1SG regret-PAST
 [Anderson, Harrison 1999: 46].

As for its historical trajectory, the suffix {BAS-tA} can be traced back to the intraterminal action noun {BAS} + the verbalizer {LA}.

Dukhan⁷ — a small Taiga Sayan Turkic variety spoken in northern Mongolia's Khövsgöl region — displays the construction -BAS *bol-ï ber-* (NEG.INTRA.PN + become + inchoative actionality marker [CONV + give]), literally 'to enter the state of being a non X-er' in order to express cessativity. See the examples below:

- (16) *Mi:ŋ aš:a:m araha i^hš-pes bol-ï*
 I.GEN husband.POSS1SG alcohol drink-NEG.PN become-CONV
ber-gen. (Dukhan)
 give-POST
 'My husband stopped drinking (lit. "my husband became an alcohol non-drinker").'

A further cessative-marking strategy observable in the Sayan Turkic typological landscape involves the grammaticalization of a complex construction comprising the negative converb suffix {BAyn} combined with the grammaticalized auxiliary verb *bar-* 'to go', thereby generating a postverbal construction. See the example below:

- (17) 35 *xar-lığ tur-gaš ta:kpi-la-vayn*
 35 snow/age-DER stand-CONV tobacco-DER-NEG.CONV
bar-d-ï-m. (Standard Tuvan)
 move-PAST-1SG
 'I stopped smoking when I was 35.'

Finally, Tuhan speakers may also employ a construction based on the verbal stem *ün-* 'to exit' in combination with the ablative form of what one stops doing, displaying thus close structural patterns with Mongolian (e.g. 19).

⁵ On Turkic participant nominals, see Johanson [2021: 733–743].

⁶ On the ingressive marker {A} *bär*, also see [Anderson 2004: 111–116, Ragagnin 2011: 106–107; Johanson 2021: 1008–1009].

⁷ On Dukhan, see, a.o. [Ragagnin 2011].

- (18) *Men tamaha-dan ün-gen men.* (Tuhan)
 I tobacco-ABL exit-POST 1SG
 ‘I gave up smoking.’ (lit. ‘I came out from tobacco’)
- (19) *Bi tamxn-aas gar-san.* (Khalkha Mongolian)
 1SG tobacco-ABL exit-POST
 ‘I gave up smoking.’

Remarkably, in both Khalkha Mongolian and Tuhan the construction type “noun-ABL + exit” appears to be used — at least on the base of my preliminary investigation — to express the intentional cessation of an action. This topic deserves to be explored in more depth with the inclusion of more languages of Northeast Asia.

To conclude with, the following table summarizes the main Turkic cessative construction types discussed in this contribution.

Construction-type	Languages
Transitive VS + AN/noun-ACC	all main Turkic branches
Verbal stem-{BAs} (negative participant nominal [participle]) + <i>bol-</i> ‘to become’	Sayan Turkic
Verbal stem-{BAs} (NEG.PN /participle)-{LA (denominal formant)}-	Standard Tuvan
VS-{BAyn (NEG.CONV)} + <i>bar</i> ‘to go/move’	Standard Tuvan
Noun-ABL + <i>ün-</i> ‘to exit’	Tuhan (Mongolia)

Abbreviations

ACC — accusative; AN — action nominal; CONV — converb; DER — derivation; GEN — genitive; IMP — imperative; INTRA — intraterminal viewpoint operator; LOC — locative; NEG — negation; PL — plural; PN — participant nominal; POSS — possessive; POST — postterminal viewpoint operator; REFL — reflexive; SG — singular; VS — verbal stem.

References

- Anderson G. 2004. *Auxiliary Verb Constructions in Altai-Sayan Turkic* (Turcologica 51). Wiesbaden: Harrassowitz.
- Anderson G., Harrison D. 1999. *Tyvan* (Languages of the World/Materials 257). München & Newcastle: Lincom Europa.

- Johanson L. 2021. *Turkic*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lessing F. 1995. *Mongolian-English dictionary*. Bloomington: The Mongolia Society.
- Kuteva T, Heine B., Hong B., Long H., Narrog H., Rhee S. (eds.). 2019. *World lexicon of grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press [2nd, extensively revised and updated edition].
- Ragagnin E. 2009. A rediscovered low-land Tofan variety. *Turkic Languages* 13, 225–245.
- Ragagnin E. 2011. *Dukhan, a Turkic variety of northern Mongolia* (Turcologica 76.). Wiesbaden: Harrassowitz.
- Ragagnin E. 2018. A Turcological gem: The Tuhan language of Northern Mongolia. *Turkic Languages*, 22:2, 217-229.
- Ragagnin E. 2023. Turkic and Mongolic lexical treasures in Northern Mongolia. In: Ö. Ayazlı, T. Karaayak, U. Uzunkaya (eds.). *Bilge Biliglig Bahşı Bitigi: Doğumunun 60. Yılında Mehmet Ölmez Armağanı*. Çanakkale: Paradigma Akademi, 509–515.

АДВЕРСАТИВНЫЙ ПАССИВ В УДЭГЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена рассмотрению финитных глагольных форм с суффиксом *-и-* / *-wi-*, которые в большинстве грамматических описаний удэгейского языка рассматривались как формы страдательного залога. Демонстрируется, что данные формы обладают иными характеристиками, нежели типологически ожидаемые. Показано, что в удэгейском языке эти конструкции являются формами адверсатива. Сходные конструкции имеются и в других тунгусо-маньчжурских языках, а также неродственных языках Азии.

Введение

Пассивная деривация связана с понижением роли агенса и выдвиганием пациенса в ведущую синтаксическую позицию (подлежащее).

При каузативной деривации позицию подлежащего занимает новый участник (каузатор), в то время как агенс исходного предложения понижается до актанта, который в удэгейском языке может кодироваться аккузативом или дативом (об этом ниже).

Адверсатив выражает негативное воздействие на участника, который является по отношению к этому воздействию пациенсом, но продвинутом в ранг подлежащего.

Таким образом, адверсатив формально сходен с пассивом — подлежащим является пациенс, то есть участник, который испытывает на себе некоторое воздействие. Однако исходный Агенс понижается до актанта, который кодируется дативом, как и каузируемый в ряде каузативных конструкций.

В языках мира пассивизация связана с понижением статуса исходного агенса, который кодируется одним из косвенных падежей (ср. рус. Дом строится рабочими). Однако кодирование исходного агенса возможно не всегда. Как указывает Т. Гивон: «Во многих языках, вероятно, в большинстве языков мира, пассивизация (продвижение не-агенса в основную позицию в предложении) требует удаления основного агенса» [Givón 1979: 30]. На первый взгляд, удэгейский язык опровергает это утверждение.

Методология и источники

В статье проанализировано использование финитных глагольных форм с суффиксом *-u-* / *-wi-* в аннотированном корпусе удэгейских текстов, содержащем около 53000 слов. Основная часть корпуса — тексты, записанные в 1920–1960-е годы и отражающие традиционный вариант удэгейского языка.

Пассив в удэгейском языке

Пассивный (страдательный) залог принадлежит к тем разделам грамматики удэгейского языка, которая редко бывала объектом пристального внимания исследователей.

В большинстве грамматических описаний этого языка внимание исследователей сосредоточено на пассивных причастиях, в то время как финитные глагольные формы в большинстве работ лишь упоминаются с указанием на то, что они образуются присоединением суффикса *-u-* к глагольной основе [Шнейдер 1936: 122–123, 141; Суник 1968: 225; Кормушин 1998: 94; Girfanova 2002: 59].

Наиболее подробно данные формы исследованы в «Грамматике удэгейского языка» И. Николаевой и М. Тольской [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 306–308], где они рассматриваются как формы пассивного залога. Однако и в этом исследовании основное внимание уделено пассивным причастиям, в том числе спрягаемым, а также сложным видо-временным конструкциям со связкой.

Следует отметить, что большинство исследователей не указывают на адверсативную семантику предложений с финитными формами пассива. Этот факт отмечен лишь в очерке И. В. Кормушина, он пишет: «Страдательный (пассивный) залог на *-u-* означает, что субъект испытывает действие (обычно отрицательное для него) со стороны другого лица (в дат. пад.)» [Кормушин 1998: 94].

Обсуждая стоит исследование Синджиро Казама, который не выделяет в удэгейском языке пассивный залог [Kazama 2022: 28–29]. По его мнению, здесь имеется безличный залог (Impersonal voice), который кодируется суффиксом *-u-* и имеет формы настоящего и будущего времени, но не имеет форм прошедшего. Этот залог, по мнению Казама, выражает целый ряд значений, и среди них — пассив. Здесь, однако, следует сделать одно важное замечание. Каждое из приводимых Казамой значений «безличного залога» характерно лишь для некоторой конкретной формы. Так, например, значение «надлежащее действие» (proper action) передается

формой с суффиксами *-u-zaŋa*, и других значений данная форма не имеет. Значение «пассива» характерно, в системе Казама, для финитных форм. Адверсативный характер этих пассивных форм также не упомянут.

Пассивные предложения и иерархия одушевленности

В удэгейском языке формы страдательного залога образуются путем прибавления суффикса *-u-* к основе презенса. Николаева и Тольская отмечают вариант *-wu-*, который появляется в положении между гласными у ряда говорящих. Данные формы могут быть образованы от большинства глаголов. Перед нами регулярная деривация, ср.:

<i>duktə-</i> ‘бить’	<i>duktə-u-</i> ‘быть побитым’;
<i>gakpa-</i> ‘стрелять’	<i>gakpa-u-</i> ‘быть застреленным’;
<i>diga-</i> ‘есть’	<i>diga-u-</i> ‘быть съеденным’;
<i>gidala-</i> ‘проткнуть копьем’	<i>gidala-u-</i> ‘быть проткнутым копьем’;
<i>bugə-</i> ‘заслонять’	<i>bugə-u-</i> ‘быть заслоняемым’;
<i>diŋə-</i> ‘давить’	<i>diŋə-u-</i> ‘быть придавленным’ и мн. др.

Существуют формы, образованные от глаголов с нулевой валентностью:

<i>dogbo-(gi-)</i> ‘наступать (о ночи)’	<i>dogbo-u- (dogb-u-)</i> ‘быть застигнутым ночью’;
<i>sikiə-(gi-)</i> ‘наступать (о вечере)’	<i>sikiə-u-</i> ‘быть застигнутым вечером’;
<i>gakti-</i> ‘становиться (о холоде)’	<i>gakti-u-</i> ‘замерзнуть’.

Существует нерегулярный глагол: *wuu-* быть убитым (< *waə-* ‘убивать’ + *-u-*).

Глаголы с суффиксом *-u-* не отличаются от других и могут сочетаться с любыми временными и видовыми показателями, как в примере (1), где глагол *aŋa-u-* ‘быть застигнутым ночевкой (необходимостью ночевать)’ является частью нефинитной формы со значением причины:

- (1) *Aŋa-u-si-hən-zi-fəi* *diga-laga-fi* *olokto-ho-ti*.
 ночевать-PASS-IM-PP-INS-SS.PL есть-PURP-1PL.INCL готовить-PST-3PL
 ‘Ввиду необходимости ночевать сварили себе еду’
 [Baskakova.III.06.092].

В пассивных предложениях, когда исходный пациенс выдвинут в позицию подлежащего, исходный агенс маркируется дательным падежом, при этом творительный падеж выражает инструментальное значение, как и в исходном предложении. Ср. в примере (2) формальным подлежащим является местоимение *si* ‘ты’, агенс выражен дативом местоимения 1 л. *mindu*:

- (2) *Komo, min-du akinda-u-zə-hi si məimə-zì!*
 Комо 1SG-DAT колоть-SEM-PASS-OPT-2SG 2SG острога-INS
 ‘Я убью тебя, Комо, острогой!’ (букв. «Ты, Комо, будешь мною проткнут острогой») [Kormushin.30.023].

Пассив и шкала одушевленности

В соответствии с иерархией одушевленности М. Сильверстейна, в языках мира возможность выражения исходного агенса в пассивном предложении часто ограничена и зависит от степени его одушевленности [Silverstein 1976]. Предлагается следующая иерархия одушевленности:

Местоимение — Человек — Одушевленное существо — Природное явление — Предмет.

В удэгейском языке в пассивных конструкциях с финитным глаголом эксплицитно выраженный агентс маркирован дативом и может принадлежать к любой из указанных категорий:

Местоимение:

- (3) *Dələ-i ədə-isi-ni dukta-u-zə-hu min-du!*
 бояться-PRP становиться-PC.DS-3SG бить-PASS-OPT-2PL 1SG-DAT
 ‘Если кто будет бояться, я вас поколочу (будете мною поколочены)’
 [Baskakova.III.07.062].

Человек (лицо):

- (4) *Ag'a-du digana-u-za-i.*
 старший.брат-DAT говорить-PASS-OPT-1SG
 ‘Старший брат меня заругает’ [Baskakova.III.08.016].

Животное (одушевленное существо):

- (5) *Buk-ki-ni Uz'a=la, kalima-du xukti-u-ə-ni.*
 умереть-PST-3SG Удза=FOC кит-DAT нападать-PASS-PST-3SG
 ‘Погиб Удза, кит на него напал’ (Kormushin.05.126).

- (6) *Bi zuu gäxi-du saña-u-gə-i!*
 1SG два птица-DAT какать-PASS-PRF-1SG
 ‘Две птицы на меня накакали!’ [Baskakova.IV.18.016].

Явление природы:

- (7) *Tokö-du imi bugə-u-hi sugala maga-i-di-ni?*
 туча-DAT почему застилать-PASS-2SG север непогода-PRP-DAT-3SG
 ‘Почему тучи закрывают тебя (букв. «тучей почему застилаем») при непогоде?» [Kormushin.15.016].

Неодушевленный предмет:

- (8) *Mam'asa, sina-di-i diŋə-u-gə-i, bəla-nə-jə!*
бабушка носилки-DAT-SS давить-PASS-PRF-1SG помочь-AND-IMP
'Бабушка, иди помоги, я своими носилками придавлен!' [Алцј.15.037].

Таким образом, в данных конструкциях нет ограничений на одушевленность агенса. Напротив, существуют ограничения на одушевлённость пациенса (участника, на которого направлено действие «пассивного» глагола). Пациентом может быть только человек (за исключением случаев персонификации в сказках). При этом в самом предложении он формально обычно выражен личным местоимением или личным суффиксом глагола (см. примеры 3–8). При необходимости назвать этого участника, он выносится за рамки предложения. Он может быть выражен:

1) Обращением (9–10):

- (9) *Nəxusə, ələ nii-du wau-laga-mi*
младшая.сестра скоро человек-DAT убить-PASS-PURP-GER
nixə-i jəu si utə=bədə.
делать-2SG что 2SG вот=так
'Сестра, ты так делаешь, чтобы скоро быть этим человеком убитой?'
[Kazama 2022: 28].

- (10) *Tukca site-ni, si min-du tu*
заяц ребенок-3SG 2SG 1SG-DAT так
gidasi-u-ze-hi!
колоть.копьем-PASS-OPT-2SG
'Заячий сын (ублюдок), я тебя сейчас враз убью!' [Kormushin.30.240].

2) Подлежащим смежного предложения (5) или зависимой предикации (11):

- (11) *'Ai-ni eme-gi-isi-ni uu-hu*
старший.брат-3SG прийти-REV-PC.DS-3SG быть.убитым-2PL
'Как придет ее старший брат, убьёт вас' [Baskakova I.03.010].

Указанные рестрикции на одушевлённость участников необычны для пассивных конструкций в языках мира. Это говорит о том, что в удэгейском языке в случае финитных глагольных форм мы имеем дело не с обычным страдательным залогом, а с адверсативом, то есть с конструкцией, передающей воздействие, обычно негативное, на лицо, которое не является активным деятелем. Такие конструкции характерны для японского и корейского языка, они описаны для родственного удэгейскому эвенского языка [Malchukov 1993, 1995; Мальчуков 2008; Уткина 2024], а также для некоторых других языков, отдаленных как генетически, так и территориально [Bril 2023].

В грамматике удэгейского языка Николаевой и Тольской имеется пример, полученный скорее всего путем элицитации: Авторы рассматривают его как пример бессубъектного пассива. [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 573].

- (12) *Əi lenta-wa sin-du əniŋə-du bu-wo-o-ni.*
 этот лента-ACC 2SG-DAT мать-DAT давать-PASS-PST-3SG
 ‘Эта лента была дана тебе матерью’ [GU 1141a].

Данный пример нарушает сразу несколько правил образования рассматриваемых конструкций. Здесь существительное *lenta* ‘лента’ является прямым объектом при глаголе *bu-u-* ‘быть даваемым’, хотя в пассивной конструкции она должна быть подлежащим. Также нарушено ограничение на одушевленность пациенса, а агенс и получатель маркируются одним и тем же падежом (дативом). Пример (12) носит искусственный характер.

Удэгейские адверсативные конструкции кодируют негативное воздействие на пациенс, который обязательно является одушевленным. Ниже дан список глаголов, которые зарегистрированы в данной конструкции в нашем корпусе¹:

<i>akinda-u</i>	‘быть убитым острогой’;
<i>anagi-u</i>	‘быть растянутым’;
<i>aŋa-u</i>	‘быть застигнутым ночевкой’;
<i>bugə-u</i>	‘быть зарытым’;
<i>diga-u</i>	‘быть съеденным’;
<i>digana-u</i>	‘быть ругаемым, говоримым’;
<i>diŋə-u</i>	‘быть придавленным’;
<i>duktə-u</i>	‘быть побитым’;
<i>gakpa-u</i>	‘быть убитым стрелой’;
<i>gidasi-u/gidala-u</i>	‘быть проткнутым копьем’;
<i>ja-u</i>	вопросительный глагол;
<i>kaja-u</i>	‘быть приказываемым’;
<i>likpi-u</i>	‘быть заслоненным’;
<i>saŋa-u</i>	‘быть обкаканным’;
<i>mäusa-u</i>	‘быть застреленным из ружья’;
<i>tii-u</i>	‘быть отнимаемым’;
<i>wuu/wau</i>	‘быть убитым’;
<i>xukti-u</i>	‘быть сбитым с ног’.

Глаголы нейтральной семантики получают адверсативное значение:

¹ В этот список не вошли глаголы, встретившиеся в рассматриваемых конструкциях в других источниках: [Kazama 2022; Nikolaeva, Tolskaya 2001].

- (13) *Bi ag'a-di-i diga-u-zə-hu.*
1SG старший.брат-DAT-1SG есть-PASS-OPT-2PL
'Мой старший брат вас съест' [Baskakova.III.13.038].
Интересно употребление в данной форме вопросительного глагола *ja-* 'что делать?':
- (14) *Jemi ja-u-hi, ele-le!*
зачем VQ-PASS-2SG достаточно-FOC
'Зачем ты это делаешь с собой, хватит же!' [Baskakova.III.10.018].

Типы адверсативных конструкций

Сходные адверсативные конструкции были рассмотрены А. Л. Мальчуковым для родственного удэгейскому эвенского языка. Он выделил пять типов конструкций на основе двух признаков: глагольной валентности и падежного маркирования исходного деятеля [Malchukov 1995: 21–23; Мальчуков 2008: 92–102].

Три из этих типов конструкций характерны и для удэгейского языка².

1) Конструкции с исходными глаголами нулевой валентности. Это обычно обозначения погодных условий и явлений природы:

- (15a) *Dogbo-gi-ə-ni.*
быть-ночи-REF-PST-3SG
'Наступила ночь' [Baskakova.II.04.128].

- (15b) *Dogb-u-o-mi.*
быть-ночи-PASS-PST-1SG
'Я был застигнут ночью' [GU 526a].

К этому типу можно отнести и некоторые исходно одновалентные глаголы, ср. пример (1), где глагол *аηа-и-* 'быть застигнутым ночевкой' образован от глагола *аηа-* 'ночевать'.

2) Конструкции, выражающие ситуацию, когда исходный деятель совершает действие по отношению к лицу или предмету, выраженному прямым

² В удэгейском не встретились адверсативные конструкции, принадлежащие к следующим двум типам, выделенным Мальчуковым для эвенского языка: 1) конструкции с непереходными глаголами, обозначающими неконтролируемые процессы, неблагоприятные для субъекта (болеть, мерзнуть и т.п. «у мальчика мерзнут руки»); 2) конструкции с глаголами движения (приближения), обозначающие «ситуации, в которых референт подлежащего испытывает отрицательное воздействие из-за неожиданного появления другого лица <...> «Привидение нам явилось» [Мальчуков 2008: 94].

дополнением, и это действие негативно влияет или негативно воспринимается участником, субъектом предложения:

- (16) *Mam'asanati-fəi tii-u-gə-hu mərgə-du!*
 невеста-REFL.PL отнимать-PASS-PRF-2PL мерген-DAT
 'Наших невест мерген отнял!' (букв. «Свои (наши) невесты мергеном были отнимаемы (у нас)») [Anuj.18.032].

А. Л. Мальчуков отмечает, что в рамках данных конструкций, как правило, участник, выраженный прямым дополнением (в примере выше это *tam'asanati* 'невеста') тем или иным образом связан с участником, выраженным подлежащим. Глагол является переходным и чаще всего имеет семантику «насильственного лишения собственности». Это демонстрирует и удэгейский пример (16).

К этому типу адверсативных конструкций, возможно, следует отнести и пример (17):

- (17) *Songo ulə-we-ni diga-wu-ini in'əi-du.*
 медведь мясо-ACC-3SG есть-PASS-3SG собака-DAT
 'Медвежье мясо поедается собаками' [GU 1141b].

Поскольку факт поедания собаками «священного» мяса медведя является вопиющим, он негативно воспринимается неназванным участником.

3) Пассивные конструкции, указывающие на то, что участник, выраженный подлежащим, подвергается нежелательному воздействию со стороны исходного деятеля (кодируется дативом). Действие выражено переходным двухвалентным глаголом:

- (18) *Uʒ'a, ələ, utə=bədə əzi nixə,*
 Удзя ладно так=как VNEG.IMP делать
min-du uu-ʒə-hi!
 1SG-DAT быть.убитым-OPT-2SG
 'Ладно, Удзя, больше так не делай, а то убью!' [Baskakova.IV.15.038].

Глаголы с нейтральной семантикой, в рамках данной конструкции, подразумевают, что действие неблагоприятно для подлежащего.

- (19) *Kand'a mafa-du kaja-u-mi, suu səsigə-wə-ni*
 Канда старик-DAT приказать-PASS-GER солнце кусок-ACC-3SG
gəpə-mi ətə-hə-mi.
 достать-GER прийти-PST-1SG
 'Я пришел достать кусочек солнца, так мне приказал старик Канда' (букв. «будучи приказанным» стариком Кандой) [Baskakova.IV.10.264].

Типы адверсативных конструкций

В удэгейском, как и в других тунгусо-манчжурских языках, показатели каузатива и пассива материально сходны. Пассив кодируется суффиксом *-u-*, который в положении между гласными может реализоваться как *-wu-*. Каузатив выражается суффиксами *-wAnA-* /*-wAŋ-* или *-wA-*. Помимо этого существует непродуктивный каузативный суффикс *-u-* [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 302–303]. Авторы «Грамматики удэгейского языка» приводят длинный список глаголов с непродуктивным суффиксом каузатива *-u-*, среди них:

<i>saa-</i> ‘знать’	<i>sa-u-</i> ‘сообщать’;
<i>kəsə-</i> ‘страдать’	<i>kəs(ə)-u-</i> ‘мучить’;
<i>dala-</i> ‘лакать’	<i>dala-u-</i> ‘кормить (животное)’;
<i>təti-</i> ‘надевать’	<i>tət-u-</i> ‘одевать’;
<i>ili-</i> ‘стоять’	<i>il-u-</i> ‘ставить’;
<i>ila-</i> ‘гореть’	<i>ila-u-</i> ‘разжигать’;
<i>əjə(n)-</i> ‘плыть по течению’	<i>əjəm-u-</i> ‘пускать по течению’;
<i>solo-</i> ‘плыть против течения’	<i>solo-u-</i> ‘заставлять плыть против течения’;
<i>ilaktan-</i> ‘возникать’	<i>ilaktam-u-</i> ‘заставлять возникнуть’;
<i>iñə-</i> ‘смеяться’	<i>iñə-u-</i> ‘смешить’;
<i>tati-si-</i> ‘научаться’	<i>tat-u-si-</i> ‘учить’.

В действительности, количество глаголов с этим суффиксом еще больше. Таким образом, каузатив и пассив во многих случаях маркируются сходным образом. Вследствие этого в ряде случаев принимать решение о том, перед нами пассив или каузатив приходится на основе маркирования актантов. В пассивных адверсативных конструкциях исходный агент маркируется дативом, подлежащее — участник, испытывающий на себе воздействие со стороны агенса, не имеет падежного маркирования как в примере (19):

- (20) *Uʒ'a-du uu-mi əmə-hə-mi bi.*
 Удзя-Dat быть.убитым-Ger прийти-Pst-1Sg 1Sg
 ‘Я пришел, Удзой убитый’ [Baskakova.IV.13.036].

В каузативной конструкции каузатор не имеет падежного маркирования, а каузируемый может маркироваться как аккумулятивом (21), так и дативом (22), (23):

- (21) *Uliəsi-ə-ni-ə bəliəntə wagi-waŋ-ki-ni*
 кормить.с.ложки-PST-3SG-EMPH красавица оживать-CAUS-PST-3SG
jəgdig'ə-wə
 молодец-ACC

‘Кормила [его] с ложечки красавица, довела до поправки молодца’
(букв. «позволила/заставила молодца ожить») [Kormushin.51.102].

(22) *Uti nada lusa-ziga-du sugala-wa tati-wəŋ-ki-ni.*
этот семь русский-PL-DAT лыжи-ACC надевать-CAUS-PST-3SG
‘Она заставила тех семерых русских надеть лыжи’ [Anuj.06.017].

(23) *Aziga kaku-du ajanzi ʒə-wəŋ-ki-ni.*
девушка кукушка-DAT хорошо есть-CAUS-PST-3SG
‘Девушка хорошо кормила кукушку’ [Baskakova.П.09.054].

В некоторых случаях непросто решить, с какой из конструкций мы имеем дело, особенно если предложение вырвано из контекста. Так, взятое вне контекста предложение (24а) может иметь две интерпретации:

(24а) *E-si-ti təə-u.*
VNEG-PST-3PL сажать-PASS/CAUS
‘Их не посадили’ (пассивное прочтение), ‘они не позволили сесть’
(каузативное прочтение).

Контекст:

(24b) *Nada azigaziga, minə-wə=də təə-u-jə-hu!*
семь девушка-PL 1SG-ACC=FOC сажать-CAUS-IMP-3PL
‘Семь девушек, посадите меня-то!’ [Baskakova.П.10.143].

Однако, если принять во внимание контекст (24b), становится очевидным, что перед нами форма каузатива: «они не позволили ему сесть (в лодку)».

«Гибридная» категория

Сходные конструкции описывались А. Л. Мальчуковым для эвенского языка. В книге «Синтаксис эвенского языка» [Мальчуков 2008] он высказывает предположение, что адверсативный пассив в эвенском восходит к каузативным конструкциям [Мальчуков 2008: 100–102]. Это дает автору основание назвать адверсативные конструкции «гибридными». Он пишет:

«В эвенском языке представлена особая «гибридная» глагольная категория — адверсатив (адверсативный пассив), обнаруживающая промежуточное положение между пассивом, с одной стороны, и (инволитивным) пермиссивом — с другой. В семантическом отношении адверсатив также комбинирует признаки пассива и (инволитивного) пермиссива» [Мальчуков 2008: 101].

Сказанное можно в полной мере отнести и к удэгейскому языку. Таким образом, для удэгейского можно, по-видимому, постулировать некое исходное состояние, когда каузатив и пассивный адверсатив формально не разли-

чались. Промежуточной стадией при этом был “пермиссивный пассив” — ситуация, когда агенс “позволяет” (инволитивно) чтобы нечто было над ним произведено.

Исходную ситуацию с формальным неразличением пассива и каузатива мы находим в классическом маньчжурском языке, где формы с суффиксом *-bu/-mbu* передают грамматические значения как каузатива, так и пассива:

- ala-bu-* а) ‘заставить (позволить) говорить’,
б) ‘быть говоримым о, быть сказанным’

- mya-bu-* а) ‘показать (заставить, приказать, дать, разрешить) увидеть’,
б) ‘быть увиденным, замеченным, виднеться’ [Аврорин 2000:

179)].

Вот что пишет В. А. Аврорин: «Побудительность как действие сугубо активное и страдательность как действие пассивное, скорее даже не действие, а состояние, кажутся совершенно несовместимыми <но...> можно обнаружить точки соприкосновения. Особенно широк диапазон оттенков у значения побудительности: от активного навязывания воли субъекта до пассивного допущения, согласия на совершение действия. Основа *кадалабу-* значит и ‘велеть, приказать, заставить управлять’, и ‘поручить управление’, ‘допустить управление’. В том и другом случаях форма на *-бу/-мбу* выражает персональное несовпадение инициатора действия и его фактического исполнителя. В одном случае побуждает совершить действие одно лицо, а совершает его другое; во втором случае совершает действие одно лицо, а испытывает его на себе другое лицо» [Аврорин 2000: 179–180].

О том, что в удэгейском языке, возможно, также когда-то имелась подобная ситуация, свидетельствует материальное сходство показателей адверсативного пассива и каузатива. Впоследствии суффикс каузатива получил дополнительный слог и приобрел вид: *-wAŋA/-wAŋ/-wAn/-wA-*. Вариант (*-wA-*) по мнению А. М. Певнова, является более архаичным [Певнов, личное сообщение]. Непродуктивный суффикс каузатива *-и-*, таким образом, восходит к первоначальной ситуации синкретизма каузатива и адверсативного пассива.

Список сокращений

1 — первое лицо; 2 — второе лицо; 3 — третье лицо; And — андатив; Abl — отложительный падеж; Acc — винительный падеж; Caus — каузатив; Dat — дательный падеж; Incl — инклюзив; Foc — фокус; Fut — будущее время; Ger — герундий; Emph — эмфатическое удлинение; Imp — императив; Inc — инхоатив; Ins — инструментальный падеж; Opt — оптатив; Pass — пассив; Pl — множественное число; Pp — причастие прошедшего

времени; Prf — перфект; Pst — прошедшее время; Pnp — конверб цели; Ref — рефактив; Refl — рефлексив; Sg — единственное число; Sem — семейфактив; Ss — соотнесение с субъектом; Vneg — отрицательный глагол; Vq — вопросительный глагол.

Список источников

- Ануй — Е. Р. Шнейдер. Материалы по языку анюйских удэ. Главсевморпуть при СНК СССР. Научно-исследовательская ассоциация Института народов Севера им. И. Г. Смидовича. Вып. 11. М.; Л.: 1937.
- Baskakova — Е. Н. Баскакова. Материалы по языку и фольклору народа удэ на р. Самарга, собранные Баскаковой Е. в сентябре 1936 года в колич. 5 тетрадей. Архив МАЭ РАН «Кунсткамера», Фонд К II, оп. 1, № 74.
- GU — Nikolaeva I, Tolskaya M. 2001. Grammar of Udihe. Berlin–New York, Mouton de Gruyter.
- Kormushin — И. В. Кормушин. Удыхейский язык. М.: Наука, 1998.

Список литературы

- Авrorин В. А. 2000. *Грамматика маньчжурского письменного языка*. СПб: Наука.
- Кормушин И. В. 1998. *Удыхейский язык*. М.: Наука.
- Мальчуков А. Л. 2008. *Синтаксис эвенского языка. Структурные, семантические, коммуникативные аспекты*. СПб.: Наука.
- Суник О. П. 1968. *Удэгейский язык*. Языки народов СССР. Т. 5. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. Л.: Наука, 210–232.
- Уткина П. А. 2024. Адверсативные конструкции в быстринском диалекте эвенского языка. *Четвертая конференция по уральским, алтайским и палеоазиатским языкам, Санкт-Петербург, 25–27 ноября 2024. Сборник тезисов*. СПб: ИЛИ РАН, 90–93.
- Шнейдер Е. Р. 1936. *Краткий удэйско-русский словарь с приложением грамматического очерка*. М.–Л.: Учпедгиз.
- Bril I. 2023. *Adversative and experiential applicative constructions in Northern Amis (Austronesian)*. Linguistics.
- Girfanova A. 2002. *Udeghe*. München: LINCOM Europa.
- Givón T. 1979. *On Understanding Grammar*. New York: Academic Press.
- Kazama Sh. 2022. A Grammar of Udihe. 思言 東京外国語大学記述言語学論集 8 (Сборник описательной лингвистики Токийского университета иностранных языков).

- Malchukov A. 1993. Adversative constructions in Even in relation to passive and permissive. In: B. Comrie and M. Polinsky (eds.). *Causatives and transitivity*. Amsterdam: John Benjamins, 369–384.
- Malchukov A. 1995. *Even*. München: LINCOM Europa.
- Nikolaeva I., Tolskaya M. 2001. *Grammar of Udihe*. Berlin–New York, Mouton de Gruyter.
- Silverstein M. 1976. Hierarchy of features and ergativity. In: R. M. W. Dixon (ed.). *Grammatical categories in Australian languages. Linguistic Series* 22. Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies, 112–171.

Татьяна Давидюк

Институт языкознания РАН, Москва

СОГЛАСОВАНИЕ ПО РОДУ В ПОКАЗАТЕЛЯХ ПРЕТЕРИТА В АМУХСКОМ И АНКЛУХСКОМ ДИАЛЕКТАХ ЦУДАХАРО-СИРХИНСКОГО ЯЗЫКА

Екатерина Юрьевна Груздева — человек, сочетающий в себе ответственность, самообладание, высокий интеллект и широкий кругозор — качества, необходимые не только хорошему учёному, но и мудрому руководителю. Я искренне благодарна судьбе за то, что мои первые шаги в профессиональной деятельности в Институте языкознания РАН проходили под её руководством. Екатерина Юрьевна поспособствовала тому, чтобы в моей деятельности полевого лингвиста появилось ещё одно поле — Дагестан. Об одной находке с этого поля и пойдёт речь в данной статье.

Статья посвящена амухскому (*Гямухъ гъай*) и анклухскому (*Анклугъла гъай*) диалектам цудахаро-сирхинского языка. Цудахаро-сирхинский язык относится к даргинским языкам, классификация которых — крайне сложный вопрос; в данной работе мы следуем классификации даргинских языков, разработанной Р. О. Муталовым [2021] и включающей деление на шесть языков — кайтагский, кубачинский, мегебский, севернодаргинский, цудахаро-сирхинский и чирагский. Статья основывается на данных, полученных в ходе полевых исследований в 2022–2024 гг.

Амухский и анклухский диалекты остаются одними из наименее изученных и задокументированных даргинских идиомов. Их носители изначально компактно проживали в высокогорных сёлах Амух и Анклух, расположенных в Агульском районе Республики Дагестан. Однако переселенческая политика СССР, направленная на освоение равнинных территорий, кардинально изменила ареал этих диалектов. Бóльшая часть жителей покинула родные сёла, переселившись в село Чинар Дербенского района и город Дагестанские Огни. Ныне село Анклух является заброшенным, а в Амухе действует четыре хозяйства. Несомненно, процесс переселения изменил языковую среду амухцев и анклухцев, что обуславливает необходимость срочной фиксации и изучения их речи.

Амухский и анклухский диалекты частично отражены в ряде исследований. Наиболее значимыми являются работы И. А. Курбанова [Курбанов 2015a,b, 2016, 2019], который сам является носителем анклухского диалекта. Кроме того, анализ консонантизма амухского диалекта представлен в иссле-

довании С. М. Гасановой [1981]. Лексический материал по амухскому диалекту также включён в диалектологический словарь С. М. Темирбулатовой [2021]. Вне этих источников другие опубликованные данные об амухском и анклухском диалектах в настоящее время отсутствуют.

Изучение социолингвистической ситуации показывает, что внуки опрошенных носителей практически не владеют диалектами. До школы респонденты говорили только на даргинском, однако обучение в школах Амуха и Анклуха велось на русском языке, а родной язык не преподавался. В результате большинство амухцев и анклухцев не освоили даргинскую письменность. При этом они отмечают низкое понимание акушинского диалекта, который стал основой литературного даргинского языка. Русский язык занимает важное место в жизни дагестанцев, и большинство респондентов назвали его необходимым для повседневной жизни. Стоит отметить, что среди амухцев и анклухцев распространено также знание агульского языка. Возможности ревитализации диалектов ограничены отсутствием интереса к расширению их использования. Все респонденты отмечают, что усвоение диалектов происходит исключительно в семье, а идея введения занятий по ним в школах вызывает скептицизм из-за этнически смешанного состава населения в с. Чинар и г. Дагестанские Огни. Кроме того, некоторые респонденты говорят о снижении использования даргинских диалектов в Дагестане в целом.

В данной статье рассматриваются показатели претерита в амухском и анклухском диалектах. В большинстве даргинских идиомов существуют четыре показателя претерита — *-иб*, *-уб*, *-ун* и *-ур*. Эти показатели словарно распределены по глагольным корням. К примеру, глагол ‘делать’ образует форму претерита с суффиксом *-иб*: *баркьиб* (основа совершенного вида) — *биркьиб* (основа несовершенного вида). Другой пример — глагол ‘спать’, который образует форму претерита при помощи показателя *-ун*: *буссун* (основа не дифференцирована по виду). Форма претерита играет важную роль в глагольной морфологии даргинских диалектов, поскольку на её основе строится широкий спектр других глагольных форм.

Система показателей претерита в амухском и анклухском диалектах осложняется наличием двух вариантов с губно-губным согласным для показателей *-иб* и *-уб* — это варианты *-ив* и *-ув* соответственно. В отдельных даргинских идиомах — в кайтагском и в шаринском — конечный согласный у показателей претерита *-иб* и *-уб* переходит в губно-губной согласный [Муталов 2002: 93; Муталов 2019; Темирбулатова 2004: 45]. Однако в этих идиомах переход *б > в* носит системный характер и затрагивает не только показатели претерита, но и другие словоформы. Для амухского и анклухского диалектов такой систематический переход

не характерен. Наши данные указывают на то, что выбор между формами с *-иб* / *-ив* и *-уб* / *-ув* обусловлен согласованием предиката по роду. Формы претерита с губно-губным согласным выбираются при контролере согласования по роду, являющимся именной группой мужского рода, ср. (1)–(2) и (3)–(4).

- (1) *Адми* ***в-евчI-ив=ца*** /
 мужчина M-<M>умереть.PFV-PRET.M=COP
****в-евчI-иб=ца.***
 M-<M>умереть.PFV-PRET=COP
 ‘Мужчина умер’.
- (2) *Хьади* ***р-ерчI-иб=ца*** /
 женщина F-<F>умереть.PFV-PRET=COP
****р-ерчI-ив=ца.***
 F-<F>умереть. PFV-PRET.M=COP
 ‘Женщина умерла’.
- (3) *Расул* ***сачI-ив*** / ****сачI-иб.***
 Расул <M>приходить-PRET.M <M>приходить-PRET
 ‘Расул пришёл’.
- (4) *Кьвял* ***сабачI-иб*** / ****сабачI-ив.***
 корова <N>приходить-PRET <N>приходить-PRET.M
 ‘Корова пришла’.

Это правило распространяется в том числе и на двухактантные глаголы, где контролёром согласования по роду выступает именная группа в абсолютиве, ср. (5)–(6) и (7)–(8).

- (5) *Данни*¹ *гггг*² ***ча-в-аг-ив=да*** /
 я.DAT ты SPR-M-видеть.PFV-PRET.M=1
****ча-в-аг-иб=да.***
 SPR-M-видеть.PFV-PRET=1
 ‘Я тебя (мужчину) видела’.
- (6) *Данни* *кката* ***ча-б-аг-иб=да*** /
 я.DAT кошка SPR-N-видеть.PFV-PRET=1
****ча-б-аг-ив=да.***
 SPR-N-видеть.PFV-PRET.M=1
 ‘Я видела кошку’.

¹ Анклубский вариант формы данного местоимения — *дамми*.

² Графема *гг* соответствует звонкому фрикативному фарингализованному согласному /ʒ/. Графема *ггг* соответствует фарингализованному гласному /uʒ/.

- (7) *Расул-ли* **в-ирц-ив** / ***в-ирц-иб** *дирхІя.*
 Расул-ERG М-мыть. PFV-PRET.М М-мыть. PFV-PRET мальчик
 ‘Расул помыл мальчика’.
- (8) *Расул-ли* **б-ирц-иб** / ***б-ирц-ив** *машина.*
 Расул-ERG М-мыть. PFV-PRET М-мыть. PFV-PRET.М машина
 ‘Расул помыл машину’.

Показатели с губно-губным согласным также используются при образовании форм претерита от основ несовершенного вида (9).

- (9) *Нихъий* **чи-б-иг-ил=да** *школа, ил-тту-в*
 мы. INCL. DAT SPR-N-видеть. IPFV-PRS=1 школа этот-LOC-M
ду **в-иркь-ив=да** *ггяб дус.*
 я М-делать. IPFV-PRET.М=1 три год
 ‘Мы видим школу, там я проработал три года’.
 [Экспедиционный корпус]

Примеры использования показателя претерита на -ув представлены в (10)–(11).

- (10) *Расул дягІян* **Ø-ух-ув** / ***Ø-ух-уб.**
 Расул тайный быть. PFV-PRET.М быть. PFV-PRET
 ‘Расул спрятался’.
- (11) *Рирсси дягІян* **р-ух-уб** / ***р-ух-ув.**
 девочка тайный F-быть. PFV-PRET F-быть. PFV-PRET.М
 ‘Девочка спряталась’.

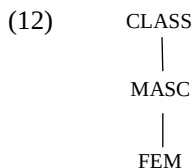
Таким образом, амухский и анклухский диалекты демонстрируют уникальное для даргинских идиомов явление — согласование претерита по мужскому роду. Это явление выделяет данные диалекты даже среди близкородственных идиомов, где подобная стратегия согласования отсутствует. Поскольку показатели претерита, используемые в амухском и анклухском, являются общими для многих даргинских идиомов, можно предположить, что согласование по мужскому роду представляет собой локальную инновацию.

Представленное в исследуемых диалектах явление поднимает вопрос об устройстве и особенностях признака рода в даргинских идиомах. Согласование по роду является широко распространённым явлением в даргинских языках: оно проявляется не только в глагольных формах, но также в согласовании именных модификаторов с вершиной и у пространственных адвербиалов. Однако, в отличие от универсальности согласования для всех трёх родов (мужского, женского и среднего) во всех перечисленных кон-

текстах, в формах претерита в амукском и анклухском диалектах наблюдается избирательное согласование только по мужскому роду.

Каким образом может быть смоделирована подобная избирательность у показателей претерита? В модели геометрии признаков [Harley, Ritter 2002] мужской и женский род представляются в виде эквиополентной оппозиции, в которой оба элемента являются равноправными, поэтому такой подход, как представляется, не может быть применён для объяснения описанной особенности согласования исключительно по мужскому роду. Ниже мы опишем два подхода, которые основываются на предположении о большей специфицированности одного из этих значений признака рода.

Первый вариант возможного анализа заключается в том, чтобы считать, что показатели претерита изначально согласуются по всем родам, однако в постсинтаксическом компоненте происходит удаление признака женского рода посредством операции обеднения (англ. *impoverishment* [Bonet 1991; Halle 1997]). Операция обеднения удаляет некоторый морфологический признак или его значение в определённом морфологическом контексте. Применение операции обеднения приводит к тому, что некоторое признаковое противопоставление нейтрализуется в определённом наборе случаев. В контексте даргинских идиомов, где согласование по мужскому и женскому роду наблюдается только для одушевлённых контролёров, обозначающих людей или человекоподобных существ, можно предположить, что мужской и женский род являются более маркированными по сравнению со средним родом. Если принять гипотезу об удалении признака женского рода в контексте употребления показателей претерита, это может указывать на его более высокую степень маркированности по сравнению с признаком мужского рода. В частности, такую идею можно связать с системой признака рода, предложенной в работе [Adamson, Anagnostopoulou, in press], с модификацией признака MASC (в оригинальной модели этот признак отражал одушевлённость, однако для даргинских идиомов более релевантно учитывать, обозначает ли именная группа контролёра человека или человекоподобное существо) (12)–(13). Можно предположить, что у показателей претерита происходит удаление признака FEM через операцию обеднения.



(13) Интерпретации признаков:

CLASS: $\lambda x. x$ — это сущность

MASC: $\lambda x. x$ — это человек или человекоподобное существо

FEM: $\lambda x. x$ — это женщина

Второй подход предполагает, что, напротив, мужской род является наиболее маркированным значением признака рода. В этом случае согласовательный зонд целенаправленно выбирает наиболее специфицированную цель, которой выступает именная группа мужского рода. Механизм выбора такой цели может основываться на предположении, что зонд обладает неозначенным признаком MASC. Также возможно решение, опирающееся на то, что в процессе лексической вставки (англ. *Vocabulary Insertion*) может происходить выбор наиболее специфицированного набора признаков [van Koppen 2005].

Данная работа представляет собой заметку о специфическом свойстве амухского и анклухского диалектов, которое отличает их от других даргинских идиомов, — согласовании претерита по мужскому роду в двух показателях. В рамках исследования были рассмотрены возможные подходы к моделированию структуры признака рода, вытекающие из этого наблюдения. Тем не менее, для верификации предложенных анализов необходимы дополнительные исследования.

Список сокращений

1 — 1-е лицо, Cop — копула, Dat — датив, Erg — эргатив, F — женский род, Incl — инклюзивность, Ipfv — несовершенный вид, Loc — локатив, M — мужской род, N — средний род, Pfv — совершенный вид, Pret — претерит, Prs — настоящее время, Srg — движение по направлению к говорящему.

Список литературы

- Гасанова С. М. 1981. Особенности системы согласных амухского диалекта. *Фонетическая система дагестанских языков*. Б. Б. Талибов (ред.). Махачкала: Дагестанский филиал Академии наук СССР, 143–150.
- Курбанов И. А. 2015a. Именные части речи в анклухском и амухском диалектах даргинского языка. *Путь науки*, 10, 80–83.
- Курбанов И. А. 2015b. К вопросу об анклухском и амухском диалектах даргинского языка. *Путь науки*, 9, 79–81.
- Курбанов И. А. 2016. Личные формы глагола в анклухском и амухском диалектах даргинского языка. *Общественные науки*, 1, 160–167.

- Курбанов И. А. 2019. Падежная система анклухского и амукского диалектов даргинского языка. *Вестник Пятигорского государственного университета*, 1, 83–90.
- Муталов Р. О. 2002. Глагол даргинского языка. Махачкала: Издательско-полиграфический центр ДГУ.
- Муталов Р. О. 2019. Фонетические особенности шаринского диалекта даргинского языка. *Мир науки, культуры и образования*, 6, 634–636.
- Муталов Р. О. 2021. Классификация даргинских языков и диалектов. 10-е заседание Дискуссионно-аналитического клуба по вопросам языковой политики, Институт языкознания РАН.
- Темирбулатова С. М. 2004. Хайдакский диалект даргинского языка. Махачкала: Издательство ДНЦ РАН.
- Темирбулатова С. М. 2021. Диалектологический словарь даргинского языка. Махачкала: ИЯЛИ ДФНЦ РАН, Алф.
- Adamson L., Anagnostopoulou E. Gender features and coordination resolution in Greek and other three-gendered languages implications for the cross-linguistic representation of gender. *Linguistic Inquiry*. In press.
- Bonet E. 1991. Morphology after syntax: Pronominal clitics in Romance. Ph.D. dissertation, MIT.
- Halle M. 1997. Distributed morphology: Impoverishment and fission. In: B. Bruening, Y. Kang, M. McGinnis (eds.). *MIT Working Papers in Linguistics 30: PF: Papers at the interface*. Cambridge, MA: MITWPL, 425–449.
- Harley H., Ritter E. 2002. Person and number in pronouns: A feature-geometric analysis. *Language*, 78(3), 482–526.
- van Koppen M. 2005. One probe — two goals: aspects of agreement in Dutch dialects. Ph.D. dissertation, University of Leiden.

ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ МАНСЙСКОГО ЯЗЫКА В П. Г. Т. БЕРЕЗОВО ХМАО–ЮГРЫ

1. Введение

Мансийский язык относится к обско-угорской подгруппе финно-угорской ветви уральской языковой семьи и распространен на территории Российской Федерации, в первую очередь, в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре, а также в Свердловской области. Количество носителей языка по последним данным (см., например, [Перепись 2020/2021]) оценивается в районе 1000 человек, и в подавляющем большинстве это носители среднего и старшего поколения.

Существует достаточно много информации по состоянию мансийского языка, например регулярные мониторинги Обско-Угорского института прикладных исследований и разработок¹, но они дают обобщенную информацию по районам и не представляют индивидуальных данных по отдельным населенным пунктам. При этом мансийский язык распространен в населенных пунктах разных типов (см. подробнее **раздел 2**), в которых состояние мансийского языка различается: маленькие таяжные (как правило, мононациональные) мансийские деревни севера Свердловской области и ХМАО; смешанные села с преобладанием манси; села со значительным мансийским населением; многонациональные поселки (в т.ч. городского типа) с малозначимым количеством манси; города с незначительным мансийским населением.

Информация о состоянии мансийского языка в некоторых мононациональных деревнях (в первую очередь, п. Ушма, д. Тресколье Ивдельского района Свердловской области, см. [Жорник, Коряков 2022; Koryakov, Zhornik 2022]), селах с преобладанием или значительной долей мансийского населения (с. Ломбовож, п. Сосьва, с. Саранпауль Березовского района ХМАО) была получена авторами ранее в ходе полевой работы 2017–2021. Информация о состоянии мансийского языка в крупных городах, в первую очередь, в г. Ханты-Мансийск, также была частично собрана авторами и обобщена в статье [Skribnik, Zhornik 2024]. Общие сведения о

¹ см. <https://oupiir.ru/content/мониторинг>

состоянии мансийского языка также содержатся в более ранних работах, например [Skribnik, Koshkaryova 1996], однако содержащаяся в них информация требует дополнения данными, отражающими современную ситуацию.

При обзоре существующих данных становится ясно, что поселки с небольшим мансийским населением, находящиеся внутри мансийского ареала, являются недостаточно изученными, чтобы оценить в них состояние мансийского языка. Целью настоящего исследования была выбрана оценка состояния мансийского языка в поселке городского типа Берёзово (Берёзовский район ХМАО), который относится к этой категории. В настоящей статье представлены результаты исследования, проведенного в этом поселке.

Статья построена следующим образом. В **разделе 2** обсуждается актуальность и задачи исследования. В **разделе 3** показана методика проведения исследования. **Раздел 4** описывает ход проведения исследования. В **разделе 5** представлен анализ полученных результатов. Наконец, в **разделе 6** обсуждаются отдельные аспекты исследования.

2. Актуальность и задачи исследования

В марте 2024 года в рамках более широкой работы по оценке состояния мансийского языка в настоящее время было проведено точечное полевое социолингвистическое исследование в п. г. т. Березово (ХМАО — Югра). Нашей задачей было оценить количество владеющих мансийским языком и степень их владения, отношение к языку, наличие возможностей использования и изучения мансийского языка, а также другие параметры, важные для витальности мансийского языка. Данная локация была выбрана в связи с тем, что ранее исследования состояния мансийского языка в крупных населенных пунктах с небольшим процентом мансийского населения не проводились.

По нашим предположениям, существует несколько типов населенных пунктов с различающимся состоянием мансийского языка.

К первому типу относится кластер мансийских мононациональных деревень в Ивдельском районе Свердловской области и на прилегающей территории ХМАО, где мансийский язык является средством общения всех поколений наряду с русским; положение самих поселений социально неустойчиво, а мансийский язык является средством общения только среди «своих», при этом русский язык используется во «внешней обстановке» (в школе или в магазине в поселке), с «внешними людьми» (например, с приезжающими отдыхающими), то есть мансийский и русский состоят в неполном, но дополнительном распределении по сферам использования.

Второй тип — села с преобладанием или значительной долей мансийского населения (поселки в ХМАО), где мансийский язык является нестабильным средством общения для старшего поколения в личных сферах, при этом, за редкими единичными исключениями, межпоколенческая передача полностью прервана, дети не владеют мансийским языком, как зачастую и их молодые родители.

Третий тип представлен крупными городами с незначительным мансийским населением, где носители мансийского языка не составляют хоть сколько-то значительной доли, при этом многие, в том числе не владеющие языком представители мансийского сообщества, обладают высоким запросом на самореализацию в области этнического самосознания. Например, в г. Ханты-Мансийск многие представители мансийского сообщества посещают представления Театра обско-угорских народов «Солнце», выставки с этнической тематикой, музеи (например, этнографический музей «Торум маа»), морально поддерживают мансийское языковое сообщество и иногда предпринимают попытки выучить мансийский язык. Рабочие группы и отдельные профессионалы-специалисты работают в области изучения мансийского языка (например, коллектив Обско-угорского института прикладных исследований и разработок в г. Ханты-Мансийск), издают книги, создают медиаконтент на мансийском языке (в первую очередь, редакция мансийской газеты «Лӱимӱ СӅрипос» в г. Ханты-Мансийск), см. подробнее [Skrinik, Zhornik 2024].

Также существуют поселки с небольшим, но заметным (около 5–10%) количеством представителей манси, ранее нами не исследованные, к которым относится Берёзово. Относительно данного типа локаций были сформулированы следующие гипотезы: ошутимое количество носителей мансийского языка старшего возраста при полном отсутствии молодых активных владеющих (в т. ч. детей); использование мансийского языка только в личных сферах; слабая представленность мансийского языка в системе образования; наличие культурных мероприятий по национальной тематике, но на русском языке; присутствие контента на мансийском языке в виде газеты «Лӱимӱ СӅрипос».

Для проверки этих гипотез была проведена экспедиция в п. г. т. Берёзово, центр Берёзовского района ХМАО — Югры. Крепость Берёзов была основана в XVI веке на месте остяцкого (хантыйского) поселения *Сугмун ваи*, относится к хантыйскому историческому ареалу. Тем не менее, недалеко от Берёзово расположено много мелких населенных пунктов с мансийским населением. По-мансийски посёлок называется *Хальус* (*Хальус*), букв. 'Берёзовый город'. Сейчас рядом с Берёзово происходит транспортировка природного газа. Существуют рейсовые авиаперелеты с г. Хан-

ты-Мансийск, а также с некоторыми населёнными пунктами Берёзовского района. Осуществляются редкие перевозки речным транспортом, в зимнее время функционирует зимник.

Согласно Всероссийской переписи населения 2020/2021, в п. г. т. Берёзово проживает 6,4 тысяч жителей², в том числе манси — около 0,55 тысяч человек (0,73 тысяч человек — ханты, 0,1 — коми, 0,05 — ненцы, 0,13 — татары, 0,1 — украинцы, а также представители других национальностей; русских — 3,8 тысяч человек)³. Наиболее близки к манси лингвистически и этнически ханты (также обско-угорская этническая общность), коми и ненцы — более отдаленные народы уральской языковой семьи, татары относятся к тюркским народам. Со всеми этими народами у манси на протяжении истории имелись контакты, что нашло отражение и в языке. В последние десятилетия большее количество представителей манси стали жить в Берёзово, переезжая из более мелких населенных пунктов Берёзовского района, таких как п. Сосьва, с. Саранпауль, с. Няксимволь, д. Хулимсунт и других. Большинство наших респондентов были родом из более мелких населенных пунктов и позднее переехали жить в Берёзово.

3. Методика исследования

Для полевой работы в Берёзово использовалась методика комплексной оценки состояния языка, включающая три направления: экстралингвистические условия, социолингвистическое состояние, а также состояние языковой инфраструктуры. Эти направления включают различные параметры, которые предлагается оценивать эксперту с точки зрения витальности языка. Так, параметр «благополучие локации» показывает, насколько благополучно существует само сообщество, связанное с языком: чем более высок уровень жизни в локации и жители не стремятся ее покинуть, тем более высоки шансы устойчивости языка.

Экстралингвистические условия включают данные о локации в целом для оценки устойчивости сообщества, связанного с языком:

1. благополучие локации: урбанизация и изолированность, экономическое благополучие, инфраструктура локации, социальная экология;
2. демография: естественный прирост, миграции;

² сайт Всероссийской переписи населения 2020: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020>

³ Коряков Ю. Б. База данных «Этно-языковой состав населенных пунктов России. Перепись 2020/21 года». 2024. URL: <http://lingvarium.org/russia/Census2021.shtml>

3. этнический состав локации: доля этнического сообщества, актуализация этнических маркеров в сообществе.

Социолингвистическое состояние — традиционная составляющая оценки состояния языка, связанная с численностью владеющих и сферами использования языка, включает в себя следующие компоненты:

1. демография языка: численность владеющих, межпоколенческая передача;
2. сферы использования языка: личные, традиционные, новые;
3. языковые установки: отношение к исследуемому языку, отношение к многоязычию, запрос на владение, запрос на использование.

Языковая инфраструктура включает четыре группы обеспечения возможности изучения, использования, сохранения языка:

1. наука и технологии: полнота описания языка, наличие документационных материалов, описание состояния и наличие языкового планирования, наличие специалистов по языку, цифровые инструменты, специалисты по цифровизации языка;
2. образование: присутствие языка в дошкольном, начальном, общем и среднем, профессиональном, дополнительном образовании, учебно-методические материалы по изучению языка, соответствующие кадры в образовании;
3. контент: литература, видеоматериалы, аудиоматериалы, представленность в СМИ, интернет-ресурсы, наличие креативных специалистов;
4. обеспечение: языковой ландшафт, доступность в официальной сфере, доступность в коммерческой сфере, законодательное обеспечение, административная поддержка, институциональная поддержка, общественные инициативы, финансовое обеспечение, популяризация многоязычия.

Каждый параметр оценивается по пятибалльной шкале (1 — неудовлетворительно; 2 — удовлетворительно; 4 — хорошо; 5 — отлично), для чего были использованы три основных метода получения данных: вторичные источники, мнения жителей локации; собственные наблюдения исследователей. К вторичным источникам относятся данные существующих мониторингов, экспертные мнения, официальные данные (например, о количестве жителей). Мнения жителей локации были получены в ходе проведения интервью, для этого опросники поделены на три группы: для владеющих мансийским языком (опросники и интервью — на мансийском языке); для представителей манси, не владеющих языком, и для жителей локации других национальностей, не владеющих мансийским языком. Опросные листы были разработаны на базе социолингвистических

анкет О. А. Казакевич⁴ и О. В. Ханиной, см. [Ханина 2019]. Вопросы анкеты, использовавшейся в ходе исследования в Берёзово, представлены в **разделе 4** в примере одной, достаточно типичной, беседы.

Кроме интервью, дополнительно проводились беседы на сходные темы с жителями локации. Использовались и собственные наблюдения авторов: благополучие локации оценивалось визуально; сферы использования языка — путем наблюдения за присутствием мансийской речи в Берёзово в различных ситуациях; оценка владения языком — проведением интервью с представителями сообщества, которые считают себя владеющими мансийским языком. Помимо этого, с теми же респондентами дополнительно проводилось исследование для определения уровня владения языком по специальной шкале.

Шкала оценки уровня владения языком включает в себя несколько параметров, которые заполняются экспертом после проведения беседы на мансийском языке. Первые шесть параметров связаны с разными типами коммуникативных ситуаций (одновременно коррелирующих с качеством владения):

1. бытовое общение;
2. представление себя (и/или рассказ о своем детстве);
3. рассказ или пересказ текста;
4. выражение мнений, обсуждение идей и чувств;
5. обсуждение городских реалий;
6. обсуждение профессиональной и научной тематики.

Также в шкалу включены отдельные параметры: говорение (фонетика), аудирование (понимание), чтение, письмо, грамматика, связность, владение социальными и диалектными вариантами языка, навыки перевода, степень понимания системы языка, отношение к языку во время общения.

Каждый параметр оценивался по трехбалльной системе (0 — полностью отсутствует; 1 — частично; 2 — хорошо), которые для удобства эксперта имеют для каждого параметра собственные комментарии. Например, для параметра «тип ситуаций»: 0 — «коммуникация не состоялась», 1 — «неуверенная или ограниченная коммуникация», 2 — «уверенная коммуникация»; параметр «связность»: 0 — «несвязное изложение», 1 — «с недочетами связей», 2 — «связное, в том числе риторическое изложение»; «переключение кодов»: 0 — «часто переключается (на русский) и с трудом возвращается», 1 — «с переключениями (на русский), после чего возвращается самостоятельно», 2 — «практически без переключений, в том числе заим-

⁴ Работы О. А. Казакевич (например, ресурс «Малые языки Сибири: динамика ситуации» <https://socio-siberian-lang.minlang.site/opisanie-anket>).

ствования адаптирует». Данная методика была разработана с учетом методов полевой лингвистики (см. [Вахтин 2001] и особенно [Бурькин 2013]), а также методов оценки степени владения иностранными языками (в первую очередь Common European Framework of Reference for Languages⁵).

4. Ход полевой работы

Полевая часть исследования по оценке состояния мансийского языка в Берёзово проводилась авторами данной статьи 26–29 марта 2024 года. Общение с представителями мансийского сообщества было организовано в Берёзовском центре национальных культур (далее — Центр) благодаря помощи Татьяны Степановны Гоголевой, депутата Думы Югры. Исследователи располагались в Центре, куда по предварительной договоренности приглашались для опроса респонденты, благодаря чему удалось опросить значительное количество людей в сжатые сроки. С респондентами проводились беседы на основе общей анкеты; по результатам общения заполнялись бланки оценки языковых компетенций. В случае эксплицитного согласия на аудиозапись (иногда также видеозапись) интервью записывались в этих форматах. Кроме того, в процессе разговора ключевые составляющие ответов фиксировались письменно на бумажном бланке. Это, возможно, оказывало влияние на ответы и речевое поведение респондентов в связи с полуофициальной обстановкой. При этом сами беседы происходили достаточно непринужденно.

При знакомстве и первых ответах становилось понятно, может ли респондент понимать вопросы на мансийском языке. Если респондент обладал должным уровнем понимания, вопросы и далее задавались по-мансийски, при необходимости (непонимании или уточнении) также нами проговаривались варианты вопросов на русском языке или предлагались варианты ответов. Если респондент совсем не понимал вопросов на мансийском языке, то они задавались по-русски. Ответы фиксировались на том языке, на котором говорил респондент. Некоторые респонденты явно прилагали усилия для поддержания беседы на мансийском языке и часто прибегали к нашей помощи; также мы старались мотивировать использование респондентами в процессе беседы мансийского языка. Это, а также сам метод выбора респондентов (предварительные договоренности, эффект «снежного кома» в выборке представителей сообщества к исследованию) влияли на результаты нашего исследования: респонденты показали себя

⁵ см. <https://rm.coe.int/common-european-framework-of-reference-for-languages-learning-teaching/16809ea0d4>

преимущественно заинтересованными в мансийском языке, возможно, на некоторые вопросы отвечали, демонстрируя завышенное отношение к мансийскому языку, исходя из предполагаемых ожиданий со стороны исследователей. Впрочем, учитывая речевое поведение респондентов, нет причин сомневаться в искренности основных утверждений относительно мансийского языка⁶.

Прохождение общего опросника в среднем занимало 20–25 минут. В процессе общения по ответным репликам респондентов можно было оценить многие параметры уровня владения мансийским языком. Однако иногда этого оказывалось недостаточно, и тогда по завершении интервью респондентам предлагались дополнительные задания. Чаще всего предлагалось прослушать аудиозапись на мансийском языке или прочитать письменный текст. Например, в некоторых случаях респонденту было трудно понять мансийскую речь, но им удавалось узнать знакомые слова в письменном тексте. Для этих заданий использовались письменный и аудиовариант традиционной мансийской сказки про паука⁷ («*Нимсарэква полц туки*»). Аудиовариант представлен на местном диалекте. После завершения работы с респондентом мы заполняли таблицы уровня владения языком. В ряде случаев и при запросе со стороны респондента, мы могли предложить рекомендации по повышению уровня владения. Всего в ходе полевой работы было собрано 13 анкет, а также проведены 15 оценок владения мансийским языком.

Одна из наиболее характерных бесед по опросному листу предлагается целиком в виде таблицы. Обозначения «В» и «Д» маркируют реплики интервьюеров, обозначение «Р» используется для реплик респондента. Русская и мансийская речь в этой расшифровке представлены в стандартных орфографиях этих языков, при этом сохранялись значимые оговорки, повторы и хезитации (проясняются при необходимости в квадратных скобках в правом столбце), также в круглых скобках добавлена некоторая неречевая информация о протекании диалога, например, указание на смех. Речь на мансийском языке выделена курсивом, реплики, произнесенные полностью или частично на мансийском языке, переведены на русский язык в правом столбце, знак —/— используется в тех случаях, когда часть реплики изначально полностью произнесена по-русски (см. первый столбец). Грамматические ошибки респондента в мансийской речи выделены

⁶ Все возможные неточности в интерпретации высказываний и языкового поведения респондентов остаются на совести авторов.

⁷ Оба варианта текста представлены на сайте мансийской газеты «*Љуимā Сэрипос*»: <https://khanity-yasang.ru/luima-seripos/no-2-1308/17810>

подчеркиванием, в сносках поясняется характер ошибки. В речи интервьюеров ошибки на мансийском языке были исправлены. Фонетические особенности говорящих в речи на мансийском языке не отображались, использовался вариант записи, максимально приближенный к стандартной орфографии, за редкими ярко выраженными исключениями (например, все говорящие использовали форму инфинитива *-укв*, в то время как стандартный вариант имеет вид *-укве*). В случаях, где не удалось расшифровать фрагмент речи (как правило, на мансийском языке), приводится указание <нрзб> («неразборчиво»). Пунктуация используется для отражения интонации в разговорной речи, особенно при передаче речи на мансийском языке. В целом, при расшифровке сохранялась наибольшая приближенность к исходной устной речи.

Таблица 1. Интервью по анкете для владеющих мансийским языком

В: <i>Нау мӓньци</i> ⁸ ?	Вы (досл. здесь и далее «ты») — манси?
Р: <i>Ам мӓньци.</i>	Я — манси.
В: <i>Хӧт самна патсын?</i>	Где родились?
Р: <i>Ӑнья пӓвылт.</i>	В деревне Анеевка.
В: <i>Науын манах тӓл?</i>	Вам сколько лет?
Р: <i>Хӧтпан аква.</i> Или как правильно?	Шестьдесят один. —/—
Д: Угу.	[Да, правильно]
Р: Шестьдесят один.	—/—
В: <i>Ёмас</i> ⁹ . <i>Нау ань хӧт блӓгын?</i>	Хорошо. Вы сейчас где живете?
Р: Ой, господи, забы.	Ой, господи, [забыла]

⁸ В мансийском сообществе не выделяется субэтнических или диалектных групп с иным самоназванием языка и национальности, кроме *мӓньци/мӓньси*, поэтому мы не уточняли, как именно респонденты называют свой язык.

⁹ В данном случае и ниже появление этого одобрения связано с письменной фиксацией части ответов во время беседы.

В: <i>Тыт?</i>	Здесь?
Р: <i>Тыт.</i>	Здесь.
В: <i>Хальўст?</i>	В Берёзово?
Р: <i>Хальўст блэгум</i> (смеется)	В Берёзово живу. (смеется)
В: <i>Нау щайнин латнуэ маныр?</i>	Какой у вас родной язык (досл. «язык матери»)?
Р: <i>Майныци латыу.</i>	Мансийский язык.
В: <i>Нау матыр латнуыл потыртэ-гын?</i>	На каких языках говорите?
Р: <i>Руц потыртэгум.</i>	По-русски говорю.
В: <i>Руц, майныци... Ханты?</i>	Русский, мансийский... Хантый-ский?
Р: <i>Ати, ат вәглум.</i>	Нет, не знаю.
В: <i>Саран?</i>	Коми?
Р: <i>Ати, ати.</i>	Нет, нет.
В: <i>Нау ты латнуыл хумус ханиц-тахтасын потыртаңкве?</i>	Как научились говорить на этих языках?
Р: <i>Щанюм, айцум ёт.</i>	С матерью и отцом.
Д: <i>И руц, и майныци? Ман ёс майныци?</i>	И русский, и мансийский? Или [только] мансийский?
Р: <i>Ати, руц школат хаництахтасум.</i>	Нет, русский в школе выучила.
В: <i>Ишколат?</i>	В школе?
Р: <i>Майныци латыу</i> — уже с родителями.	Мансийский язык —/—
В: <i>Ёмас. Нау майныци латнуыл ём-ацакв потыртэгын?</i>	Хорошо. Вы по-мансийски хорошо говорите?

Р: (вздых) Сейчас вот я не знаю, мне кажется, уже забываться стало, заикаться начала и забывать слова стала. Раньше, когда маленькая была, хорошо говорила.	—/—
В: Ёмас. Щёмят хоты лāтуыл потыртэ́гын ань?	Хорошо. В семье на каком языке говорите сейчас?
Р: Щёмят ёт? Ну, увцим ёт потыртэ́гум. Юртанум ёт потыртэ́гум, хотя они не говорят, а я-то с ними разговариваю!	С семьей? Ну, с младшей сестрой говорю (по-мансийски). Со своими друзьями говорю, —/—
В: О как, соль?	О как, правда?
Р: С друзьями и подругами.	—/—
В: Торгамтаслум.	Понятно.
Р: Няераманум ёт — отдельные слова говорим. И с внуками тоже отдельные слова.	С детьми — —/—
В: Нау мāныци лāтуыл хōт потыртэ́гын?	Где Вы говорите по-мансийски?
Р: Юн, хунь Ḃнян ялантэ́гум, тот потыртэ́гум. Ну, амки номтыл хунь ḡлэ́гум, амки тḡрумн потыртэ́гум. Как бы тренируюсь, чтобы не забыть.	Дома, когда в Анеевку езжу, там говорю. Ну, я когда со своими мыслями нахожусь, сама с Богом разговариваю. —/—
В: А нау мāныци лāтуыл номсэ́гын?	А Вы думаете по-мансийски?
Р: Номсэ́гум.	Думаю.
В: Лявтэ́гын?	Ругаетесь?
Р: Лявтэ́гум. (смеется)	Ругаюсь
В: А ты улмытыт, сны, сунсэ́гын, мāныци лāтил?	А в этих, снах, сны, видите по-мансийски?

Р: Что-то не помню такого, не ви-дела.	—/—
В: Кутюв ёт, к̄ати ёт... м̄аныци л̄атил л̄авёгын?	С собакой, с кошкой... им по-мансийски говорите?
Р: Л̄авёгум.	Говорю.
В: Ёмас. Нау лапкат, администра-цият м̄аныци л̄атил потыртэгын?	Хорошо. Вы в магазине, админи-страции по-мансийски говорите?
Р: А̄ти.	Нет.
В: А̄ти. Лапкат — а̄ти, админи-страцият — а̄ти. Р̄упатат?	Нет. В магазине — нет, в админи-страции — нет. На работе?
Р: Р̄упатат не... нэмхотъют ёт потыртауков а̄тюм. Пуссын м̄аныци л̄атил ат х̄асэгыт. Мань няврамыт, экват, м̄анит ат х̄асэгыт.	На работе [не с кем] не с кем пого-ворить. Никто не владеет мансий-ским языком. Маленькие дети, жен-щины, молодые не владеют.
В: Нау х̄от р̄упитэгын?	Где Вы работаете?
Р: Детский сад. Няврамыт ёт р̄упи-тэгум.	Детский сад. С детьми работаю.
В: Торгамтаслум. А м̄от м̄аныцит кон м̄аныци л̄атил потыртэгыт?	Понятно. А другие манси на ули-це по-мансийски разговаривают?
Р: Ну ес..., хотъют в̄аглум, в̄аглы ¹⁰ ёмацакв, тот потыртэгыт, да. Ну и хунь хот-ёрувляныл л̄атга-ныл, пуссын ёт ат в̄ермёгум потыр-тауков, вот науын ёмицакв х̄улылум, ам л̄атуум х̄улылум, а хотъют м̄от щир маленько потыртэгыт, л̄ат-ганыл хот-ёрувляныл.	[Ну если] кого-то знаю, кто знает хорошо, тогда разговаривают, да. Ну и когда забывают язык, со все-ми не могу говорить, вот Вас хо-рошо слышу, я свой язык слышу, а кто по-другому немножко гово-рит, язык забывают.

¹⁰ Ожидается одна из форм в̄аг, в̄агтэ или в̄аганыл (глагол «знать» в форме третьего лица единственного числа субъектного спряжения, третьего лица единственного числа с единственным числом объекта или третьего лица множественного числа с единственным числом объекта). Здесь используется неграмматичная форма.

В: Ты праздни ^к ыт, собраниет, ман-сырман...?	На этих, праздниках, собраниях, разных...
Р: Праздни ^к ыт? Да, ялантэгум.	На праздниках? Да, езжу.
В: Мāныци лāтил потыртэгын?	По-мансийски говорите (там)?
Р: Да.	—/—
В: Мōт хōтпат хōт мāныци лāт- ңыл потыртэгыт?	Другие люди по-мансийски где раз- говаривают?
Р: Если с кем-то другим, что ли?	—/—
В: Мōт хōтпат хōт...?	Другие, где?
Р: Если я не знаю их, да? А слышу свой язык.	—/—
В: Ну да.	—/—
Р: Ну да, я заговорю. Я поддержи- ваю.	—/—
В: Хōт мāныци лāтңыл потыр- таңкв эри?	Где по-мансийски говорить надо?
Р: Хōт эри...	Где надо...
В: Маныр ситуацият.. эри? Вот руц лāтил лōль, а мāныци лāтил эмас...? Тамле ситуация бōлы?	В каких ситуациях... надо? Вот по-русски плохо, а по-мансийски хорошо? Есть такие ситуации?
Р: Бōлы, бōлы, конечно. Ул вос анум <нрзб> мāt потыртэгум. (смеется) Или нйераманум эри, чтобы ул вос ¹¹ хўлэгыт, ам лāвэгум матыр... āгим эт, увицм эт. Мēнки рўтмен <нрзб> потырымēн. Или бōйкам ул вос хўлы. (смеется)	Есть, есть, конечно. Чтобы про меня в ... месте говорю. Или мои дети, надо, чтобы не понимали, я говорю что-то... с дочерью, с младшей сес- трой. Мы с родными говорим. Или чтобы муж не понимал. (смеется)
В: Бōйкан эмцакв потырты?	Ваш муж хорошо говорит?

¹¹ Русское слово «чтобы» находится в той же семантической зоне (оптатив), что и оптатив с отрицанием ул вос “чтобы не”, то есть они в сочетании избыточны.

Р: <i>О́йка-то у меня ханты. Но нет, сака ат потырты. Ицāне руц̄ о́лыс.</i>	Муж-то у меня ханты. Но нет, особливо не говорит. Его мать была русской.
В: <i>Хо́т, маныр ситуациат ма́ныци ла́туыл потырта́нкв ат рōви?</i>	Где, в какой ситуации по-мансийски говорить нельзя?
Р: <i>Ам ат ва́глум тамле ситуациат.</i>	Я не знаю таких ситуаций.
В: <i>Хо́т ма́ныци ла́туыл ёмаснув потырта́нкв...? Удобно?</i>	Где по-мансийски лучше разговаривать...? Удобно?
Р: <i>Хоть где, наверное, хо́т если... ма́ныци ма́хмыт о́лэгыт, то потыртэгум, ат хурахлэгум.</i>	Хоть где, наверное, где если... манси есть, то говорю, не стесняюсь.
В: <i>Хо́т нау ма́ныци ла́туыл потырта́нкв та́нхэгын, но ат ве́рмэгын?</i>	Где Вы по-мансийски хотели бы говорить, но не можете?
Р: <i>Ру́патат, та́нхэгум потырта́нкв, а нэмхотъю́т ат ва́г ма́ныци ла́тыу. Как сказать, раньше были ма́хмыт, та́н ётаныл потыртасум, ань тамле ма́хум а́тюм, ань пуссын ма́нь а́гирищит ру́питэгыт, ла́тганыл ат ва́ганыл.</i>	На работе хочу говорить, а никто не знает мансийский язык. Как сказать, раньше были люди, с ними разговаривала, сейчас таких людей нет, сейчас все молодые девушки работают, языка не знают.
В: <i>Ху́нь нау ма́ныци ла́туыл потыртасын, науынн хотъю́т матыр ло́ль ла́выс? Тамле замечание...?</i>	Когда Вы по-мансийски говорили, вам кто-то что-то плохое говорил? Такое замечание...?
Р: <i>А́ти, ат тамле..</i>	Нет, нет таких...
В: Например, <i>«ты́т ма́ныци ла́туыл потырта́нкв ат рōви»?</i>	Например, «тут по-мансийски говорить нельзя»?
Р: <i>А́ти, тай...</i>	Нет, то...
В: <i>«Руц̄ хо́тпат ат торго́мтэгыт, ма́ныци ла́туыл ат рōви».</i>	«Русские не понимают, по-мансийски нельзя».
Р: <i>А́ти, нэматыр, да как-то мы и не применяли. (смеется)</i>	Нет, никто, —/—

В: <i>А нау м̄ныци л̄т̄уыл л̄льсау потырт̄гын ке, моцца л̄ль, плохо, ошибка, вот за это иногда говорили: «ат р̄ви потыртауке»?</i>	А Вы по-мансийски если плохо что-то сказали, немного плохо, плохо, ошибка, вот за это иногда говорили «нельзя говорить»?
Р: Ну, <i>л̄в̄г̄ыт</i> , конечно, <i>л̄в̄г̄ыт</i> . Что надо, не, как бы... сейчас скажу... неправильно слова которые разговаривают, какие-то, потому что забылись и диалекты разные, я так говорю, а кто-то исправляет, вот сейчас даже в Игриме была, мы встречались там с м̄н̄сями, и я одно говорю, они мне другое говорят. Я говорю: «У нас так говорят, у вас так говорят», исправляют.	Ну, говорят, конечно, говорят. —/—
В: <i>М̄от м̄ныцитн хот̄ют матыр люль л̄выс, хунь т̄н̄ м̄ныци л̄т̄уыл потыртасыт?</i> Ну, не про вас, а <i>м̄от</i> ...	Другим манси кто-то что-то плохое говорил, когда они по-мансийски разговаривали? Ну, не про Вас, а другие...
Р: Ну, <i>хунь м̄н̄ ѓлсум, п̄в̄лыт, тот л̄вт̄сыт, т̄н̄уки <нрзб> л̄вт̄г̄ыт</i> , между собой как бы. <i>Хунь ам м̄н̄ ѓлсум. Ёйкат-то л̄вт̄сыт, ань тох ат х̄лылум.</i>	Ну, когда я была маленькой, в деревне, там ругались, они (неразборчиво) ругались, между собой, как бы. Когда я маленькой была. Мужчины-то ругались, сейчас такое не слышу.
В: <i>Хунь м̄от х̄т̄пат м̄ныци л̄т̄уыл потыртасыт, нау т̄н̄аньлн матыр ёмас л̄тыу л̄в̄сын?</i>	Когда другие люди по-мансийски разговаривают, Вы им что-то хорошее говорите?
Р: Да, <i>сака ѓлы. Л̄в̄г̄ум</i> , что ёмас <i>потырт̄гын. Т̄н̄ ётаньл ѓс т̄н̄х̄г̄ум потыртауке, х̄лы...</i> , ой, как сказать, «слушаю».	Да, очень часто бывает. Говорю, что хорошо разговариваете. С ними тоже хочу говорить, слуш.. ой, как сказать, «слушаю».
В: <i>Х̄нтл̄г̄ум.</i>	Слушаю.
Р: Да, <i>х̄нтл̄г̄ум.</i>	Да, слушаю.

В: <i>А науын хотъют ёмас лāтыу лāвыс? Хунь нау мāныци лāтѳыл потыртасын?</i>	А Вам кто-то хорошие слова говорит? Когда Вы по-мансийски говорите?
Р: <i>Ат вāглум</i> , что-то я не помню. (смеется)	Не знаю, что-то я не помню. (смеется)
В: То есть всех хвалите, а они... (смеемся)	—/—
В: <i>Мōт мāт, Хальўст āти, нау мāныци лāтѳыл потыртāгын?</i>	В другом месте, не Берёзово, Вы по-мансийски говорите?
Р: <i>Хальўс āт...</i> Кроме Берёзово?	Не Берёзово... —/—
В: <i>Угу, мōт мāт.</i>	Да, в другом месте.
Р: <i>Сака нэмхоталь ат ялантāгум.</i>	Особо никуда не езжу.
Д: <i>Āнья пāвылт?</i>	В Анеевке?
Р: Ну, <i>Āнья пāвылт потыртāгум</i> , да. <i>Āнья пāвылт потыртāгум. Ягрим пāвылт яласāгум, ѳс потыртāгум.</i>	Ну, в Анеевке разговариваю, да. В Анеевке разговариваю. В Игрим езжу, тоже разговариваю.
В: <i>Мōт мāт, Хальўсныл мāхмыт мōт мāн вāнтлāгыт?</i>	В другом месте, из Берёзово люди в другие места переезжают?
Р: <i>Мāхум вāнтлāгыт?</i>	Люди переезжают?
Д: Угу.	Да.
Р: <i>Вāнтлāгыт.</i>	Переезжают.
В: <i>Манрыг?</i>	Почему?
Р: <i>Пенсиян минāгыт, ёмас</i> , как сказать, по переселению, или как они там уезжают.	На пенсию уезжают, хорошо... —/—
В: <i>Кол мивес...?</i>	Жилье дают...?

Р: <i>Колыл мивет. Акв рутум ъс колыл мивес, тав Тюменьн минас, вѣнтлѣгыт. Нѣвраманыл яныгмѣгыт, хотталь минѣгыт, тѣнки хультѣгыт, ат тѣухѣгыт тыт хоса ълулqv, нѣвраманыл палт минѣгыт.</i>	Жилье дают. Одному родственнику тоже жилье дали, он в Тюмень уехал, переехал. Дети вырастают, куда-то едут, они одни остаются, не хотят тут долго жить, к детям едут.
В: <i>Акв мѣт..</i>	В одном месте...
Р: Ну, <i>акв мѣт вос ълулqv.</i>	Да, в одном месте чтобы жить.
В: <i>Манах хѣтпат Хальѣст мѣныци лѣтѣыл потыртѣгыт?</i>	Сколько людей в Берёзово по-мансийски разговаривают?
Р: <i>Ам ат вѣглум, ат ловиньтасум.</i>	Я не знаю, не считала.
В: Ну примерно... Пятьдесят, двадцать, сто?	—/—
Р: Ну не знаю, ну, двадцать, наверное, не знаю. Тут больше ханты, наверное.	—/—
В: <i>А манах хѣтпа Хальѣст мѣныци лѣтѣл торгамтѣгыт, ат потыртѣгыт?</i>	А сколько людей в Берёзово мансийский язык понимают, не говорят?
Р: Ой, да это яныг, яныг сѣт, наверное (смеется). Ну я так, примерно говорю. <i>Нѣврамыт ат потыртѣгыт. Ат торгамтѣгыт.</i>	Ой, да это сто, наверное. (смеется) Ну я так, примерно говорю. Дети не разговаривают. Не понимают.
В: А это как раз следующий вопрос (смеюсь). <i>Нѣврамыт ат потыртѣгыт.</i>	—/— Дети не разговаривают.
Р: <i>Ат потыртѣгыт, ат торгамтѣгыт. Ам ѣтум рупитѣгыт ѣгирицит, щар ат торгамтѣгыт, даже «нѣнь» ат вѣганыл. Ам тѣнанылн лѣвегум, нѣнь хѣт ълы там. И «нѣнь» ат вѣгыт.</i>	Не разговаривают, не понимают. Со мной работают девушки, совсем не понимают, даже «хлеб» не знают. А им говорю, хлеб где, там. И «хлеб» не знают.

В: А <i>нау тӕхнувын, нау нӕвраманын, ман ӕс ӕпганын мӕнӕци лӕтуыл вос потыртасыт?</i>	А Вы хотели бы, чтобы Ваши дети или внуки говорили по-мансийски?
Р: О, <i>сака тауӕгум, кос...</i> (смеется)	О, очень хотела бы... (смеется)
В: <i>Нау тахнувын, Хальӕст мӕхмыт мӕнӕци лӕтуыл вос потыртасыт?</i>	Вы бы хотели, чтобы в Берёзово люди разговаривали по-мансийски?
Р: <i>Тауӕгум. Вос потыртӕгым. Вос, ат рӕв...</i> Видите уже, как...	Хочу. Пусть разговаривают. Чтобы не... Видите уже, как...
В: <i>Ат рӕвӕгым?</i>	Не могут?
Р: Нет, чтобы не забывали.	—/—
Д: <i>Ат ӕру..</i>	Не забы...
Р: Вот, <i>ат ӕрувлӕгым.</i>	Вот, не забывают.
В: <i>Ул вос..</i>	Чтобы не...
Р: <i>Ул вос ат¹² ӕрувлӕгым мӕнӕци лӕтуу.</i> Это так тяжело уже... Даже со своими детьми уже не получается.	Чтобы не забывали мансийский язык. —/—
В: А <i>руц-мӕнӕци цӕмьят</i> , вот как у вас, <i>мӕнӕци лӕтил потыртӕгым?</i>	А в русско-мансийских семьях, вот как у Вас, по-мансийски говорят?
Д: Смешанные семьи...?	Смешанные семьи...?
В: Ханты, <i>мӕнӕци, тамле цӕмьят?</i>	Ханты, манси, в таких семьях?
Р: <i>Потыртӕгым.</i>	Разговаривают.
В: <i>Потыртӕгым.</i> Наверное <i>пӕс порат ӕмаснув, ань ат потыртӕгым...</i> ?	Разговаривают. Наверное в старые времена лучше, сейчас не разговаривают...?
Р: <i>Ань тай ӕти</i> , наверное.	Сейчас-то нет, наверное.

¹² Здесь добавлено лишнее отрицание *ат* «не», в составе конструкции оптатива с отрицанием *ул вос* уже присутствует отрицание *ул*.

В: <i>Потыртасыт, ань мӑньлат ат потыртӑгыт. Ёмас. Нау исколат мӑньци лӑтыу хаництахтасын?</i>	Разговаривали, сейчас молодые не разговаривают. Хорошо. Вы в школе мансийский язык учили?
Р: <i>Ӑти.</i>	Нет.
В: <i>Ӑти. Хунь? В каком... Хоты...</i>	Нет. Когда? В каком... каком...
Р: Шестьдесят девятый по восьмидесятый. <i>Мӑн хоть и мӑньци школат хаництахтасув, мӑн <нрзб> ат хаництувӗсув мӑньци лӑтыл. А Ягримт, ам вӑглум, что тот хаництувӗсит. Тувыл уже, как, вот, после нас, в деревне, учили маленько языку, а нас почему-то... Ну наверное мы знали потому что... (смеется) Там наоборот, переучивали. С манси... с русско... ой, с мансийского на русский переучивали. Ӑгим, тав цар руц лӑтыу ат хӑсыс, тав хаництувес руц лӑтыу потыртауков. Ам ты садикан ялсум, так хӑссум, школат¹³ хунь минасум, мӑньци, ой, руц лӑтыу.</i>	С шестьдесят девятого по восьмидесятый. Мы хоть и в мансийских школах учились, нас [неразборчиво] не учили мансийскому языку. А в Игриме, я знаю, что там учили. Потом уже, как, вот, после нас, в деревне [в Анеевке] учили немножко языку, а нас почему-то... Ну наверное мы знали потому что... (смеется) Там наоборот, переучивали. [с манси, с русского, ой] с мансийского на русский переучивали. Моя дочь, она совсем русского не знала, ее научили разговаривать по-русски. Я в садик пошла, так знала, в школу когда пошла, мансийский, ой, русский язык.
В: <i>А... Нау мӑньци лӑтыл... Нау вӑглын мӑньци лӑтыу хаництан нӑпакт?</i>	[А... Вы по-мансийски...] Вы знаете книги, обучающие мансийскому языку?
Р: <i>Вӑглум. Ӑньцӗгум.</i>	Знаю. У меня есть.
В: <i>А ты детсадыт...?</i>	А в этом детском саду?
Р: <i>Ӑти, тот ат хаництавем, ат хаництыялум. Руц нӑврамыт.</i>	Нет, там [меня не учат], не учу [я их]. Русские дети.
В: <i>Ӑлӑгыт.</i>	Есть [они].
Р: <i>Ӑлӑгыт.</i>	Есть [они].

¹³ Ожидается форма *школа-н* «в школу» (лативный падеж), здесь используется форма *школа-т* «в школе» (локативный падеж).

Р: Как-то не получается.	—/—
В: <i>Торгамтаслум. Нау... А, Хальўст кон блэ́гыт матыр</i> таблички, надписи <i>мáньци лáтуыл</i> ?	Понятно. [Вы... А,] в Берёзово на улице есть какие-то таблички, надписи на мансийском языке?
Р: <i>Ань áтюм. Пёс порат блсыт, ань áтюм. Ат нанкё́гыт. Хунь, ам тыт иут блсум, только-только тыг ёхтысум, вáсанум, ань тай цар áтюм тамле тапли́цкат.</i>	Сейчас нет. Раньше были, сейчас нет. Не видно. Когда, я тут еще не жила, только-только сюда приехала, видела, сейчас-то совсем нет таких табличек.
Д: <i>Хунь нау тыгле ёхтысын?</i>	Когда Вы сюда приехали?
Р: <i>Ам</i> восемьдесят третий год. Тогда были еще.	Я в восемьдесят третьем году. Тогда были еще.
В: <i>Сака сáль. Нау мáньци лáтуыл вáглын: нэ́пакт, радио, телевидение, ман ёс интернета матыр, пот-рыт?</i>	Очень жаль. Вы знаете на мансийском языке: книги, радио, телевидение, или в интернете что-то, рассказы?
Р: Да.	—/—
В: <i>Вáглын?</i>	Знаете?
Р: <i>Вáглум.</i>	Знаю.
В: <i>Маныр?</i>	Что?
Р: Что, какие передачи знаю?	—/—
Д: Ну, например...	—/—
В: М-м...	—/—
Р: Ой, я даже не знаю названия. (смеется) Ну, на мансийском когда по Югре, телевидение когда по Югре идет, всегда слушаю, смотрю.	—/—
В: Ага, радио?	—/—
Р: Радио <i>ат ху́лылум.</i>	Радио не слушаю.

В: <i>Ань āтюм?</i>	Сейчас нету?
Р: <i>Āти.</i>	Нет
В: <i>Āтюм. А ты... газета?</i>	Нету. А это, газета?
Р: <i>Газета ловиньтэгум. Ёньцёгум. Яласы мән пāвылт¹⁴.</i>	Газету читаю. У меня есть. Приходит к нам в деревню.
В: А газета — <i>ты «Луима Сэрипос»?</i>	А газета — это «Луимā Сэрипос» ¹⁵ ?
Р: <i>«Луима Сэрипос».</i>	«Луимā Сэрипос».
В: А «Витсам»?	А «Витсам» ¹⁶ ?
Р: <i>«Витсам» āтюм.</i>	«Витсам» нет.
В: <i>Сака пумац ты «Витсам». Ам сунс... ты «Витсам».</i>	Очень интересный этот «Витсам». Я [видел] этот «Витсам».
Р: <i>Ат вāглум, ат вāйцинтасум.</i> Как-то пропустила.	Не знаю, не встречала. —/—
В: <i>Ты шкафyt бly.</i>	В этом шкафу есть.
Р: А, <i>сунсэгум. Тай,</i> наверное, <i>нйврам мāгыс нэпакт, нйврамыт мāгыс</i> как-то видела.	А, посмотрю. Это, наверное, для детей книга, для детей как-то видела.
В: <i>Маныр руц лāтнуыл ловиньтэ-гын, сунсэгын?</i>	Что по-русски читаете, смотрите?
Р: Телевидение и радио, ой, как, передачи смотрю все, да. Ну все, я на русский перешла. (смеется)	—/—

¹⁴ Ожидается форма *пāвлувт* с посессивным показателем первого лица множественного числа -ув.

¹⁵ Общественно-политическая газета (рус. «Северная заря») на мансийском языке в печатном виде. На сайте существует архив и пополняются материалы на мансийском и русском языках; для некоторых материалов существуют аудиозаписи. На сегодняшний момент существует Объединенная редакция мансийской газеты «Луимā Сэрипос» и хантыйской «Ханты ясанг», см. <https://khanty-yasang.ru/>.

¹⁶ Периодический журнал на мансийском языке (рус. «Капелька») для детей.

В: <i>Маныр сака пумац науын, руц лāтил?</i>	Что для Вас самое интересное на русском языке?
Р: (вздыхает) <i>руц лāтил? Ну, кина сунсэум, новости, сака...</i> (шепотом) <i>время как, время?</i>	(вздыхает) на русском языке? Ну, кино смотрю, новости, очень... —/—
В: <i>Время āтјум..</i>	Времени нет...
Р: <i>Ам тјт ты телефоныл сака патсум, это, сунсуңкв, ловиньтаңкв...</i> Поэтому меньше времени уделять стали.	Я тут в этом телефоне сильно начала это, смотреть, читать... —/—
В: <i>Нау интернетта хансэҫын мāньци лāтјыл?</i>	Вы в интернете пишете по-мансийски?
Р: <i>Āти, ат хассум.</i>	Нет, не писала.
В. <i>Āти... А руц лāтил?</i>	Нет... А по-русски?
Р: <i>Хансэҫум.</i>	Пишу.
В: <i>Нау вāглын, хумус мāньци лāтјыл хансуңкв эри?</i>	Вы знаете, как надо писать на мансийском языке?
Р: Ну... <i>Вāглум, но пуссын-то лāтганэ ат вāглум, потому что тав акв лāтганэ... лāвёгыт тох, а хансуңкв эри тох, ам как хұлылум, тох и хансэҫум.</i> (смеется)	Ну, знаю, но все слова-то не знаю, потому что это... одни слова... говорят так, а писать надо так [иначе], я как слышу, так и пишу (смеется)
В: <i>Маныр вāруңкв эри, мāньци лāтың элаль вос тōтаве?</i>	Что нужно делать, чтобы сохранять мансийский язык?

Р: Ой (вздыхает). <i>Сака т̄арвитыу, ань м̄аныци л̄атыу элалъ т̄отууков. Эри сав потыртауков, наверное, юн, чтобы н̄явраманув х̄улсыт. А потыртауков науки эри юрт б̄ныцууков. Хотьют ёт потыртауков.</i> Тогда <i>н̄явраманув х̄лууков патэгыт</i> и уже, как бы, прислушиваться будут. <i>Хунь омам б̄лыс, потыртасув, ам н̄явраманум б̄с х̄улыгласыт,</i>	Ох... Очень тяжело, сейчас сохранять мансийский язык. Надо много разговаривать, наверное, дома, чтобы наши дети слышали. А разговаривать самому, [это] надо чтобы друзья были. С кем говорить. Тогда наши дети начнут слушать и уже прислушиваться будут. Когда жива была моя мама, разговаривали, мои дети тоже слушали, слова какие-то
--	--

<i>л̄атныт</i> какие-то <i>в̄агтсыт</i> ¹⁷ , а <i>омам тав патыс</i> , уже <i>ат потыртэгум</i> , и <i>н̄явраманум б̄с хот-эрувласаныл л̄атганэ</i> . А <i>м̄ань</i> , ну как у нас, а <i>м̄ань н̄явраманув</i> уже <i>щар ат хулэ-гыт</i> . Хотя <i>ам л̄авэгум</i> : «н̄янь маен», « <i>щай пинэн</i> ». Вот. Там они уже все равно не слышат как-то, (не) прислушиваются.	знали, а мама, она ушла, уже не разговариваю, и дети тоже свой язык забыли. А маленькие, маленькие наши дети уже совсем не слышат (мансийскую речь). Хотя я говорю, «дай хлеб», «чай налей». Вот. Там они уже все равно не слышат как-то, не прислушиваются.
В: <i>Ань н̄эмхотьют ёт потыртауков... Ёмас. А науынн м̄аныци л̄атыу эри?</i>	Сейчас не с кем разговаривать... Хорошо. А Вам нужен мансийский язык?
Р: <i>Эри.</i>	Нужен.
В: <i>Манрыг?</i>	Почему?
Р: <i>Ты анумн, ам л̄атганум таухэгум х̄улунув, таухэгум потыртауков. Эрыг таухэгум х̄унтлууков... Амки ат эргэгум, а х̄унтлууков таухэгум.</i>	Это для меня, я родные слова хочу слышать, хочу разговаривать. Песни хочу слушать. Я сама не пою, а слушать хочу.
В: <i>Науки м̄агсылын, щёмян м̄агыс...</i>	Для Вас, для Вашей семьи...

¹⁷ Здесь употреблена неграмматичная форма, ожидается форма *в̄асыт* или *в̄асаныл* (форма третьего лица множественного числа в субъектного спряжения или объектного спряжения с множественным числом объекта соответственно).

Р: <i>Ос ты... Щёмям ма́гыс, нявра-мум, нявраманум ма́гыс.</i>	Тоже. Для моей семьи, [для ребенка, то есть] для детей.
В: <i>Мот ма́ныцит ма́гыс?</i>	Для других манси?
Р: <i>Мот ма́ныцит... Ул вос ос ёрув-лыяныл (смеется) ам ётум потыр-таңкв.</i>	Для других манси... Также пусть не забывают (смеется) со мной разговаривать.
В: <i>А ты ХМАО ма́гыс, эри?</i>	А для ХМАО, нужен?
Р: <i>Эри.</i>	Нужен.
В: <i>А ты регион, ХМАО, маныр ва́ри, ты ма́ныци ла́тыу вос..</i>	А этот регион, ХМАО, что делает, чтобы мансийский язык...
Р: <i>Та́н газета вот хансэ́гыт, нэ́пак хансэ́гыт, словарь хансэ́гыт, телевидение... Потом, сейчас скажу, эти, праздники, там, а, вылетело. Праздники устраивают. (смеется)</i>	Они газету, например, пишут, книги пишут, словарь пишут, телеви-дение... —/—
В: <i>Ам ат ва́глум.</i>	Я не знаю.
Д: <i>Ялпыу хо́тал.</i>	Праздник (досл. святой день).
Р: <i>Ялпыу хо́тал... ва́рыглэ́гыт.</i>	Праздник... делают.
В: <i>А ты Россия ма́гыс?</i>	А для России?
Р: <i>Россия ма́гыс... Ну наверное, то-же надо... В России знали чтобы, есть такие люди, есть манси, есть ханты, есть маленькие народы.</i>	Для России?... —/—

Среди высказываний респондента следует отметить указание на то, что мансийский язык не используется в общественной сфере, поэтому и не существует ситуаций с замечаниями относительно использования мансийского языка. В ответах данного респондента наблюдается и подтверждается высокий запрос на сохранение мансийского языка: такие реплики произносятся серьезно, а также подтверждаются случаями, которые приводит респондент, например, случай поощрения использования мансийского языка другими. Наконец, стремление отвечать по-мансийски и эксплицитное сожаление о недостаточно свободном владении языком

дополнительно свидетельствуют о высокой мотивации к использованию мансийского языка.

Наблюдение за речевым поведением и уровнем владения показывает, что многие официальные и полуофициальные ситуации, где в повседневной жизни доминирует русский, действительно не охвачены мансийским языком. Заметно и общее влияние русского языка: смешение кодов, затрудненный доступ к необходимым мансийским лексемам и их поиск в процессе беседы.

Важным представляется тот факт, что эта носительница мансийского языка работает в детском саду, но при этом не реализует на практике свой уникальный языковой потенциал из-за внешних обстоятельств. При иной организации мансийского языкового планирования она могла бы, например, работать ключевым сотрудником детского сада с языковым погружением по методу «Языковое гнездо».

5. Анализ результатов исследования

В результате обработки ответов респондентов мы смогли подтвердить основные гипотезы исследования. Ниже мы представляем основные выводы на основе полученных данных: в первой части обсуждаются сферы использования мансийского языка, отношение к нему и запросы относительно него среди жителей Берёзово, далее представлены индивидуальные кейсы, затем делаются обобщения относительно уровня владения языком, отношения к мансийскому языку и стабильности сообщества в п.г.т. Берёзово.

Многие респонденты отмечали, что мансийский язык используется исключительно в кругу манси, среди друзей и родственников и не представлен в общественной сфере. При этом большинство респондентов не вспомнили случаев, когда им бы делали замечания из-за использования мансийского языка в общественном, в основном русскоязычном, пространстве. Из ответов становилось ясно, что они сами не использовали мансийский язык в таких ситуациях, и считают использование в общественной пространстве других языков, кроме русского, проявлением невежливости: такие мнения высказывались, например, относительно узбекского языка. Впрочем, были отмечены и приведены случаи, когда по-мансийски говорили между собой, чтобы другие не поняли при обсуждении вопросов, которые нежелательно слышать другим. Особенно характерными были примеры обсуждения по-мансийски некоторых тем при детях, чтобы те не поняли.

Все респонденты хотели бы, чтобы их дети, внуки, другие манси, а также, что важно, другие жители Берёзово, владели мансийским языком и могли бы его использовать. Это свидетельствует об «открытости» мансийского языка для внешнего, в том числе не мансийского, сообщества, в представлении респондентов. При этом многие сожалели, что дети в Берёзово не владеют мансийским языком, и, видимо, уже и не овладеют им.

Тем не менее, на некотором уровне интерес к мансийскому языку среди представителей младшего поколения также присутствует. В нашем опросе приняли участие два подростка. Они знали отдельные слова и выражения на мансийском языке (не более 10), при этом продемонстрировали высокий запрос на владение мансийским языком, связанный с их этнической принадлежностью и увлечением элементами мансийской культуры (музыкой и искусством), краеведением. В процессе разговора с одним из них была получена информация о том, что он знаком с владеющим мансийским языком сверстником, что нас заинтересовало. Однако впоследствии выяснилось, что речь шла об одном учащемся с. Няксимволь, родом из с. Турват, который находится рядом с пучком мононациональных мансийских деревень Ивдельского района Свердловской области, и где владение мансийским языком среди мансийских подростков было зафиксировано нами ранее.

Владение мансийским языком по возрастам показало неоднородную, но объяснимую функцию: низкий уровень владения языком среди представителей старшего поколения связан с индивидуальными жизненными обстоятельствами. Например, 58-летняя представительница манси, слабо владеющая мансийским языком, оказалась дочерью из смешанной (русско-мансийской) семьи и выросла в русскоязычной среде. Ее мать также показала сниженный уровень владения языком для ее возраста: в силу проблем со слухом ей было трудно справиться с задачей аудирования. Тем не менее, мы пришли к выводу, что нет необходимости корректировать методику, достаточно учитывать, что кривая с повышением возраста может понижаться в силу естественных причин. Кроме того, языковое поведение этой носительницы показалось нам несколько необычным: наблюдалось обилие глагольных русскоязычных корней, к которым добавлялась мансийская морфология (например, родит*ахтасум* «я родилась» при общеупотребительном мансийском варианте *самн патсум* «я родилась»). Такое поведение среди носителей мансийского языка встречается редко, чаще при смешении кодов используются русские именные лексемы, а глагольные формы целиком либо русские, либо мансийские.

Один из примеров полного отсутствия владения мансийским языком связан с переездом жительницы Кондинского района, представительницы

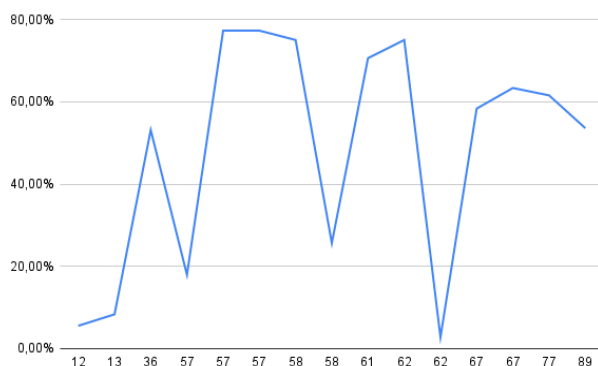
манси, сначала в Казым, а затем в Берёзово. В ряде случаев она интерпретировала вопросы как связанные с хантыйским языком, которым, по ее словам, она хоть как-то владеет, в отличие от мансийского. Это связано с тем, что кондинский мансийский язык исчез уже в начале XXI века и языковой сдвиг для этого варианта происходил значительно раньше.

Случай слабого владения зафиксирован также для человека, который сначала изучал мансийский язык в школе, а затем при получении профессионального образования. При этом реализованные характеристики владения связаны с письменной речью (чтение, письмо, перевод), также этот респондент владеет ограниченным набором слов и выражений. В частности, на основе этого примера, можно сделать выводы о невысокой эффективности преподавания мансийского языка как предмета в системе образования. Впрочем, на сегодняшний день мансийский язык в Берёзово отсутствует в образовании вовсе.

При этом неожиданным оказалось существование исключительной для своего возраста (в этом регионе) 36-летней носительницы мансийского языка. Она способна полноценно понимать мансийскую речь и довольно активно порождать устную речь. Ее случай, как это часто бывает для экстремумов в сторону младшего возраста, связан с воспитанием в детстве у бабушки в с. Ломбовож, где сохраняется высокий уровень владения мансийским языком.

Данные случаи, а также другие, более стандартные примеры владения мансийским языком представлены на следующем графике, где по горизонтальной оси представлен возраст респондента, а по вертикальной — процент владения согласно нашей методике.

Рисунок 1. График оценок владения мансийским языком по возрасту



Результаты социолингвистического исследования свидетельствуют о том, что в Берёзово проживают манси, преимущественно переехавшие из других сёл района, в том числе представители старшей возрастной группы: наблюдаемый обычный нижний возраст говорения — 57 лет, при этом есть единичные случаи владения в 36 лет и невладения в 58 и 62 года, объясняемые индивидуально. Владение мансийским языком соответствует условиям неравномерного русско-мансийского двуязычия (реже — многоязычия с учетом коми и хантыйского языков), а также языкового сдвига: мансийская речь подвержена изменениям, связанным с доминированием русского языка, степень этих изменений даже в рамках одной возрастной группы различна: а) свободное понимание и порождение устной речи; б) ограниченные высказывания с наличием речевых ошибок; в) понимание при неспособности порождать мансийскую речь; г) полное невладение (в некоторых случаях, при способности понимать и говорить отдельные слова и выражения).

Кроме проведения анкетирования, при котором были получены ответы представителей мансийского сообщества и сделан ряд наблюдений над владением и использованием мансийского языка, мы также провели дополнительные беседы с представителями коллектива Берёзовского центра национальных культур и несколькими другими жителями Берёзово. Эти беседы подтвердили следующие гипотезы: а) мансийский язык не используется в общественном пространстве; б) владение им не является нормой; в) возможности для того, чтобы выучить мансийский язык, отсутствуют; г) жители поселка вне группы представителей манси и определенного круга интересующихся культурой коренных малочисленных народов имеют лишь смутное представление о существовании такого языка и никогда его не слышали.

При этом в поселке существует достаточно высокий, но пассивный и не реализующийся запрос на владение языком со стороны невладеющих, в том числе подростков, а также запрос на владение детьми и запрос на изучение языка в школе, детском саду. С другой стороны, анкетированные утверждают, что открыть занятия по изучению мансийского языка практически невозможно в связи с преобладанием в группах детского сада русских детей и представителей других национальностей: количество этнических манси оценивают как 2–3 ребенка на группу, хантов — как 1–2 ребенка на группу. Ярко выражена неразвитость системы образования в области обучения и использования мансийского языка в поселке в целом: отсутствуют какие-либо уроки, не существует групп погружения и полилингвального обучения.

В мансийском сообществе оценивается высоко как языковая, так и символическая роль газеты «Луима сэрипӧс». Ее важная функция обусловлена высоким профессионализмом работников редакции и освещением актуальных для сообщества тем. Многие важные события, такие как издание книг, мероприятия, праздники, связаны с деятельностью Т.С. Гоголевой, авторитет которой можно было также оценить по готовности многих представителей мансийского сообщества помочь нашему исследованию по ее предложению.

Некоторые проводимые практики и элементы языковой инфраструктуры оказались неработающими или слабо работающими с точки зрения ревитализации: детский журнал «Витсам» оказался неизвестен большинству респондентов, при этом его номера находятся в Центре, там, где проводились беседы, и куда часто приходят респонденты. Это связано с тем, что потенциальная целевая аудитория журнала — дети, а они практически не владеют мансийским языком и не изучают его. С другой стороны, собрания в Центре имеют важное значение для многих людей различных возрастов, но эти собрания обычно многонациональны (участие принимают представители хантов, манси, коми и др.), и, следовательно, ведутся на русском языке.

Важно также отметить, что при относительно благополучном обустройстве Берёзово и развитой инфраструктуре (хорошие дороги, разнообразные магазины, учреждения и доступные службы, включая электричество и газ) многие жители, включая наших респондентов, не рассматривают жизнь в Берёзово на постоянной основе: многие приезжают для краткосрочной работы, многие местные уезжают из поселка учиться и не возвращаются, пожилые люди в связи с выходом на пенсию переезжают чаще всего в города, ближе к своим детям. При этом многие респонденты высказывают мнение, что эти случаи имеют индивидуальный характер, а среди недостатков жизни в Берёзово основным фактором называют плохую транспортную доступность, имея в виду количество и качество авиаперевозок, которые являются основным способом связи с г. Ханты-Мансийск и, через него, другими крупными городами страны, а также внутри Берёзовского района.

6. Дискуссия и перспективы

Данная методика исследования применяется не впервые: ранее по ней были проведены оценки состояния нанайского языка [Харитонов, Моложавая 2023], кубачинского и тверского карельского языков, проведенные в 2023 году в Научном центре по сохранению, возрождению и документа-

ции языков России Института языкознания РАН¹⁸. В ходе данного исследования по состоянию мансийского языка в Берёзово благодаря поддержке со стороны заинтересованных лиц была организована непрерывная работа по проведению опросов ввиду ограниченности по времени. При этом, однако, оказалось недостаточно исследованным отношение к мансийскому языку со стороны «внешнего» сообщества из числа жителей Берёзово. С другой стороны, манси живут в поселке небольшим и в языковом смысле почти незаметным сообществом, и анкетирование более широкого круга лиц, вероятно, вызывало бы скорее удивление, а не содержательные ответы.

Используемая нами методика оценки языковых компетенций несовершенна: необходимо выставлять баллы по целому ряду параметров, при этом ни сама беседа, ни критерии баллов не обладают такой формализацией, при которой не возникало бы сомнений. Можно отметить успешный опыт парной работы двух исследователей, владеющих мансийским языком (в разной степени): была возможность создать обстановку полуофициальной беседы, оказывать взаимопомощь во время речевых актов и, особенно, принимать коллективные решения при оценке языковых компетенций. Результаты сравнения таких оценок показывают (см. Рисунок 1), что общие тренды позволяют точнее говорить о владении, чем оценочные характеристики вида «хорошо владеет», «настоящий носитель», «пассивный носитель». Тем не менее, в нашем исследовании представлено недостаточное число респондентов среднего возраста (20–40 лет) для того, чтобы стало возможным более точно представить кривую владения языком.

Важным наблюдением было то, с каким интересом и уважением реагируют не только носители, но также более младшее поколение, слабо владеющее или невладеющее мансийским языком, на существование различных языковых инициатив, таких как издание книг, музыкального контента, образовательных возможностей. Такое отношение также связано и с языковым сдвигом, при котором функции языка значительно сдвигаются в сторону символической.

Несколько носителей мансийского языка работают в больнице, где они используют мансийский язык только как средство межличностного общения (в общественной и основной профессиональной сфере доминирует русский язык). При их поддержке в больнице мог бы быть организован разговорный клуб для сотрудников и пациентов больницы. В прошлом владение мансийским языком сотрудниками больницы приносило неоценимую помощь в организации лечения пациентов, плохо владеющих русским языком, и такие мероприятия могли бы стать данью той традиции.

¹⁸ см. <https://mnogoyaz.iling-ran.ru/about>

Самое ценное для ревитализации в условиях продвинутой стадии языкового сдвига — это люди, способные проводить практики по обучению и развитию языковых навыков среди жителей Берёзово. Благодаря нашему исследованию стало ясно, что такие люди есть, например, работница детского сада, носители мансийского языка, работающие в больнице и не ушедшие на пенсию, в том числе уникальная 36-летняя носительница. При необходимой организации они могли бы стать ценнейшими кадрами для реализации языкового планирования.

Благодарности

Авторы выражают благодарность Берёзовскому центру национальных культур и его руководителю К. А. Супрун за предоставленное рабочее пространство, экскурсию и продуктивные обсуждения, Т. С. Гоголевой и ее коллегам за помощь в организации нашей работы, а всех принявших участие в исследовании — за их ответы и возможность побеседовать, в том числе на мансийском языке. *Яныг пұмацина!*

Список литературы

- Бурыкин А. А. 2013. Современный коренной северянин как языковая личность (в поисках параметров характеристики). *Вестник угроведения*, 4:15, 9–17.
- Вахтин Н. Б. 2001. Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. СПб.: Дмитрий Буланин, 338.
- Кириленко С. В. 2021. Типы говорящих. *Социолингвистика*, 1:5, 182–191.
- Харитонов В. С., Моложавая Т. А. 2023. Экспедиционные данные в области отношения к нанайскому языку, в том числе исследование запроса на владение и использование языка. *Этнопедагогическое пространство формирования российской идентичности народов Дальнего Востока России: материалы Всероссийской научно-практической конференции*. И. К. Бадикова (ред.). Комсомольск-на-Амуре: АмГПУ, 83–92.
- Ханина О. В. 2019. Практики многоязычия в низовьях Енисея: опыт социолингвистического описания ситуации в прошлом. *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*, 1:3, 9–28.
- Skrjbnik E., Koshkaryova N. 1996. Khanty and Mansi: the contemporary linguistic situation. In: J. Pentikäinen (ed.). *Shamanism and Northern Ecology. (Religion and Society 36)*. Mouton de Gruyter: Berlin–New York, 207–217.

Mehmet Muslimov

VTa:n Kiel'tutkimuksen Institutta, Pietar

EROSOPJUUS NOMINA-KIHERMIS INKERMUAN KIELIS JA SUKULAISKIELIS

Itämerensuomalaisil kielil on ommokasta sopjuus nomina-kihermis luvus ja sijos, mut on olemas poikkuuksiikkii. Täs artikkelis tarkastelen sellasii poikkuuksii eiskohtasest inkersuomes, inkeroiskieles ja vatjas sekä vastaavaisii tappooksii monjiis muis itämerensuomalaisis kielis. Mie korjasin Inkerin kielennäytteitä 1999 vuuvvest. Ko täs es'merkin lähettä ei mainita, see tähentää, jot sellasen es'merkin otin omast kenttäaineistostain.

Mikä mahtaa olla tiän erosopjuusen syynnä? See juohtunoo neljäst syyst:

- 1) Loppuuhen ast mänemätöin takasannein grammatikalistamine.
 - 2) Sijopiätteen degrammatikalistamine.
 - 3) Kahen sijon osittaine neitralistamine.
 - 4) Paikalissiin adverbilöin käyttämine paikallissiin pronominnoin sijast.
- Nyty tarkastellaa kaik niä tappookset likempää.

1. Inkeri

Inkermuan kielis sellane erosopjuus on pantu tähel terminativas, komitativas ja abessivas. On hoksattava, jot niitä sijoloi ei käytetä koko Inkeris, a vua seen monjiis rajonois. Komitativa ja terminativa ovat tyypikkäitä Läns-Inkeris, nimittäin vatjan kieles, Ala-Laukaan inkerois- ja inkersuomen murreis, vaik näil sijoloil on olemas vua osa sijoloin ommooksist. Viel 1960-luvul abessiva toim kaikis Inkermuan kielis ja murreis, mut jo 2000-luvul nominan abessiva kaikkisee hävis kaikist Läns-Inkerin kielist ja murreist. Kesk- ja Pohjo-Inkeris abessiva on viel käytös nykyajalkii. See tähentää, jot nytu komitativan ja terminativan aluve yhelt puolt ja abessivan aluve toiselt puolt eivöt mäne ristikkäin toin-toiseesen kans. Tarkastellaapa nytu näitä sijoloi joka ainovaa erittäin.

1.1. Terminativa

See sijo, *ssa(a)*-piätteekäs terminativa, on olemas vatjan kieles [Ariste 1948: 40], Soikkolan ja Ala-Laukaan inkeroisimurreis [Laanest 1966: 104] sekä Ala-Laukaan suomen murrees. Näis tappooksis voimmo sannoo, jot entisen *saakka*-takasanneen sijopiätteeks grammatikalistamine ei mänt loppuuhen ast ja usjiis ommooksissaa see formantta enemmän muistuttaa takasanetta, ko sijopiätettä. Erittäin sanottu,

1) sil formantal ei uo etuvokalakasta varianttaa, 2) -ssa(a) ei liity määritteehen, a määrite jiiip illativan tahi (vatjan Luutsan alamurrees) genitivan muotoohen.

(1) Vatja, Luutsan alamurre [Markus, Rozhanskiy 2014: 249]

tämä tul-i-ø uuvvõ/ uutõ kaivo-ssaa
 3SG tulla-IPF-3SG uus'.GEN/ uus'.ILL kaivo-TERM
 'uuteehen kaivoohen ast'

(2a) Lounaine Ala-Laukaan inkeroismurre

kaheksama aastaika-ssaa
 kaheksan.ILL vuos'-TERM
 'kaheksaa vuoteehen ast'

-ssa(a) tavalisest liityy illativan sanamuotoohen, mut Ala-Laukaan inkeroismurrees see voip liityy kohallee paljaahen vartalookii, mitä ei käytetä ilman sijopiätettä, esm. *louna-ssa* 'lounaahen ast' (*louna-ks* 'lounat.Transl', **louna* 'lounat.Ill', *louna-ssä* 'lounat.Ill', *lounəd* 'lounat'). Sil viisii tiä formantta asuttaa yhtä sammaa slottaa ninku tavallinen sijopiäte, mikä erottaa seen tyypikkäist takasanneist. Kuiteski sellasis tappooksis ninku (1) ja (2) tätä formanttaa vois pittää kokonaisee nomina-kihermää lisätty takasanneenna:

(2b) Lounaine Ala-Laukaan inkeroismurre

[kaheksama aastaika]_{NP} ssaa
 kaheksan.ILL vuos'.ILL ast
 'kaheksaa vuotehen ast'

1.2. Komitativa

Ala-Laukaan aluveel komitativa on hoksattavis usjiis variantois, mitke on esitetty taulukos 1.

Taul.1. Komitativa er aluveil

Kiel'	Vokalharmonia	Sopjuus
Vatja	ei	<i>A-(ka)</i> <i>N-ka</i>
Kurkulan inkersuomen murre ja pohjoine Ala-Laukaan inkeroismurre	on	<i>A-n</i> <i>N-nka/-nkä</i>
Lounaine Ala-Laukaan inkeroismurre	on	<i>A-n</i> <i>N-ka/-kä</i>
Suokylän inkersuomen murre	on	<i>A</i> <i>N-ka/-kä</i>

Pohjoaluveel, Kurkulan inkersuomes ja pohjoises Ala-Laukaan inkeroises komitativan piäte on *-nka*, mikä liittyy vua substantivvaa, miärite (adjektiva, pronomina tahi numeralä) jiäp genitivvaa:

- (3a) Kurkulan inkersuomen murre

oma-n velje-nkä

oma-GEN veikko-COM

‘oman veikon kans’

Piäte *-nka* juohtu genitivan piätteest ja entisest *kansa*-takasanneest, ja josko sil ei ois etuvokalakasta *-nkä*-varianttaa, ne tätä formanttaa vois pittää ninku *-n* ‘GEN’ + *ka* ‘kans’, esm. (3a) vois täs tappookses kiruttaa uuvvestaa tällääl:

- (3b) [*oma-n velje-n*]_{NP} *kä*

oma-GEN veikko-GEN kans

‘oman veikon kans’

Kuiteski kahen variantan olemasolo erottaa *ka*-formantan tavalisist takasanneist.

Suokylän inkersuomen murrees genitivan *-n*-piäte hävis’, ja *ka*-formantta liittyy oblikva-sijoloin vartaloo. On hoksattava, jot genitivan sanamuoto erovaa oblikva-vartalost siin, jot genitivan viimoine vokala on redusoimatoin. Tiä fakta, ninku synharmonissiin varianttoin olemasolo, likentää *ka*-formanttaa ja sijopiäätteitä.

- (4) Suokylän inkersuomen murre

tie-n tämä-n tütö-n kahe päivä-kä

tehhä-1SG tiä-GEN työ-GEN kaks. GEN päivä-COM

‘Tien tiän työn kahes päiväs.’

Vatjan kielel, ninku Suokylän murreeski, genitivan *-n*-piäte hävis’ poikke, tuas’ komitativan *ka*-formantta liittyy oblikva-vartaloo, tosjaa sil ei uo etuvokalakasta varianttaa. Yhtä viisii, ninku Suokylän murrees, genitivan sanamuoto tavalisest erovaa oblikva-vartalost, esm. *nurkkö*, SG.GEN *nurka*, SG.COM *nurköka* [Markus, Rozhanskiy 2014: 246]. Kesk-Vatjan murreis genitivan hävint piäte pitentää viimoista vokalaa, mikä erottaa genitivan ja oblikva-vartalon toin-toisestaa. Tuas’ *ka*-formantta liittyy kohallee genitivan sanamuotoohen, eikä oblikva-vartaloo; esm. *jalka*, GEN.SG *jalga*, COM.SG *jalgaakaa* [Ariste 1948: 38, 48]. Miärite jiäp tavalisest genitivvaa (5), mut sopjuuskii siin on kera mahto (6):

- (5) Vatja, Luutsan alamurre

noorö tütö-ka

nuor.GEN tyttö-COM

‘nuoren tytön kans’ [Markus, Rozhanskiy 2014: 248]

- (6) Vatja, Kattilan alamurre

mesiz-ii-kaa meel-ii-kaa

mesine-PL-COM miel-PL-COM

‘mesisiin mieliin kans’ [Ariste 1948: 39]

Niis tappooksis, mis genitiva ja oblikva-vartalo ovat yhelaisii, *ka*-formanttaa vois pittää takasanneenna, mikä ohjajaa kokonaista nomina-kihermää.

(5b) [noorõ tüttö]_{NP} ka
nuor.GEN tyttö.GEN kans

‘nuoren tytön kans’ [Markus, Rozhanskiy 2014: 248]

Lounaises Ala-Laukaan murrees genitivan *-n-piäte* säily, mut komitativan *ka*-formantta liittyy genitivan vartaloo eikä genitivan sanamuotoohen. Miärite säilyttää genitivan *n*-päätteen:

(7) hää leikkə-s’-ø piira-n ruojəkka-n veitse-kä
3SG leikata-IPF-3SG piirkka-GEN likane-GEN veits-COM
‘Hiä leikkas’ piirkan likasel veitsel.’

Täs tappookses, erotokseks ennempää tarkastellust, *ka*-formanttaa ei voi pittää liittyvännä kokonaisee nomina-kihermää, ko genitivan piäte liittyy vua miäritteehen eikä pohjasannaahen, ja näin tiä tappoos onkii selvä erosopjuus.

1.3 Abessiva

Nykysee aikaahen tulles nominoin abessiva hävis Läns-Inkeris, säilyjes vua ninku III infinitivan abessiva. Kesk- ja Pohjo-Inkeris see sijo on säilynt, mut tavalisest substantivvaa abessivas käytetää *ilman*-etusanneen kans. Tiä etusane voip ohjata niin abessivvaa, ko partitivvaaki ilman mittää erota tähennökses. Abessivan piäte on *-ta* Kesk-Inkeris ja *-tta* Pohjo-Inkeris, molloot variantat voivat sattuu yhteehen partitivan yhen monest allomorfan kans. Sil viisii, on mahto abessivan ja partitivan sanamuotoloin tävveline yhteesatto monjiil nominoil, esm. *piätä*-muoto voip olla *piä*-substantivan abessivanna ja yhtä aikaa partitivanna.

Niis idiolektis, mis abessiva toimii, substantiva abessivas tavalisest esijää yksinnää, ilman sovittu miäritettä. Josko pohjasannaahen lisäjäisimmö adjektivan, näin tehhes pitken nomina-kihermän, see nomina-kihermä sit suapkii partitivan sijen. Kenttäaineistostain löytyy kuiteski monta es’merkkii, ninku (8):

(8) *Mänin metsää ilman suurta* (PART) *koirata* (ABESS)

On hoksattava, jot *suur*-adjektivan uavistettava abessivan muoto on *suureta*, näihen muotoloin likkyys voipkii olla syynnä sellasen mallin syntymisel. Kuiteski monjaat kielenoppaistain hyväksyt mahtooksen *suureta*-abessivan käyttämiseks tappookses, mis adjektiva on pohjasananna:

(9) *Jäit ilman sitä* (PART) *suureta* (ABESS)

Toiseksee, sellane erosopjuus voip löytyy niis tappooksistkii, ko partitivan piäte ei uo *-ta*, ninku es’merkis (10a):

(10a) *ilman köyhää* (PART) *pojatta* (ABESS)

Adjektiva *köyhä* voip liittää abessivan päätteen *-tta*, esm. ellipsisen tappookses:

- (10b) – *Ilman millaista* (PART) *poikaa* (PART) *sie tulit?*
 – *Ilman köyhää!* (PART) / ^{OK}*Ilman köyhättä!* (ABESS)

See osottaa, jot ielpäin mainittu es'merkkilöis on esitetty just erosopjuus eikä *köyhä*-adjektivan abessivan puutos. Errookseks terminativast, abessivan piäte liittyy oblikva-vartaloo, mitä tavalisest ei käytetä ilman sijopiätettä Kesk- ja Pohjo-Inkerin murreis. Harva poikkuus on esitetty es'merkis (11). Sanamuotoo *silmälasiloi* voip käyttää ilman sijopiätettä, ko see on monikon partitiva:

- (11) *Hiä on ilman ommii* (PL.PART) *silmälasiloi* (PL.ABESS)

1.4. Determinativvoin erosopjuus

Vielä yks metka erosopjuuven tappoos on determinativvoin erosopjuus. Mie pohjaan siin Sofia Oskolskajan tutkimusmatkaraporttii [Oskolskaja 2010]. Tappooksis, mis nomina-kihermää käytetää mis-ikkää paikallissijos, demonstrativan ja substantivan sijot voivot erota toin-toisestaa:

- (12a) *Ota kirja* [*täst* (EL) *pövvält* (ABL)]!

Täs tappookses erosopjuus tapahtuu lokalisatsis, ei orientatsis, es'merkiks ablativa voip soppiissa elativan kans, mut ei adessivan eikä illativan kans.

- (13) Inessiva adessivan sijal

Täs (INESS) *pövväl* (ADESS) *ovat miun kirjat.*

- (14) Ablativa elativan sijal

Miä mänin pois sielt (ABL) *talost* (EL).

Sellaista erosopjuutta kelpajaa analisoissa adverbien eikä pronominan käyttämisennä, siin tappookses yhtenäistä nomina-kihermää ei synny, verbi täs ohjajaa niin adverbii, ko substantivvaakii:

- (12b) [*Ota kirja täst*], *pövvält* (ABL)!

Oskolskajan aineistos ol' kuiteski erosopjuuven es'merkkilöi monikos:

- (15) *Ota kirjat näist* (PL.EL) *suurilt* (PL.ABL) *pövvilt* (PL.ABL)

Sattuu olemaa luvun erosopjuuven es'merkkilöi, ja see ainaa tapahtuu yksikön hyväks:

- (16) *Siel* (SG.ADESS) *pövvil* (PL.ADESS) *ovat siun kirjat*

Oskolskaja arveloo, jot niä faktat totistaat adverbikasta muunteloo, mut es'merkit, ninku (15), ovat esmerkkilöi tätä vastaahen [Oskolskaja 2010].

2. Yhelaissii ilmijöllöi muis itämerensuomalaisis kielis.

2.1. Loppuuhen ast mänemätöin takasannein grammatikalistamine.

Paljo sellasii es'merkkilöi löytyy vepsän, lyydin ja viron kielist. Es'merkiks kelpajaa mainita komitativa, vepsän ja lyydin elativa sekä ablativa, vepsän prolative ja approksimativa. Tuon monjaan es'merkin:

- (17) Vepsä [Zaitseva 1982: 190]
tul'-i-mei toš-t te-dme (<te-d me)
 tulla-IPF-1PL toine-PART tie-PROL tie-PART myöte
 'Tulimmo toista tietä myöte.'
- (18) Vepsä [Zaitseva 1982: 191]
musta-n lehma-nke (<lehma-n ke)
 musta-GEN lehmä-COM lehmä-GEN kans
 'mustan lehmän kans'
- (19) Vepsä [Zaitseva 1982: 192]
homen lähte-n nore-mba-n poiga-nno (<poiga-n no)
 huomein lähtee-1SG nuor-COMP-GEN poika-APPR poika-GEN luoks
 'Huomein lähen nuoremmal pojallein.'
- (20) Lyydi, Kuujärven murre (miun kenttä-aineistostain)
tul-i-ø rusta-s perti-špiä (<perti-š piä)
 tulla-IPF-3SG punane-INESS talo-EL talo-INESS päi
 'Hiä tul' punasest talost.'
- (21) Viro [Erelt 2003: 113]
suure mehe-ga (<mehe ga)
 suur.GEN mies'-COM mies'.GEN kans
 'suuren miehen kans'

Kaikis näis es'merkkilöis vois lukkee, jot niis on esitetty nomina-kihermä ja takasane, ohjaava seen. Monjiis tappooksis grammatikalistamine voip männä loppuuhen ast, ninku es'merkis (22), (23), ja niin erosopjuus hävijää:

- (22) Tverin karjala [Novak 2020: 72]
hiän kolme-nke lapse-nke jä-i-ø
 3SG kolt-COM laps-COM jäähä-IPF-3SG
 'Hiä jäi kolmen lapsen kans.'
- (23) Vepsä, Voilahan alamurre (miun kenttä-aineistostain)
udo-me vodo-me!
 uus'-COM/PROL vuos'-COM/PROL
 'Hyvvää Uutta Vuotta!'

2.2. Degrammatikalistamine

Viron kirjakeeles sellane erosopjuus on olemas terminativas, essivas ja abessivas. Miärite näis tappooksis on genitivan muovos (= oblikva-vartalo), ninku es'merkis (24):

(24) Viro [Erelt et al. 1993: 116]

ilma pike-ma kaalutlemise-ta pöördu-s-ø ta parema-le
ilman pitkä-COMP.GEN ajatus-ABESS kiäntää-IPF-3SG 3SG oikija-ALL
'Ilman pitempää uattelemistä hiä kiäntiis' oikijal.'

Jos komitativan tappookses kelpajaa sannoo, jot grammatikalistamine ei mäntkää loppuuhen ast, ne essivan, abessivan ja arveltavast terminativan tappookses, toiseksee, pitäis luatii degrammatikalistamisest, ko niihen piätteet eivöt nouse takasanneist [Erelt 2003: 209].

Monjiis Lounat-Viros murreis tätä erosopjuutta on palju enemmän. Karksin alamurrees adjektiva soppiijaa vua nominativas, genitivas, partitivas ja inessivas. Josko substantiva on muus sijos, adjektiva suap yksikön genitivamuovon:

(25) Lounat-Viro, Mulgin murre, Karksin alamurre [Tanning 2004: 149]

ma `kink-s-ø ubinen `väikse latse-l
1SG kenkätä-IPF-1SG omena.PL.PART pieni.GEN laps.PL-ADESS/ALL
'Mie kenkkäsin omenii pienil lapsil.'

3. Kiitokset

Uon syväst kiitoline Arvo Survol hyövyllisist nevvoloist ja kielenoppaillein hein suurest avust Inkerin kenttätöössään.

Kirjaluettelo

Ariste P. 1948. *Vadja keele grammatika*. Tartu: Teaduslik kirjandus.

Erelt M., Käsik R., Metslang H., Rajandi H., Ross K., Saari H., Tael K., Vare S. 1993.

Eesti keele grammatika I. Morfoloogia ja sõnamoodustus. Tallinn: Eesti Teaduste Akadeemia Keele ja Kirjanduse Instituut.

Erelt M. 2003. *Estonian language*. Tallinn: Eesti Teaduste Akadeemia Kirjastus.

Markus E., Rozhanskiy F. 2014. Comitative and terminative in Votic and Lower Luga Ingrian. *Linguistica Uralica*, L: 4, 241–257.

Tanning S. 2004. *Karksi murrak*. Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus.

Зайцева М. И. 1981. *Грамматика вепского языка. Фонетика и морфология*. Л.: Наука.

Лаанест А. 1966. *Ижорские диалекты. Лингвогеографическое исследование*. Таллин: Валгус.

Новак И. П. 2020. *Грамматика тверского карельского языка*. Петрозаводск: КарНЦ РАН.

Оскольская С. А. 2010. *Указательные местоимения и наречия в ингерманландском диалекте финского языка. Экспедиционный отчет. Рукопись*.

Hiroshi Nakagawa

Chiba University

THE CURRENT STATE OF THE AINU LANGUAGE REVITALIZATION MOVEMENT

1. The Situation of Ainu Language Speakers

The Ainu people once inhabited areas primarily centered on Hokkaido, the northernmost island of the Japanese archipelago, as well as the southern part of Sakhalin, the Kuril Islands, and northern Honshu (Japanese mainland). It is believed that the Ainu lived in Hokkaido at least prior to the arrival of the ancestors of Japanese-speaking people, who brought rice cultivation and iron culture to the Japanese archipelago.

There are no official statistics on the current Ainu population in Japan. This is because the Ainu are not distinguished from other Japanese citizens in official family registers, and the Japanese government has not conducted a nationwide survey to date. However, the Hokkaido Prefectural Government conducts the *Survey on the Living Conditions of the Ainu in Hokkaido* approximately every seven years. According to the most recent 2023 report, the number of Ainu was recorded as 11,450. This can be considered the only official figure available.

However, it is important to note that this figure likely reflects only a small portion of those who identify as Ainu. The survey targets only residents within Hokkaido and specifically those individuals recognized by local municipalities, as explicitly stated in the report. Therefore, it does not account for the entire Ainu population living in Hokkaido. Moreover, the Ainu people have already dispersed throughout Japan, and their numbers outside Hokkaido are not included in this figure.

What is even more significant is the fact that a substantial number of individuals conceal their Ainu identity, largely due to discrimination, and they are understandably not reflected in the survey. Taking these factors into consideration, the author estimates that the total number of people who identify as Ainu is likely to be around 100,000.

The Ainu language is considered a language isolate with no known genetic relationship to any other language. While it was in contact with Nivkh and Uilta on Sakhalin Island, and Japanese in the Japanese archipelago, the Ainu language is grammatically very distinct from these languages.

As of 2024, it is believed that there are no native speakers of the Ainu language. There are no individuals confirmed to speak Ainu more fluently than Japanese, nor are there any communities where Ainu is used as the sole language of daily life. In this sense, it is fair to say that Ainu has already become a “dead language”.

However, while concrete figures are difficult to provide, awareness among the Ainu people themselves has grown significantly over the past decade, and the number of people learning Ainu has steadily increased. In this sense, Ainu cannot be considered a completely extinct language. The following section will report on the current state of modern efforts to revitalize the Ainu language.

2. The Development of Laws Regarding the Ainu

Since the establishment of the Meiji government in 1868, large numbers of Japanese people migrated to Hokkaido, where the Ainu primarily lived. The government implemented various laws aimed at assimilating the Ainu, seizing their land, and prohibiting traditional cultural practices such as women’s tattoos and men’s earrings. Furthermore, the government issued bans on the hunting of deer and the catching of salmon, which were the Ainu’s staple foods, plunging many Ainu into economic hardship.

In 1899, the Hokkaido Former Aborigines Protection Act was enacted, which aimed to transform the traditionally hunter-gatherer Ainu into agricultural settlers. At the same time, a school system was established to teach Japanese language and culture. Through these measures, the Ainu were placed under Japanese political and economic control and were forced to learn Japanese to survive, gradually losing their indigenous culture.

This situation persisted for decades after World War II, but change began in the 1980s. In 1983, Shigeru Kayano, who would later become the first Ainu member of Japan’s parliament, opened an Ainu language school for children in his hometown of Nibutani. In 1984, Ainu dance was designated an Important Intangible Folk Cultural Property, which spurred the rediscovery and revitalization of traditional dances across various regions.

In 1986, then-Prime Minister Yasuhiro Nakasone stated that “Japan is a homogeneous nation”, provoking strong opposition from the Ainu. This led to protest movements and strengthened efforts among the Ainu to assert their ethnic rights.

From 1987, the Ainu Association of Hokkaido, the largest organization of the Ainu people, began offering Ainu language classes across Hokkaido. These classes were funded mainly by the prefectural governments and were aimed at Ainu teaching the Ainu language to fellow Ainu. Around this time, the president

of the Ainu Association participated in the United Nations Indigenous Peoples Conference, delivering a speech that brought international attention to their existence and struggles.

These efforts bore fruit in 1997 with the enactment of “The Law for the Promotion of the Ainu Culture and for the Dissemination and Advocacy for the Traditions of the Ainu and the Ainu Culture”. This law finally repealed the Hokkaido Former Aborigines Protection Act of 1899. The 1997 law aimed to promote Ainu cultural revitalization, and the Foundation for Research and Promotion of Ainu Culture was established to support various cultural activities. However, at this stage, the Japanese government still did not recognize the Ainu as an indigenous people, and the foundation’s activities were limited to cultural initiatives.

Subsequently, in 2019, “The Act on the Promotion of Measures to Realize a Society in Which the Pride of the Ainu People Is Respected” was enacted. For the first time, this law officially recognized the Ainu as an indigenous people of Japan. Although the law still falls short of fully acknowledging indigenous rights for the Ainu, it marked a significant milestone, as the Ainu were finally publicly recognized as a social and cultural presence.

3. The Birth of Upopoy and Its Initiatives

With the enactment of the 2019 law (commonly referred to as the Ainu New Law), the Foundation for Research and Promotion of Ainu Culture and the Ainu Museum Foundation merged to form the Foundation for Ainu Culture. The foundation’s official website (<https://www.ff-ainu.or.jp/>) combines content from both organizations and currently holds the world’s most extensive collection of resources on the Ainu language and culture (unfortunately, an English version of the site is very poor).

Several sections of the website provide valuable resources for understanding and engaging with current Ainu language and cultural transmission efforts. These resources also play an active role in revitalization initiatives:

Oral Literature Audiovisual Materials (*Oruspe Suwop*): This section animates Ainu oral literature passed down through generations. The name *Oruspe Suwop* means “box of stories” in Ainu. Audio and subtitles are available in both Japanese and Ainu, and subtitles are also provided in English and Chinese.

Ainu Language Radio Course: This is an introductory Ainu language course that has been broadcast on STV Radio since 1997. In recent years, young Ainu have been appointed as instructors, further encouraging generational language transmission.

Ainu Language Video Course: A creative video section featuring diverse content themed around the Ainu language. Most participants are Ainu, and the videos include nature lessons, paper puppet theater, museum guides in Ainu, and interviews with Upopoy staff conducted in Ainu.

Speech Contest (*Itakan ro*): An annual Ainu language speech contest held in Hokkaido, divided into adult and children's categories. The name *Itakan ro* means "Let's talk" in Ainu. The number of participants has been increasing year by year.

Manual for Reproducing Ainu Life and Culture: A comprehensive manual for recreating traditional Ainu culture in modern contexts, covering clothing, food, housing, rituals and so on. The manual can be freely downloaded as booklets, and some videos are also available for download.

Ainu Cultural Transmission Activity Archives: This archive features videos of modern Ainu artisans and their craftsmanship. Subtitles are available in Japanese and English.

Monthly *Siror*: A research bulletin featuring reports from young researchers studying Ainu culture, including those of Ainu descent. *Siror* means "nature" in the Ainu language.

Ainu Language Archive: A collection of Ainu audio recordings stored in the former Ainu Museum. Hundreds of oral literary works can be listened to with Ainu and Japanese bilingual transcriptions, and major Ainu dictionaries are also accessible.

Under the management of this foundation, the Symbolic Space for Ethnic Harmony (Nickname: Upopoy, which means "singing together in a group" in Ainu) was opened in July 2020 in Shiraoi, Hokkaido (<https://ainu-upopoy.jp/>). The facility consists of the National Ainu Park, the National Ainu Museum (<https://nam.go.jp/>), and the Memorial Site, along with additional amenities such as souvenir shops and restaurants. The goal of Upopoy is to carry out activities to preserve and pass on Ainu culture while promoting awareness of Ainu culture to the general public. Thanks to significant funding and promotional efforts by the national and Hokkaido governments, it has become a popular destination for visitors.

National Ainu Park

The National Ainu Park features workshops, the experiential exchange hall, and the experiential learning center. In the workshops, visitors can observe demonstrations of traditional Ainu crafts, such as wood carving and embroidery. The experiential exchange hall hosts performances of traditional Ainu songs and dances. At the experiential learning center, activities like paper puppet

shows in the Ainu language are conducted, primarily aimed at introducing children to the language.

National Ainu Museum

The National Ainu Museum is Japan's first comprehensive research center dedicated to Ainu culture. On the first floor, it hosts film screenings, lectures, and includes a library. The second floor houses exhibition rooms. The permanent exhibition covers topics such as Ainu language, worldview, daily life, history, livelihoods, and interactions with other ethnic groups. The special exhibition room features temporary exhibits on various themes.

Memorial Site

The Memorial Site is located a short distance from the park and contains the remains of Ainu ancestors. The history and background of this site are detailed on the official website (<https://ainu-upopoy.jp/en/facility/cenotaph/>). The following is the explanation provided there.

Establishment of the Upopoy Memorial Site

The remains of Ainu people and the items buried with them have long been studied by anthropologists and other researchers.

Research into the origins of the people of the Japanese archipelago increased markedly during the middle of the Meiji Era (1868–1912). The remains of Ainu people were excavated and collected by researchers as part of this work, which continued into the Showa era (1926–1989).

As a result, Ainu remains were stored as research materials in several universities. In some instances, the wishes of the Ainu may not have been considered when these remains were excavated and collected.

In light of this history and actions that have been taken to repatriate the remains of indigenous peoples across the world, it was decided in June 2014 that the Japanese government would promote the return of the remains of Ainu people to the Ainu with the understanding and cooperation of relevant parties. It was also decided at the time that the remains that could not be returned immediately would be transferred to Upopoy, where dignified memorial services would be held by the Ainu and the remains would be managed properly until a system for their acceptance by the Ainu could be established.

In accordance with this decision, the Upopoy Memorial Site was established to fulfill this function in September 2019.

The transfer of remains from universities began in November of the same year, and the first memorial service performed by Ainu people was held in December.

Fostering an understanding of this history among the many visitors to Upopoy is fundamental to a harmonious society now and in the future.

Another notable feature of Upopoy is that almost all of its facilities and equipment are named in the Ainu language. Many of these facilities did not exist in traditional Ainu society, and therefore, new terms had to be created for them. To address this, the Committee for Ainu Language Signage and Exhibition Explanations was established. This committee brought together a large number of Ainu language researchers and educators to develop new vocabulary.

For example, the word for “elevator” is *tuserikinpe*, which translates to “something that climbs with a rope” (*tus* meaning “rope”, *e* meaning “with”, *rikin* meaning “climb”, and *pe* meaning “thing”). Traditionally, this term referred to a spider. The National Ainu Museum itself is named *an=ukokor aynu ikor oma kenru*, which means “the building that holds together the treasures of the Ainu” (*an=* meaning “we”, *ukokor* meaning “hold together”, *aynu ikor* meaning “Ainu treasures”, *oma* meaning “exist”, and *kenru* meaning “building”).

Additionally, the museum provides explanations of its exhibits in the Ainu language. These explanations are also overseen by the Committee for Ainu Language Signage and Exhibition Explanations. However, the Ainu language texts are primarily written by Ainu individuals outside the museum, and the audio guides are recorded by the authors themselves. In this way, the activities at Upopoy are consciously designed to contribute to the revitalization of the Ainu language.

This effort is described on the museum’s website with the statement, “Ainu is used as the first language for explanatory panels and signage throughout the museum”. However, while the website itself is available in Japanese, English, Traditional Chinese, Simplified Chinese, Korean, Thai, and Russian, there is currently no version of the website in the Ainu language.

4. The Impact of *Golden Kamuy*

Over the past decade, public interest in the Ainu people has surged significantly. While the aforementioned Upopoy has contributed to this trend, the greatest driving force has undeniably been Satoru Noda’s manga *Golden Kamuy*. Serialized in the magazine *Weekly Young Jump* from 2014 to 2022, the manga has become a massive hit, with over 29 million copies sold as of August 2024. Although the serialization has ended, the story’s popularity continues, with an anime adaptation already released and in 2024, a live-action film has been released, and a drama series is also being aired.

Set in early 20th-century Hokkaido, *Golden Kamuy* features a large cast of Ainu characters, most notably its heroine, Asirpa, an Ainu girl. The manga’s

highly detailed and accurate depiction of Ainu life and traditions quickly captured public interest. Not only within Japan but also at the “Manga Exhibition” held at the British Museum in 2019, a large illustration of Asirpa was prominently displayed at the front and also featured on the cover of the exhibition catalog [Rousmaniere, Matsuba 2019].

Before *Golden Kamuy*, the Ainu were often associated with political issues or portrayed as “a tragic people swept away by history” or “a vanishing ethnic group” in entertainment. However, *Golden Kamuy* broke new ground by presenting the Ainu as compelling, charismatic, and “cool” characters, reshaping their image in contemporary Japan. Given the immense influence of manga and anime in modern Japanese culture, the series brought widespread attention to the Ainu and inspired diverse projects involving their heritage. Even Upopoy has held special exhibitions dedicated to *Golden Kamuy*.

The success of *Golden Kamuy* also created an atmosphere in which it became more acceptable to feature Ainu themes in novels, films, and other forms of entertainment. Since then, a variety of works featuring Ainu culture have been released, including the following:

Kawagoe, S. 2019. ***Netsugen “Heat Source”***: A novel based on the real-life Polish ethnographer Bronisław Piłsudski, who was exiled to Sakhalin. The work received the prestigious Naoki Prize, awarded to outstanding Japanese entertainment novels.

Ainu Mosir “The Ainu Land”. 2020: A film directed by Take Fukunaga. Set in the real Ainu tourism destination of Akan, the drama features performances by actual Ainu residents and has won numerous international awards. (<http://ainumosir-movie.jp/>)

Kamuy no Uta “Songs of Gods”. 2023: A film directed by Hiroshi Sugawara, based on the life of Yukie Chiri, the Ainu woman who first compiled Ainu oral traditions into written form. (<https://kamuinouta.jp/>)

Sisam “The Japanese”. 2024: A film directed by Hiroyuki Nakao, dramatizing the Shakushain War of 1669, the largest conflict between the Ainu and the Japanese. (<https://sisam-movie.jp/>)

Ainu Puri “The Way of Ainu”. 2024: A documentary film directed by Take Fukunaga. The film closely follows Shigeki Amanai, who lives in modern-day Shiranuka while practicing the way of Ainu. He passes on ancestral traditions, such as salmon fishing techniques, culture, and spiritual beliefs, to his son. (<https://ainupuri-movie.jp/>)

Additionally, introductory and comprehensive books on the Ainu language and culture aimed at the general public have been published, along with reprints

of previously out-of-print works. These developments have made Ainu studies and culture much more accessible and relatable to the broader Japanese population. Below is a selection of notable books published in the past five years:

Nakagawa, H. 2019. *Ainu bunka de yomitoku Golden Kamuy* “Golden Kamuy: Understanding through Ainu culture”. Shueisha:Tokyo. An introductory book on Ainu culture using Masaru Noda’s manga *Golden Kamuy* as a reference.

Fujimura, H. 2019. *Ainu no gohan — shizen no megumi* “Ainu cuisine: The blessings of nature”. Dairyman:Sapporo. A recipe collection of Ainu cuisine by a leading expert on Ainu daily life.

Kitahara, M. & Tanimoto, A. (eds.) 2020 . *Ainu no Shinjitsu* “The truth about the Ainu”. KK Bestsellers: Tokyo. An introductory overview of Ainu history. One of the editors, Kitahara, has roots in the Sakhalin Ainu.

Nakagawa, H. 2020. *Kaiteiban: Ainu no monogatari sekai* “Revised edition: The world of Ainu stories”. Heibonsha: Tokyo. A guide to Ainu narrative literature. A revised edition of the original 1997 publication.

Kayano, S. 2020. *Ainu to kamigami no monogatari. Robata de kiita uwepeker*. “Ainu and the tales of the gods: Uwepeker heard by the hearth”. Yamatokeikokusha: Tokyo. A Japanese translation collection of prose stories recorded by Shigeru Kayano from numerous Ainu elders. A pocket-sized reprint of *Kamuyyukar to Mukashibanashi* published in 1988, Vol. 1.

Kayano, S. 2020. *Ainu to kamigami no uta. Kamuyyukar to komoriuta*. “Ainu and the songs of the gods: kamuyyukar and lullabies”. Yamatokeikokusha:Tokyo. A bilingual collection of poetic stories and lullabies recorded by Shigeru Kayano from numerous Ainu elders. A pocket-sized reprint of *Kamuyyukar to Mukashibanashi* published in 1988, Vol. 2 of the above.

Takiguchi, Y. 2021. *Kodomo to manabu Ainugo* “Learning Ainu with children”. SURE:Kyoto. A self-study book for learning Ainu as parents and child, written by an Ainu author. It includes scripts for Ainu-language plays based on stories told by the author’s great-grandfather.

Ōnuki, E. 2021. *Karahuto Ainu minzokusi. Sono seikatsu to sekaikan* “Ethnography of the Sakhalin Ainu: their life and worldview”. Seidosha: Tokyo. Ōnuki is an anthropologist and a professor at the University of Wisconsin. A Japanese translation by Ryo Sakaguchi of the 1974 English original.

- Ishizaka, K. 2021. *Harukor* “Harukor”. Iwanami:Tokyo. A reprint of a 1992 manga featuring an all-Ainu cast. Harukor is the name of the Ainu girl who serves as the protagonist.
- Nakagawa, H. 2021. *New Express Plus Ainu*. Hakusuisha: Tokyo. A revised and expanded self-study book on Ainu language, originally published in 2013.
- Sarashina, G. 2021. *Ainu minwashu* “Collection of Ainu folktales”. Seidosha: Tokyo. A reprint of the 1963 and 1981 editions.
- Sekine, T. and others. 2022. *Ainu bunkashi jiten* “Dictionary of Ainu cultural history”. Yoshikawakōbunkan: Tokyo. A general encyclopedia on Ainu culture.
- Nakagawa, H. 2022. *100 pun de meicho Chiri Yukie* “100 minutes Masterpiece: Yukie Chiri”. NHK Publishing: Tokyo. A text companion to the TV program introducing *Ainu Shinyoshu* (below).
- Kitahara, M. 2023. *Ainu moyamoya: Mienai sareteiru “watashitachi” to sokoni furete wa ikenai kiga shiteshimau “watashitachi” no* “The Ainu dilemma: the invisible ‘us’ and ‘we’ who feel hesitant to touch upon it”. 303Books: Chiba. A critical discussion on microaggressions toward Ainu from the Ainu perspective.
- Chiri, Y. 2023. *Ainu Shinyoshu. Hoteiban* “The Ainu epic songs” [revised edition]. Iwanami: Tokyo. *Ainu Shinyoshu* is the first book written in the Ainu language by an Ainu herself in 1923. This is a revised edition marking the book’s 100th anniversary, correcting errors left since the author’s untimely death.
- Nakagawa, H. & Nakamoto, M. 2023. *Shinsōban Kamuyyukar wo kiite Ainugo wo manabu* “New edition: Learn Ainu through listening to Ainu epic songs”. Hakusuisha: Tokyo. A new edition of the 2014 Ainu language learning book. Nakamoto is an Ainu woman from Chitose who served as the chairperson of the local Ainu Culture Preservation Society.
- Nakagawa, H. 2024. *Golden Kamuy e kara manabu Ainu bunka* “Golden Kamuy: Learning Ainu culture through illustrations”. Shueisha: Tokyo. A sequel to Nakagawa’s 2019 introductory book on *Golden Kamuy*.
- Nakagawa, H. 2024. *Ainugo Kōbunten* “Comprehensive grammar of the Ainu language”. Hakusuisha: Tokyo. A comprehensive grammar book covering various Ainu dialects in Hokkaido.

These publications highlight not only renewed academic interest but also increased accessibility to Ainu culture and language for general readers.

5. Systems for Training Successors of the Ainu Language

The continuation and development of Ainu language and culture cannot be achieved through external circumstances alone; it requires people who will carry these traditions forward. These individuals have been nurtured in various ways, even before the recent “Ainu cultural boom”. A significant number of individuals have been involved in the maintenance and preservation of the Ainu language over the years. The history and key figures of these efforts are discussed in detail in [Ōno 2022]. Therefore, this section will focus on four specific initiatives that are believed to have had a major impact on the development of human resources in recent Ainu language revitalization movements, providing an in-depth explanation of each.

5.1. The Nibutani Children's Ainu Language Class

It is a long-established private program for teaching Ainu, continuing since 1983. After its founder, Shigeru Kayano, passed away, his son Shirō Kayano took over the program. Currently, the instructor is Kenji Sekine, a Japanese man who married a local Ainu woman. Yuko Honda, the founder of the Sapporo University Urespa Club (mentioned later), worked as an assistant in this class under the guidance of Shigeru Kayano.

5.2. Urespa Club, Sapporo University

Urespa means “to nurture each other” in Ainu. Established as a general incorporated association in 2013, it is led by Yuko Honda, a professor at Sapporo University. The club actively supports Ainu youth in pursuing higher education by partnering with various corporations to provide scholarships, effectively making tuition free for students. In return, students who enter Sapporo University through this scholarship program are required to study Ainu language and culture.

While the scholarship is available exclusively to Ainu students, the Urespa Club also includes non-Ainu students who join to learn Ainu language and culture alongside their Ainu peers. The club hosts an annual event called the Urespa Festa, where participants showcase, for example, their learning achievements through Ainu-language plays and karaoke competitions in Ainu. On a regular basis, the club provides opportunities to engage with Ainu culture, such as preparing traditional Ainu dishes or gathering wild plants for ingredients in the mountains and fields.

The Urespa Club also considers the students’ career prospects. Many graduates of the club have gone on to work at Upopoy, contributing to Ainu cultural activities as employees.

5.3. Successor Training Program

Since 2008, the Successor Training Program has been conducted as one of the initiatives of the Foundation for Research and Promotion of Ainu Culture. It was held at the former Ainu Museum in Shiraoi to cultivate human resources for preserving and promoting Ainu language and culture. The program aimed to provide young Ainu with comprehensive knowledge and skills related to Ainu language and culture over a three-year period. Many participants of this program are now staff members at Upopoy. This program has already been discontinued.

Below is an overview of the 2008 Successor Training Program:

1. Program Objectives

In light of the aging of Ainu culture bearers and the decline in cultural transmission activities, the program focused on the development of new culture bearers with comprehensive knowledge and skills related to Ainu culture. The goal was to foster human resources who could fundamentally support Ainu culture and promote related activities.

2. Program Overview

The program was based at the educational Ioru space of the Ainu Museum in Shiraoi. Participants gained comprehensive knowledge and cultural literacy about the Ainu while receiving practical training and guidance from experienced culture bearers.

3. Location

Training venue: The Ainu Museum in Shiraoi.

4. Implementation

Organized by the Ainu Museum, under commission from the Foundation for Research and Promotion of Ainu Culture.

5. Program Details

Participants: Ainu culture bearers or individuals intending to become bearers.

Capacity: 8 participants.

Recruitment: Publicly announced by the Foundation for Research and Promotion of Ainu Culture in collaboration with related organizations, such as the Hokkaido Ainu Association.

Program Duration: Three years (2008–2010).

2008: 160 days, starting August 5, 2008.

Curriculum: Topics included clothing, food, housing, crafts, rituals, language, and performing arts.

Lecturers: Museum curators, university researchers, and active culture bearers from regional chapters.

6. Training Content

Comprehensive knowledge and literacy about Ainu people and culture through a long-term curriculum with lectures, practical training, and workshops.

Training schedule: 6 hours per day (including 1–2 hours of self-study), approximately 20 days per month.

7. Schedule

Program preparation and curriculum development: April–June 2008.

Recruitment and contracting: June–July 2008.

Program execution: August 2008–March 2009.

8. Participant Support

Housing: Housing in Shiraoi provided and rent covered by the foundation.

Allowance: Financial incentives for participation.

Travel Expenses: Covered for the start and end of the training each year.

Materials: Textbooks and learning materials provided by the museum.

Equipment: Access to computers and other devices prepared by the museum.

This program served as a foundational initiative for fostering human resources in Ainu cultural preservation, with many of its graduates continuing to contribute significantly to Ainu language and culture revitalization efforts.

5.4. Ainu Language Instructor Development Program

The Ainu Language Instructor Development Program began in 1997 as an initiative of the Foundation for Research and Promotion of Ainu Culture and continues to this day. The program trains Ainu language instructors through a total of six intensive three-day training sessions held over two years. Eligibility is limited to individuals of Ainu descent or their spouses.

When the program started, all four instructors were Japanese researchers. Over time, however, they were gradually replaced by Ainu researchers and graduates of the program itself. Currently, four out of the five instructors are Ainu.

After completing the two-year training program, participants are generally not allowed to re-enroll as students. However, they can attend an annual follow-up seminar, where they can discuss issues they face while teaching Ainu and request specific topics they would like to learn. The instructors design lectures based on these requests, providing tailored guidance.

6. Those Who Carry the Future

Many young Ainu who are now working to promote the Ainu language often have experience participating in multiple programs like these. Below, I

will introduce some of the younger Ainu individuals who are currently active as Ainu language instructors.

6.1. Rino Harada

Rino Harada (maiden name: Kimura), originally from Nibutani, attended The Nibutani Children's Ainu Language Class before enrolling at Sapporo University, where she joined the Urespa Club. While at university, she participated in the Ainu Language Instructor Development Program and is now an Ainu language instructor at the Biratori Ainu Cultural Promotion Corporation. She also served as the instructor for the 2023 STV Ainu Language Radio Course.

Her husband, Keisuke Harada, is a Wajin (ethnic Japanese), not Ainu, but he met Kimura while they were both studying at Sapporo University. Now married, they live together in Nibutani. Although no communities currently exist where daily life is conducted entirely in the Ainu language, they make an effort to incorporate as much Ainu as possible into their everyday lives. This dedication is reflected in their contributions to projects such as a skit-style video for the Foundation for Ainu Culture's Ainu Language Video Course (https://www.ff-ainu.or.jp/web/learn/language/movie/details/post_24.html) and another video explaining exhibits at the Nibutani Ainu Culture Museum entirely in Ainu (https://www.ff-ainu.or.jp/web/learn/language/movie/details/post_80.html).

At a symposium on the National Ainu Museum's Ainu Language Archive held in Nibutani in September 2022, she participated as a panelist alongside five other young Ainu of the same generation. When asked by the audience, "What kind of situation do you envision for the future of the Ainu language?" she responded:

"I hope for a world where you can't live without knowing the Ainu language."

6.2. Keni

Keni is from Shiraoi, the town where Upopoy is located. Keni is *pon re* "nickname" used for a staff member at Upopoy. After participating in the Successor Training Program and Ainu Language Instructor Development Program, he currently works in the Cultural Promotion Department's Experiential Education Division at Upopoy. Using his artistic skills, such as illustration, he performs paper puppet shows for children. In an interview featured on Upopoy's website (<https://ainu-upopoy.jp/staff/>), he shared the following:

"As a child, I didn't fully understand that Ainu culture was part of my surroundings. At one point, I worked in a job unrelated to Ainu culture, but with my father's encouragement, I joined the Successor Training Program at Upopoy's predecessor, former Ainu Museum (Shiraoi Poroto Kotan).

While learning about Ainu culture, I realized for the first time that Ainu culture was a natural part of the environment I grew up in.

Among the various aspects of Ainu culture, I became particularly interested in the Ainu language. Speaking in Ainu, which is a part of my identity, was enjoyable, and as part of my training, I visited New Zealand to learn about the Maori people's efforts to revitalize their indigenous language. This experience deepened my desire to convey our culture in our own language.

Since then, I've continued to study Ainu outside of my training and am now a lecturer for a local introductory course on the Ainu language, which both adults and children attend. At Upopoy, I develop experiential programs, such as learning Ainu through bingo games or creating card games with paper crafts to teach Ainu words. Every day, I strive to create opportunities for people to learn even a single Ainu word and develop an interest in the language.

The individuals mentioned above can largely be considered products of such development systems. However, while having participated in these systems, many others have acquired Ainu language skills through their unique personal environments and experiences, reaching their current roles independently.

6.3. Maya Sekine

Maya Sekine was born in 1999 in Nibutani. Her father, Kenji Sekine, was born in the southern-central part of Japan's mainland, but he moved to Nibutani and is currently an instructor at the Nibutani Children's Ainu Language Class, and her mother, Maki Sekine, is a craftsperson born in Nibutani. Maya attended the Nibutani Children's Ainu Language Class alongside other local children and participated in the Ainu Language Speech Contest organized by the Foundation for Research and Promotion of Ainu Culture (now the Foundation for Ainu Culture). She won the top prize in the children's division twice.

In her third year of junior high school, she collaborated with her parents to record the audio for Hiroshi Nakagawa's self-study book, *New Express Ainu Language*. After graduating from high school in Hokkaido, she entered Keio University. During her time at university, she launched a YouTube channel called "Sito Channel" (<https://www.youtube.com/channel/UCsvS5QjLwvIVhWpK48L57Cg>) to promote the Ainu language to the general public. "Sito" means "rice dumpling" in Ainu, and she says she likes it very much. Her efforts were recognized, and she received the President's Award upon her graduation in 2022.

Currently, Maya actively delivers lectures, appears on various media platforms, and continues her efforts to promote Ainu culture. She also serves as a

personality on Upopoy Radio (<https://www.air-g.co.jp/ainu-upopoy>), establishing herself as one of the prominent faces of contemporary Ainu cultural promotion activities.

6.4. Yumi Takiguchi

Currently, universities offering Ainu language courses consistently include Hokkaido University, Sapporo University, Sapporo Gakuin University, Hokkai-Gakuen University, Chiba University, Keio University, Waseda University, Tokyo University of Foreign Studies, Kanagawa University, Kobe College, and others. While most of the instructors teaching Ainu at these universities are Wajin (ethnic Japanese) researchers, Yumi Takiguchi serves as an Ainu lecturer teaching Ainu language at Kobe College.

Takiguchi was born in 1971 in Akan, with her mother's roots tracing back to Tokachi. After graduating from a university in Tokyo, she worked as an editor at the publishing house SURE. During this time, she participated in the Ainu Language Instructor Development Program. Later, she served as an assistant to Hiroshi Nakagawa at the advanced Ainu language course (effectively a beginner's course) held at the Ainu Cultural Exchange Center in Yaesu, Tokyo (now relocated to Asakusa). She also taught at the "Parent-Child Ainu Language Class" held at the same center, where she began teaching Ainu to children, including her own daughter.

She further transcribed tapes recorded by her mother, which contained Ainu folktales in the Tokachi dialect recited by her great-grandfather, Seizō Nagahama. She adapted these stories into scripts that children could perform as Ainu-language plays and published them as part of her book, *Learning Ainu with Children* in 2021.

Subsequently, Takiguchi became the CEO of SURE, which prompted her relocation to Kyoto. Around the same time, Kobe College, which was considering incorporating Ainu language and culture into its curriculum, invited her to teach Ainu language courses.

In 2022, her daughter, Tami, won the top prize in the children's division of the Ainu Language Speech Contest, *Itakan ro*.

6.5. Mayunkiki

Mayunkiki, born in 1982 in Asahikawa, is a versatile individual with multiple roles. She participated in both the Ainu Language Instructor Development Program and the Successor Training Program. Her excellence in the Instructor Development Program was recognized, and she was appointed as an instructor immediately after completing the program, a position she still holds today. She also served as an instructor for the Ainu Language Radio Course in 2011.

Beyond her work as an instructor, Mayunkiki is a musician, artist, YouTuber, and vocal advocate for various social issues as an Ainu woman. She is a member of MAREWREW, a four-woman chorus group whose name means “butterfly” in Ainu. MAREWREW performs traditional Ainu songs with contemporary arrangements, has released several CDs, and tours across Japan. Recently, she has also been engaged in independent music projects outside the group.

As an artist, she incorporates her heritage into her work. She has tattooed her body in the style of traditional Ainu women, a practice that was once customary, and showcases this in videos and photographs. She also creates unique video works by interviewing people connected to her roots, gaining international recognition for her creative contributions.

Additionally, she actively shares her thoughts and opinions through her YouTube program, “Mayun-san to Itakan ro” (Let’s Talk with Mayun) (https://www.youtube.com/playlist?list=PLD_24N507GwH7zOS1D5zt3lhCeJIzxSAh). Through this platform, she continues to express her views aiming to improve the social status of the Ainu.

6.6. Mokottunas Kitahara

Lastly, let us introduce Mokottunas Kitahara. He did not participate in any of the four training systems mentioned earlier. Instead, he has been involved in teaching from the beginning. Born in Tokyo, his mother has roots in the Sakhalin Ainu, and his father is Japanese. His mother was a central figure in the Kanto Utari Association, a group for Ainu living in the Tokyo metropolitan area. This likely influenced Kitahara to develop his Ainu identity early on, even while growing up in Saitama Prefecture in the mainland.

After graduating from Hokkai-Gakuen University, known for its tradition of Ainu cultural research, he pursued a master’s and doctoral degree in Ainu cultural studies at Chiba University under Shinko Ogihara and Hiroshi Nakagawa. Following his tenure at the Old Ainu Museum, he transitioned to the Center for Ainu & Indigenous Studies at Hokkaido University, where he currently serves as a professor. Kitahara is the second Ainu to become a professor at a national university, following famous linguist and ethnographer Mashiho Chiri (1909–1961) of Hokkaido University’s Faculty of Letters.

While at Chiba University, Kitahara became an instructor for the Ainu Language Instructor Development Program and later served as a trainer for the Successor Training Program during his time at the former Ainu Museum. Within the Instructor Development Program, it was customary for instructors and participants to assign each other *pon re* (Ainu nicknames). His Ainu name, Mokottunas, was given during this time and has since become his primary professional name.

Kitahara also continues to serve as a leader among young Ainu. For example, he acted as an advisor to Nikaop, a performance group formed by young Ainu that showcased traditional Ainu performing arts. The name Nikaop means “tree nut” in Ainu.

Kitahara specializes in cultural anthropology, focusing on Ainu beliefs and religion. He has independently studied the Sakhalin dialect of the Ainu language and is quite fluent. Few other Ainu language researchers are capable of teaching Ainu prayers and other religious expressions, so Kitahara often handles these topics within the Instructor Development Program. He also contributed to writing materials on the Sakhalin dialect for Ainu language textbooks created and distributed by the Ainu Cultural Foundation (https://www.ff-ainu.or.jp/web/portal_site/details/post.html).

7. Conclusion

Many other Ainu individuals are also learning the Ainu language and engaging in activities to connect it to future generations. Over the past 50 years of observing the societal conditions surrounding the Ainu language, I have witnessed unprecedented developments in the last decade — changes I could not have imagined when I began studying the Ainu language in the 1970s.

As discussed in this report, several factors have contributed to this transformation: legal reforms driven by the social movements of the Ainu people, the activities of institutions established as a result, and growing attention to the Ainu in the entertainment sector. If one were to summarize these factors, at the core lies the increased societal interest and attention toward those who seek to preserve the Ainu language and take action to do so.

It is often said that the opposite of “love” is not “hate”, but “indifference”. For a long time, the Ainu people were ignored by Japanese society and treated as if they did not exist. A symbolic incident of this disregard was Prime Minister Nakasone’s 1986 statement that “Japan is a homogeneous nation”.

Today, the Ainu face numerous hateful statements. Unlike past forms of discrimination, these reflect a clear sense of fear and hostility toward them. This hostility may be seen as an inevitable byproduct of the growing attention and recognition the Ainu now receive from society. To dispel such hostility, it is imperative that Japanese society as a whole gains accurate knowledge about the Ainu. Despite these challenges, the current state of the Ainu language is undeniably making gradual progress.

I hope that this report will, in some way, contribute to the improvement of conditions for other endangered languages beyond Ainu.

References

- Bugaeva A. (ed.) 2022. *Handbook of the Ainu Language*. Boston, Berlin: Walter de Gruyter.
- Ōno T. 2022. The history and current status of the Ainu language revival movement. In: Bugaeva A. (ed.). *Handbook of the Ainu Language*. Boston, Berlin: Walter de Gruyter, 405–442.
- Rousmaniere N. C., Matsuba R. 2019. *The Citi exhibition Manga*. Thames & Hudson: The British Museum.

Alfred Majewicz

*Adam Mickiewicz University, Poznań, Nicolaus Copernicus
University, Toruń, International Institute of Ethnolinguistic and
Oriental Studies, Steszew*

**THE CASE OF JAPANESE CASE:
A BIRTHDAY LAYER CAKE WITH THE COLLECTED
WORKS OF BRONISŁAW PIŁSUDSKI AS BACKGROUND**

*Ad multos annos ex utroque nostrum
For Katia Gruzdeva with
very best thanks, thoughts, and wishes*

A Festschrift contribution constitutes a specific *genre* of academic erudition and has its distinctive features of its own, among them — if possible, shades of familiarity reminiscently allowing personal reference to the Person Honored, ease of stylistic choice, even room for some artistic deviation (*licentia poetica*), to point to just a few (*Festschriften* are not only for specialists). This writer will try to face up to and meet these expectations, at the same time trying to sneak bits of information of interest to a wider spectrum of readers, replying thus importunate questions he is bombarded with.

A modestly looking book, released in a limited edition by a small local publisher, entitled *Case in Japanese*, with its subtitle underlining *a morphological approach* applied in research and result presentation [Jabłoński 2022], evidently being a sequel of — similar in size and being of the same provenience — monograph with its equally intriguing title *Japanese Nominal Elements as Abandoned Parts of Speech* [Jabłoński 2021; bold — *AFM.*] and several articles (like *id.* 2020) triggered this writer's — first, great satisfaction, and both *jubilant* as well as melancholic memories of past experience as appointed organizer and Head of the Department of Languages of Asia and Africa (DLAA), one of several subdivisions of the first Institute of Linguistics¹ at Adam Mickiewicz University (AMU) in Poznań, and organizer and academic supervisor of the Department of Japanese Studies at Nicolaus Copernicus University in Toruń, Poland.

The above mentioned Institute of Linguistics in its initial period of existence was a research institution only, without its own students and with its individual staff members providing highly specialized, obligatory in respective curricula,

¹ In existence October 1, 1973–December 31, 1991.

courses, lectures, and classes for students of other Institutes of the Faculty² and offering optional courses in “lesser known” (*moins répandues*)³ languages for all students of the University⁴.

Thanks to — exceptionally rich in a country under “socialist” rule — variety and abundance of contacts worldwide, the Institute steadily became a point of importance on the global map of respected academic institutions specializing in linguistics visited by numerous “prominent names” in the discipline: a point where linguists from “East and West” could *finally* meet. One among such distinguishing guests “from the East” happened to be Vladimir P. Nedjalkov, one other well remembered — Nikolay B. Vakhtin. Such contacts opened for this writer the long awaited opportunity to direct meetings with a really lot of Russian specialists, linguists but also representatives of other branches of knowledge — who were to become crucial for his academic research possibilities and results. It was during one such “crucial” moment, a visit in the (possibly still Soviet) Academy of Sciences Institute for Linguistic Studies in Leningrad, that a young interesting lady of a delicate posture was introduced to him with the remark that “she will soon be a first-class specialist in the Nivh(gu)⁵ language”. Not difficult to guess, it was this writer’s first (at that time probably a chance) encounter with our distinguished *Iubilata*. Fortunately, it was not the last one.

² Philological Faculty, later Faculty of Modern Languages and Literatures (~Neophilology); for the list of disciplines taught see [LPos 1983:18–19].

³ A quite official terminology, cf. BELMR and EBLUL.

⁴ Such as Sanskrit, Japanese, Written Chinese, Thai, Vietnamese, Turkish, Hebrew, Finnish, Hungarian, Irish, Portuguese, but also introduction to Tibetan studies, reading Old Prussian texts, Russian for English-speaking students, and Polish for foreign students from all institutions of university level education in Poznań (in the latter case, with focus on students from Africa and Asia). Later, having enrolled the Institute’s own students, further language classes and courses were introduced: Korean, Mongolian, Hindi, Tamil, occasionally (within the framework of optional lecture courses in typological linguistics) one-semester instruction in Samoan, Mohawk, Labrador Eskimo, or... Ainu (with Kyōko Murasaki as Visiting Professor).

⁵ There were many ethnonyms to identify the people in question, like Gilyak, Giljak, Gilak, Gilemi, Gilimi, Gilyami, Gileke, Gilymi, Nikbun~Nikubun (< Jap. ニクブン; now ニヅフ ~ ニブフ, also ギリヤーク, cf. the titles of [Sangi 2000] and [Austerlitz 1992], also Giryāku ギリヤーク), Nivx, Nivkh, Nivkhi, Nivhgu, Russian гилык (noun), гилыцкий, later гилыцкий (adjectives), нивх (noun sg.), нивхи (noun pl.), нивхский (adjective), Chinese Jiriyake(ren) 吉利亚克(人), now rather Nifuhe(ren) 尼夫赫(人); the glottonyms in use are *nivhgu dif* and dialectal variants (standardized for school education as *нивхгу диф* in “Amur dialect” and *ныѳвѳу дуѳ* in “Sakhalin dialect”).

The enrolment of its own students in AMU Institute of Linguistics started in 1986 with the offer of a five-year MA course in <Linguistics and Information Processing>, followed by structurally similar MA courses in Japanese (since 1987), Chinese and Lithuanian (both since 1988), Arabic (since 1991), and Academic Librarianship⁶ Studies. When the Institute ceased to exist (cf. fn. 1), DLAA, which with time passing became its largest component, continued its activity in the transitory structure of the Chair of Oriental and Baltic Studies to soon reach the staff required by law to transform itself into the Institute of Oriental Studies, the third one in the country after World War II and the very first center of Oriental studies ever on its territory west of Vistula river.

MA studies in Far Eastern languages and literatures in Poland were possible only at Warsaw University until 1987, the date marking the simultaneous introduction of Japanese studies in Cracow at Jagiellonian and in Poznań at Adam Mickiewicz Universities. While, however, the former, one of the world's oldest universities attracted heavy support both in staff and teaching aids from Warsaw due also to comfortable frequent and fast train and plane connections, the latter had to rely on but *verbal support* ("now or never") from the authorities and on determination to fulfill the imposed obligation starting from zero with prospective staff hunt⁷, producing sufficient amounts of hand-written and primitively (pre-word-processor era!) duplicated teaching aids, and making private library stocks accessible to students (with considerable losses). Somehow astonishingly, the initially desperate situation and applied logistics paid: soon AMU was in the position to educate and build up its own high-quality staff and among the first graduates in Japanese studies was today's University professor in the discipline and author of the two monographs mentioned at the beginning of this essay.

Reasonably, generous material and financial support from respective Japanese institutions like Japan Foundation (*Kokusai Kōryū Kikin* 国際交流基金) or Japan Society for the Promotion of Science (*Nihon Gakujutsu Shinkōkai* 日本学術振興会) could come only later, legitimized by heavy-weight arguments, above all the quality of DLAA students, graduates, and researchers, holders of scholarships from such institutions visiting Japan, and research results among which the most spectacular and attractive for Japanese scholars turned out to be the project aiming to retrieve the contents of phonographic wax-cylinder records

⁶ 1984–1989, one 5-year course only for prospective staff in university libraries collecting publications in "lesser-known" scripts.

⁷ It was made a rule to keep having at the same time three to five qualified native speaker teachers of both sexes to teach languages like Japanese or Chinese and at least one native speaker for instruction in other languages taught. The names of all former and current in 2002 DLAA staff members have been listed in [Browarczyk, Majewicz 2002].

of Ainu folklore taken by Bronisław Piłsudski⁸ on Sakhalin and Hokkaido in 1902–3 and following it decision to reconstruct Piłsudski’s scholarly legacy and publish it in the form of his “collected works” (CWBP).

A collection of “76 items in a better or worse state of preservation” [Majewicz 1977: 87] was unexpectedly (at least for this writer) found around the turn of 1975–6 with assets (library, much outdated equipment, fragmentary documentation, etc.) inherited by the above mentioned AMU Institute of Linguistics from previously existing AMU research units becoming components of the newly created institution. As it turned out, the collection⁹ was rediscovered for the third time, with two failing episodes to rerecord the contents from the cylinders on gramophone discs (1953) and on magnetic tapes (early 1960s). It was this writer who was commissioned to closely examine in all possible details, assess, and report on whatever could be said about, or done with, the recordings rediscovered anew.

The first person to be comprehensively informed about the collection in 1976 happened to be Shichirō Murayama, one of the most prominent linguists in Japan active at that time at Kyoto Sangyo University (京都産業大学), who inspired an appropriate press article on “Polish studies on the Ainu, the old story of Sakhalin data” on its influential “arts and sciences” pages in the evening edition of *Mainichi Shimbun* (February 23, 1977)¹⁰ and an academic-level description of the collection (published as [Majewicz 1977]), both of them leading to the establishment of an academic corporation¹¹ and conceiving the above

⁸ (1866–1918) a political exile to Sakhalin turned self-taught ethnographer, elder brother of Józef — the pre-World War II politician.

⁹ Left behind by Piłsudski escaping from Zakopane, the place of his very modest dwelling, on the eve of World War I in fear of the Russian army approaching Cracow. He kept asking whomever he could from abroad for finding and sending him the collection — in vain. The box containing the collection “was recovered — for the first time — only incidentally in 1930 in the attic of the small wooden house in Bystre [then a suburb of Zakopane] where Piłsudski had been living. Th[e cylinders] were well-packed, and unbroken, and only covered with mould” (CWBP 3, 779; for further history of the collection cf. *ib.*, ff.).

¹⁰ 毎日新聞 夕刊 昭和52年 2月 23日(水曜日) 学芸。 「ポーランドのアイヌ研究。 いまでは現地の資料集め不可能な “樺太調査” など古い歴史 価値ある 論文集、再出版が望まれる」。 *Mainichi Shimbun* is Japan’s one of the oldest and third largest daily, and one of the largest dailies globally; its circulation in 2022 was still 1,950,000 (morning edition) and 622,000 (evening edition) copies (in 2007 it was 4 million morning and 1.43 million evening edition copies).

¹¹ with the National Museum of Ethnology in Suita, Osaka (国立民族学博物館, 吹田市, 大阪), Hokkaido University (北海道大学) Institute of Applied Electricity (応用電気研究所) and Institute for the Study of North Eurasian Cultures

mentioned project labeled ICRAP¹² with the primary aim to restore the contents of the cylinders considered to be the oldest audio-records of the Ainu language.

As the success of the main goal was estimated at 2% (which meant practically unattainable), two more tasks were added: (1) an international conference on the discovered phono-recordings and (2) a compilation and publication of Piłsudski's texts in form of his "collected works". The thinking behind was: "we may fail to recover the contents recorded by Piłsudski on his cylinders, but we surely can invite specialists from the world over for such a conference, draw the scholarly world's attention to the existence of such materials, and share or try to explain reasons of our failure and discuss problems related". That strategy proved to have worked: a generous support came from IBM-Japan and results of ICRAP's primary goal surpassed all expectations (cf. [Sakikawa 1984; Asakura, Ifukube 1986; Kato, Kotani 1987; CWBP 3, 503–13, 517, 529, 595–645, 773–91, 817–8, 820–1]). They were primarily presented at the International Conference on Bronisław Piłsudski's Phonographic Records and the Ainu Culture (1IBPC, Sapporo and Nibutani Sept. 16–20, 1985), pronounced to be the first ever international scholarly meeting concerning the Ainu on such scale and followed by 2IBPC (Yuzhno-Sakhalinsk and Nogliki, Oct. 31–Nov. 2, 1991)¹³, 3IBPC (Cracow and Zakopane, Aug. 29–Sept. 7, 1999), and 4IBPC (Cracow and Żory, Oct. 17–20, 2018). Our *Iubilata* participated in 3IBPC and substantially contributed to ICRAP's goal to prepare the CWBP edition with her preliminary description of Nivhgu folkloristic texts recorded by Piłsudski and preserved in manuscripts in Russia [Gruzdeva 2001, 2001a¹⁴].

(北方文化研究施設), and AMU Institute of Linguistics as partners and Kyūzō Katō from the Osaka Museum as Head.

¹² Acronym for 'International Committee for Restoration and Assessment of Bronisław Piłsudski's Legacy'.

¹³ In the most unexpected and improbable of all imaginable locations at that time: under the Soviet rule the island, classified as a restricted ("closed") frontier military zone, proved to be dangerously secretive and inaccessible without rarely issued special permits even to Soviet citizens to the extent that on September 1, 1983, the military did not hesitate to shoot down a Korean Air Lines Boeing 747 liner en route from New York to Seoul killing all 269 passengers and crew, a US MP and 22 children under 12 included, for flying through "prohibited airspace" over Sakhalin (the Russians insisted it had been a spy mission and a US provocation); finding the wreckage and the flight recorders was kept secret by the Soviets till 1993. There are opinions that the 2IBPC markedly contributed to opening the vast Sakhalin Oblast' area to the outside world as well as the outside world to the Oblast' inhabitants.

¹⁴ In fn. 1 of 2001a we read that "in its descriptive part this paper represents a revised and more complete version of my article (2001) which is going to be published in [Majewicz, Wicherkiewicz 2001]. Nivkh text analysed in sections 4-5 [...] is published

As far as the CWBP, the third (second additional) goal of ICRAP, are concerned, the “Publication Agreement made this 2nd day of June 1987 ...” with Mouton de Gruyter stipulated “the publication of the work [CWBP] in 5 volumes”¹⁵ collectively edited by nine appointed specialists associated with ICRAP (eight of them Japanese), the entire volume estimated at a rough 2,455 pages¹⁶, and the dates of submission agreed were 1988 for vols. 1–2, 1989 for vol. 3, 1990 for vol. 4, and 1991 for vol. 5. The plan stimulated extensive quest for lesser known or unknown writings, published and unpublished, which turned out to be unexpectedly fruitful. This, along with other, not necessarily supportive or encouraging, developments forced substantial revisions in the plan.

Preprints, for very limited internal distribution within ICRAP, of volume 1 with 761 pp., no indices, and with 844 pp. with five indices, each with 100 plates with Piłsudski’s photos and separate pagination, saw the light of the day in 1992 and 1994, respectively. Preprint of volume 2 with 920 pp. and 34 photo plates (several separate paginations in the book) was released in 1992. All three became real *rarae aves* nowadays.

Consecutive (so-far four) volumes of CWBP in Mouton de Gruyter edition were published only in 1998 (vols. 1 and 2), 2004 (vol. 3), and 2011 (vol. 4); total size of the edition at this stage exceeds 4,000 pages.

The above juxtaposition of dates and page numbers from the “Agreement” with these in reality seems drastic and shocking — were we too optimistic? Just... not necessarily. The influx of abundant new material to study and prepare for publication was the most positive factor of the retardation which, together with equally positive reviews of, and opinions on, the consecutive volumes¹⁷

for the first time” (p. 47). The first reliable information on Piłsudski’s Petersburg archives published in Polish were [Swienko 1973] and [Gruzdeva 1984].

¹⁵ “List of volumes” in the “Agreement”: 1. *Aborigines of Sakhalin; English Translations of original contributions in Russian, Polish and Japanese; originals of articles in English, French and German*; 2. *Materials for the Study of the Ainu Language and Folklore. Indices and materials*; 3. *Inedita 1. Ulcha and Oroch linguistics, Ainu prayer texts*; 4. *Inedita 2. Ainu folklore phonographic records*; 5. *Miscellanea. Evaluation. Indices*.

¹⁶ The initial estimate, before the contract quoted, was but 1,000~1,200 pages.

¹⁷ Just to exemplify: “Volume III offers a wealth of information never before published in any form, given that much of it remained completely unknown prior to extensive recovery and documentation performed by the editor. As in the earlier volumes, the editor has expended every effort to make the contents as accessible and useful to the reader as possible. The meticulous descriptions of the recovery work performed on Piłsudski’s wax cylinder recordings of Ainu music could serve as an instructive model for future work with similar archived recordings of other languages. ... two previous volumes ... are of equally great value as primary collections of rare material on the

in print brought about understanding of the Publisher and very possible (stipulated) decision not to terminate the agreement. The worst and saddest factor that strongly influenced the pace of progress in the work were the mother-nature¹⁸ and the current war precluding practically all indispensable working academic contacts with Russian colleagues and institutions, while probably the least expected and most humorous was the discouraging perspective of challenge to deal with the... number of languages involved in the project which became a one-editor¹⁹ work.

One more factor must be not only mentioned but emphasized to allow approaching what the *title of this text* offers, the main ingredient delicacy filling between slices of this commemorative sandwich-like cake: the majority of persons involved in or cooperating with and supporting the ICRAP project were university scholars and employees of similar level research institutions with other primary obligations (like lecturing, teaching, expertizing, even military monitoring, and... administering their own working places!) for whom, out of necessity, ICRAP was a side work. In the case of this writer, simultaneously CWBP author/editor, it was not only lecturing and conducting MA and PhD seminars but also organizing the new institutions mentioned above, constructing the staff for them, providing access to his own library and archives and participation in the creation of teaching and learning aids²⁰. Moreover, in 1994 he was invited

native peoples and languages of Sakhalin (Nivkh, Ainu, Oroch). Although the project [...] is now already more than a decade behind schedule, the resulting volumes are well worth to wait. For anyone studying the aboriginal languages of the Russian Far East, this set promises to be one of the outstanding and essential sources of primary data” (Edward J. Vajda in *Linguist List* 16–1812 (June 2005); see also [Kan 2005] and reviews of CWBP 4 by José Andrés Alonso de la Fuente in *Studia Orientalia* (Helsinki) 112, 183–186), Boris V. Boldyrev in *Сибирский филологический журнал* (Novosibirsk, Russian Academy of Sciences) 1 (2014), 247–249, and Michael Knüppel in *Orientalistische Literaturzeitung* 109/4–5 (2014), 411–414.

¹⁸ Five among the eight prospective Japanese editors of CWBP left us forever, the remaining three are significantly older than this writer. Starting from CWBP 3, the front matter lists the names of our co-authors, collaborators and consultants “who started with us, worked with us, supported us with their knowledge, wisdom, friendliness, and experience but did not live long enough to see the results”; the planned CWBP 5 (Nivhgu volume) included, there are 22 names of such persons, so dear to us, as of Dec. 6, 2024.

¹⁹ referred to as <author> in the “Publication agreement”.

²⁰ In the case of Japanese, at that time in Poland (and in Polish) we had at our disposal only a small Polish-Japanese (Polish spelling)-English vocabulary for athletes and tourists — participants in the Tokyo Olympic Games, 1964, and but a few duplicated

to organize BA studies in Japanese also at Copernicus University in the capacity of Head of the Class of Japanese Language and Culture²¹ and in 2006–9 lectured and conducted seminars on Japan and Japanese grammar in Poznań College of Foreign Languages (WSJO).

With the time passing, we developed at AMU numerous practical educational aids for our courses, at earlier years mainly handwritten and duplicated, later due to immense progress in technology — professionally set publications of handbooks but also academic dictionaries and monographs or compromising merger of genres — monographs that could serve as handbooks in response to then current needs²² — released by DLAA, AMU Institute of Linguistics and AMU Press but also renowned independent publishers. Among the languages involved, often for the first time in Poland, were Japanese, Chinese, Arabic, Hindi, Sanskrit, Hebrew, Turkish, Thai, Mongolian, Vietnamese, Ainu. Copious materials remain and most probably will remain unpublished.

This writer's courses, lectures and seminars for students for years focused on general and typological linguistics, classification of world's (ethno)lects, minority languages and on providing information unpublished or taken from sources practically inaccessible for them. Specifically for students of Japanese, the contents, depending on the curriculum (two- or four-semester course, separate

handwritten manuals (called “handbooks”: a 15-page beginners' reader + 94-page reprint of several Japanese dictionary indices, 1970 (in the Preface one reads, in English: “This is the first book for learning Japanese which is given to the Polish students”); an introduction to kanji characters, 1971, actually a translation from English; a 33-page reader + a 140-page grammar for it, 1971, basing mainly on the famous Naoe Naganuma Basic Japanese Course) duplicated in very small numbers of copies produced and addressed in the first place for participants in Japanese language courses at what is now Warsaw School of Economics (SGPiS 1941–1991, now SGH). Warsaw University had for their 5-year MA students of Japanese Kotański 1973, 1976; Kotański, Okazaki 1980; and Okazaki 1981 — all of them still duplicated manuscripts (we shall come back to these materials further in the text). As far as aids for Chinese are concerned, after World War II we had at our disposal only a Polish-Chinese phrasebook (1966) with a 35-page vocabulary, a very basic course in the monthly *Chiny* (published May 1959–Dec. 1963 in Warsaw) and a “Chinese-Polish dictionary for reading Chinese texts without knowing the language” (sic!, 切字中波辭典 1936); with an accompanying mini-teach-yourself Polish and English handbook (1939) instructing how to do it (published in Polish and English), also all (except the 1939 booklet) handicraft.

²¹ The three-year BA course enrolled its first students in 2008 and recruitment for MA course (4th and 5th years) started in 2015. This writer's contract ended with his retirement in 2019.

²² In such cases reaching for postulates and principles of “contrastive linguistics”.

introductory courses in general linguistics parallel with courses in Japanese linguistics and grammatical structures of Japanese, or combined, etc.) varied and the pile of notes labeled <descriptive grammar of Japanese // introduction to Japanese linguistics> kept growing to reach enormous proportions. From all that disorderly stuff we managed to extract and print *inter alia* descriptions of Japanese phonetic and phonemic systems, grammatical categories of aspect and tense, an essay on the “unrepresented world of the language of Japanese streets: the phenomenon of *gyarugo*” (in Polish)²³, and, <“a proposal with a background”> reconsidering the categorization of the Japanese lexicon [Majewicz 2003].

The latter was selected to be published by this author inspired and encouraged by Gisaburō Kiyose (²1993, 1995, and personal contacts) and Kotański’s way of transliterating Japanese texts as applied in his handbooks of Japanese writing system mentioned in fn. 20²⁴, but above all by students’ growing awareness of the discrepancy between what they acquired from recommended literature and courses in general linguistics and what they found and read in “famous” grammars of Japanese (like *uninflected nouns, past forms of adjectives*²⁵, *adjectival verbs*

²³ *A Contrastive Analysis of Polish and Japanese Phonemic and Phonetic Systems with Special Reference to the Teaching of Japanese in Poland* (1996); *The Grammatical Category of Aspect in Japanese and Polish in a Comparative Perspective — A typological approach* (1985, both AMU Press); “Świat nie przedstawiony języka japońskiej ulicy. I. Fenomen *gyarugo* i jego uwarunkowania” (*Japonica Toruniensia – Język i Kultura Japonii* 2 (2001), 33–51.

²⁴ Kotański very well understood the agglutinative nature of Japanese and treating case markers as suffixes, he kept consistently conjoining them to word stems (bases) with hyphens <->; cf. e.g. *shōjiki-ni kami-ni tsukaeru dendōsha-ni-wa akuji-o hataraku...*, ... *hanseifushugisha—to-no sentō-o tsuzuketa* 1978: 191, *gennaikaku-no gaikō-seisaku-no hankō-no tame...* *ib.*, 252). In the oldest Western records of the language, case exponents were simply glued to the stems as one can see it e.g. on the very first page of Rodriguez 1604 grammar (cf. *arujia*, *arujiga*, *arujino*, *arujini*, *arujiuo*, *arujiyori*, *arujicara*, etc.) or in Aesop’s fables translated by Jesuit missionaries into Japanese (cf. the beginning of the story of the wolf and the lamb: *Aru cauabatani vōcamemo fiçujimo mizzuuo nomuni, vōcameua cauacamini y, fiçujino coua cauasusoni yta tocorode, cano vōcame cono fiçujiuo curaubayato vomoi, fiçujino sobani chicazzuite yūua...* printed in romanized Japanese in 1593 as *Esopono Fabvlas*; a different version in Japanese script appeared in print as *Isoho monogatari* 伊曾保物語 in 1659). It is interesting to observe that competent authors of Japanese language readers for foreigners (like e.g. Kokusai Gakuyukai 1969) know astonishingly well where to make interword spaces.

²⁵ Western linguistic terminology deeply rooted in Latin tradition of reflection on language is hardly suitable for descriptions of languages like Japanese — e.g., <adjectives> (*nomina adiectiva* are also <nouns>, in Latin *nomina substantiva*, hence they belong to declinables (*declinabilia*) and not conjugables (*coniugabilia*); Japanese terms 体言

which “are really more like nouns than verbs” [Shibatani 1990: 215], *verbal nouns*, “(grammatical) particles” grouping items not classified elsewhere, etc.).

The 2003 paper briefly explains the sources of dominating descriptions of grammatical structures of Japanese, starting from three treatises by an Edo-period *kokugaku* (國學 ‘national studies’) scholar Nariakira Fujitani (富士谷成章, 1738–79) inspired by tailoring (“on hairpins”, “on binding cords”, “on adornments ~ clothing”) and establishing four “parts of speech” (*na* ‘names’ — more or less *taigen*, cf. fn. 25; *kazashi* ‘hairpins’ — particles and conjunctives, *yosoi* ‘attire, outfit’ — more or less *yōgen*, and *ayui* ‘knots to keep things together’) and the “Dutch studies” (*rangaku* 蘭學)²⁶ period when a “Japanese grammar” was rather that of translations from Japanese than the language itself²⁷, to propose also a categorization of the entire Japanese lexicon (詞) into the following four *partes orationis* with the logical postulates of economy (the fewest number of categories possible) and of classification (all items to be classified must be taken into account and each item must belong to one and only one category) in mind: **non-declinable** ~ indeclinable (*mukakuhenkashi* 無格変化詞), **declinable** (*yūkakuhenkashi* 有格変化詞), **conjugable** (*yūkatsuyōshi* 有活用詞), and **structural auxiliary words** (*gyōsōshi* 形相詞, “function words” without lexical meaning), with the subclassification of conjugables into three subcategories: verbs (*dōshi* 動詞), “adjectives” (*keiyōshi* 形容詞), and one-element-only “copula” (*keishi* 繫詞).

Contrary, however, to the materials on the phonetic, phonemic, and “conjugable” components of the language and the fragmentary description of its one sociolect mentioned above and in fn. 23, no material on “declinables” from the said pile of

taigen and 用言 *yōgen* are definitely more precise when understood and translated respectively as ‘substantives’ (not as ‘the indeclinable parts of speech in Japanese’, ‘uninflected word’ or ‘a general term for nouns, pronouns, and numerals in Japanese’: *taigen* are declinable) and ‘conjugables’.

²⁶ “In studies on language/grammar, in practice everything that was described in a grammar first of Dutch, and later more and more frequently and increasingly from English, had to have its equivalent found in the substance of Japanese and be given exactly the same form of description as in the Western source. [...] the effect was ubiquitous and overwhelming, a burden affecting not only the discipline but also school children in Japan until these days”, (2003:277).

²⁷ “This terminology consists largely of early Meiji-period literal translations for English or Dutch grammatical terms, which were then quite indiscriminately applied to Japanese grammatical categories or relationships on the basis of their translated “equivalents”. Thus, if a Japanese word could be translated by what was in English called an adjective, then the Japanese word itself was *ipso facto* an adjective and was so called” [Miller 1980: 312]. On the development of descriptive linguistics and Japanese grammar in Japan see [Hattori 1967].

notes has been published (possibly, “not intended for publication” without further study). Hence, this writer would like to avail himself of the opportunity given by the invitation to contribute to this Festschrift to unveil below, in the possibly shortest summary, the so-far missing information about, and documentation of, research on the structure of the Japanese language in AMU DLAA — first of all to complement the expiatory accounting for the extreme delay in the publication of CWBP and somehow strengthen justifying the reasons behind the delay (“how happened, what caused that the four years stipulated in the “Publication Agreement” ” as quoted above “turned into forty years?”).

The eclectic semi-academic language of the text was conditioned by such factors like *genre* (live lecturing), *audience* (predominantly native speakers of Slavonic languages), *state of the art in the discipline* (“research in the making”, terminological proposals like [Haspelmath 2009]²⁸ were to appear much later), *curricula* (cf. above) and has been deliberately preserved here.

Japanese declension paradigm (1987–8)

- wa* focus-attenuative case marker (*attenuativus*, minifyer, diminisher, reducer), in grammars rather not categorized as case marker but as syntactic subject (~ topic ~ *datum*) indicator in spite of evident belonging to the same paradigm as all (?) other categorial markers listed here; it *backgrounds* ~ *subdues* the semantics of the preceding vehicle of the lexical meaning;
- mo* focus-augmentative case marker (*augmentativus*, focus magnifyer ~ amplifier); it *foregrounds* ~ *highlights* the semantics of the preceding vehicle of the lexical meaning (N-*wa* and N-*mo* constitute a semic antonymous minimal pair, see e.g. the visual explanation in Martin 1991: 70, cf. also the ambiguity of *A-mo B-mo yobu*, *ib.*, 66);
- ga* emphatic subject case marker (on -*ga* cf. Martin 1991: 38–39);
- o* accusative case marker (*accusativus*);
- ni* locative case marker (*locativus*);
- de* instrumental case marker (*instrumentalis* ‘through the medium of’, ‘using ...’, cf. *pen-de kaku* ‘write with a pen ~ use a pen to write with’, *kami-de tsukuru* ‘make ... out of paper ~ use paper to make ...’, *heya-de odoru* ‘dance in the room’ = ‘use the room to dance in it’);
- e* allative (*allativus*, directional) case marker (direction ‘to’ ~ ‘into’);
- to* comitative case marker (*comitativus*, denoting relationship of accompaniment ‘together’, ‘with’);
- no* genitive ~ possessive case marker (*genitivus possessivus*);
- ya* exemplificatory ~ exemplificative case marker;

²⁸ This writer had at his disposal its preprint dated 2006.

-*nado* exemplificatory case marker 2, glued to the last “example” provided, becoming thus sort of “confix” reinforcing exemplification expressed with -*ya* with the meaning ‘and so on’, ‘and other (similar items)’;

-*kara* ablative case marker (*ablativus* ‘from’, ‘starting point’, separation);

-*made* destinative case marker (*allativus destinativus*, ‘till’, ‘until’, ‘up to’);

-*yorī* comparative case marker (*casus comparativus* [‘more’ or ‘less’, depending on the context] ‘... than’);

-*hodo* comparative 2 case marker (*casus comparativus* 2, ‘to the extend of ~ that...’);

-*ka* alternative case marker (*casus alternativus* implying choice ‘or’).

Connectivity of case markers as exemplified by the following overheard and recorded response: *Ōsaka-e-no-wa sambamme desu* [‘as far as the train to] Ōsaka [is concerned, it departs from platform] number 3’ has also been studied).

The other very important reason to make the above public was to explain this writer’s excitement and satisfaction, expressed at the beginning of the present text, with the publication of the 172-page Jabłoński monograph in 2022 on the case as a grammatical category in Japanese authored by AMU former student, and currently professor, of Japanese studies. This, for this writer, means that the seed planted 38 years ago and arduously tended, also to some extent *at the cost of the CWBP delay*, was worth planting, and that the Japanese studies at AMU are doing well and have a lot to offer to contribute to the Kiyose’s “new approach” trend in Japanese grammar studies.

This text is not to be a review of [Jabłoński 2022]; therefore, this writer will — just for comparison — quote only Jabłoński’s list of Japanese cases, recommending, however, the book (needless to say, discussing also many case-related issues like serial case exponents, case marker dropping, word limit in Japanese or “peripheral phenomena” included, to end with “conclusions and further perspectives”) as offering a model argumentation against “uninflective-ness” of Japanese declinables and proposing the following fifteen-case paradigm: nominative, thematic (-*wa*), rhematic (-*ga*), distinctive (-*mo*), enumerative (-*to*), exemplificative (-*ya*), interrogative (-*ka*), vocative (-*yo*), genitive (-*no*), accusative (-*o*), instrumental (-*de*), locative (-*ni*), terminative (-*made*), allative (-*e*), ablative (-*kara*)²⁹.

The title of Jabłoński’s recent paper for presentation at the *Manggha and Manga: Many Faces of Japan* Conference (Cracow, October 3–5, 2024) “Mor-

²⁹ Entries “Deklinacja *Kakuhēnka* 格変化” [declension] and “Wyraz *Gokei* 語形” [word] are also recommended to be consulted to readers who prefer or can cope with Polish in [Jabłoński 2021a: 1/153–160] and [Jabłoński 2021a: 3/221–223], respectively.

phology versus Script. The Anti-Morphological Attitude in Grammatical Descriptions of Japanese” firmly suggests continuation.

Now the time for the questions mentioned in the first paragraph of the present text, the most frequent among them addressed to its author invariably being: *when will the CWBP Nivhgu volume be finally published?*

Sitting down to compose this text forced this writer to engage in time consuming fact-finding and -verifying in archives which was painstaking but brought about a feel of awarding relief: we were indeed far behind the initial schedule with CWBP but we actually succeeded in carrying out all the resolutions of the 1987 Publication Agreement, even with at least some 60% surplus (albeit within four volumes instead of five), with sending the final proofs of vol. 4 to Mouton de Gruyter offices in Berlin with our *imprimatur* at the beginning of autumn 2011. The contract does not even mention the ethnonym~glottonym <Nivhgu> in any form (cf. fn. 15).

Among, also mentioned above, extensive worldwide quest “discoveries”, the most impressive were Piłsudski’s journalistic texts, enormous amounts of postal correspondence (letters, postcards), but for ICRAP and CWBP and for further research the most important and precious, and at the same time the least expected³⁰ were a 399-page manuscript of fieldwork notes and other smaller with notebooks recording Nivhgu texts with partial translations.

Piłsudski’s journalism survived primarily in the form of correspondence from Japan to Vladivostok Russian newspaper *Priroda i lyudi Dalnyago Vostoka* concerning Japan, and to a much smaller degree, other countries like China or Mongolia in Japanese contexts between February 19 and July 9, 1906. Bronisław continued this form of press reporting for several years (until 1910) after his departure from Japan (July 1906), evidently on the basis of sources resulting from his lasting direct and reliable contacts within the country and with persons well-informed and well-versed in current developments there; four such texts (including one on Ainu shamanism) appeared in Moscow’s *Ruskiya Vedomosti* in 1908–1909, and at least fourteen in Polish-language newspapers and journals between 1907–1910.

Access to those texts required a decision about whether they deserved research and academic publication, and — if yes — whether they should be included in a consecutive volume of CWBP. The conclusion was that “they did constitute valuable and interesting material and therefore should be treated as historical

³⁰ In spite of the fact that Piłsudski himself listed among “the material [he] brought with [him] from Sakhalin” 320 pages of ethnographical notes on the Nivhgu, 285 pages of Nivhgu texts, and “a little less” Nivhgu (than “over 10,000 Ainu”) lexical items (words), cf. CWBP 1, 217.

documents, an eyewitness testimony concerning the events and processes taking place in Japan in 1906, one of the crucial years in Japan's modern history, and in the years that followed. Yet, the opinion prevailed that the material deviated too much from the planned contents and genre of the entire CWBP edition³¹, and thus a proposal emerged to prepare it in form of a separate monograph³².

Significant parts of Piłsudski's epistolary output, often very important for scholarship (like correspondence between Leo Shternberg and Piłsudski or letters to Japanese writer — “father of the contemporary Japanese literary language” Futabatei Shimei) were also published separately for the same reasons.

As far as Piłsudski's materials recording the Nivhgu and their language, folklore and culture are concerned, texts and photos known to ICRAP entered CWBP vols. 1 and 3, texts (re)discovered were in their significant portions circulated in various forms and editions (facsimile included) of preprints or state-of-the-art version publications like e.g. [Piłsudski 1991, 1992, 1995, 1996, 1999, 2003], or Nitkuk 1999–2008 transcripts and translations from Piłsudski's fieldwork notebooks. Comprehensive bibliographical material following the pattern adopted for CWBP, indices, appendices, photo selection, even front matter with the table of contents (see Appendix below) do exist. Decipherments and transliterations of manuscripts are also at least at a very advanced level — the scholarly world owes it in first and foremost place of course to Katia, our *Iubilata*. What is lacking or standing on the way of CWBP Nivhgu volume to materialize?

Time. And support.

³¹ After all, published in the series *Trends in Linguistics. Documentation*.

³² In the meantime, the texts which had appeared in the Russian press in Vladivostok and Moscow were released in book form as Piłsudski 2012, and their entire collection in Polish as [Majewicz 2020] (cf. also its summary 2020a).

Appendix: CWBP-5 (planned)

[Dedication page frontispiece photo]

Preface

Editorial Note on the Ethnonym and Glottonym Nivhgu~Nivkh

Introduction

Acknowledgments

Chronology of Bronisław Piłsudski's stay in the Far East (addenda)

Bibliography of works consulted

Bibliography of biographical material concerning and related to B. Piłsudski (addenda)

Appendix I

Appendix II

Bibliography of works by B. Piłsudski (addenda)

Selected bibliography of works on peoples investigated by B. Piłsudski and on related problems (addenda):

- a. General
- b. Ainu
- c. Nivhgu
- d. Tungusic
- e. Orok
- f. Ulcha
- g. Nanai

Abbreviations

[ILLUSTRATIONS]

I. Introductory

Bronisław Piłsudski and the Nivhgu (*Vladislav M. Latyshev*)

The Nivhgu Language as Recorded by Bronisław Piłsudski (*E. Gruzdeva*)

II. Traditions ~ Mythical Texts

Introduction

Nivhgu ~ Nivkh Texts

Commentaries and Notes

Russian Translation (with titles introduced by *A. B. Ostrovskiy*)

English Translation

III. Songs and Poetry

Introduction

Nivhgu ~ Nivkh Texts

Commentaries and Notes

Russian Translation (introduced by *Y. S. Nitkuk, T. P. Roon, V. M. Latyshev*)

English Translation

[ILLUSTRATIONS]

IV. Sakhalin Nivhgu ~ Nivkh Glossary

Introduction

The Glossary

V. Suggestions concerning the program of physical upbringing of Nivhgu (~Nivkh) children

Introduction

The Suggestions

[ILLUSTRATIONS]

[Appendices]

1. *Tusu kuru*
2. Lithuanian Crosses // Les croix Lithuaniennes
3. Alp Pasturage Stock Farming in the Tatra Mountains in Poland // Almen-Viehzucht im Tatra-Gebirge in Polen
4. Poles in Siberia // Les Polonais en Sibérie
5. The Historical Museum in Bern
6. Tatra Museum in Zakopane — Aims and Ways of Managing the Ethnographical Section
7. Statuts de l'Association "Comité général de secours pour les victimes de la guerre en Lithuanie"
8. Turkey and Japan
9. What They Say about Us in the Land of the Rising Sun; Futabatei Shimei — an Obituary
10. Education in the Far East — Schools in China
11. Women Feminists in China
12. The Ethnographic Section at the 12th Congress of Russian Natural Historians and Medical Doctors in Moscow, in Dec. 1909 – Jan. 1910, According to Reports in the Russian Press
13. Concerning the Congress of Polish Ethnographers
14. Reviews by Bronisław Piłsudski
15. Reviews of Bronisław Piłsudski's *Materials...* of 1912
16. A picture of Swiss Culture (the Historical and Ethnographical Museums in Neuchâtel)
17. Report on the Museum of the Society for the Study of the Amur Region for 1900 [Отчет по Музею Общества изучения Амурского края за 1900 г.]
18. [missing] School report (cf. CWBP 1, 681–690)
19. Weather reports as recorded in Rykovskoye on Sakhalin in 1895–1896.

The case of Japanese case: a birthday layer cake with the collected works

List of illustrations

Notes

Indices

 Personal names

 Place names

 Index of words

 Ainu

 Nivhgu

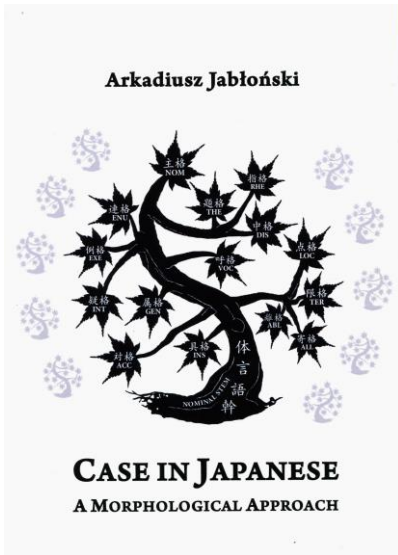
 Reverse index

 Russian

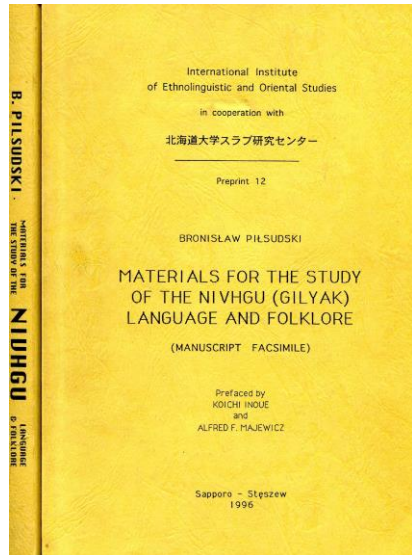
 Latin

 Polish

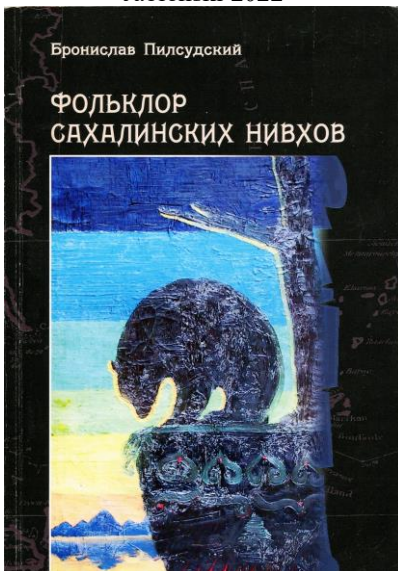
 Subject index



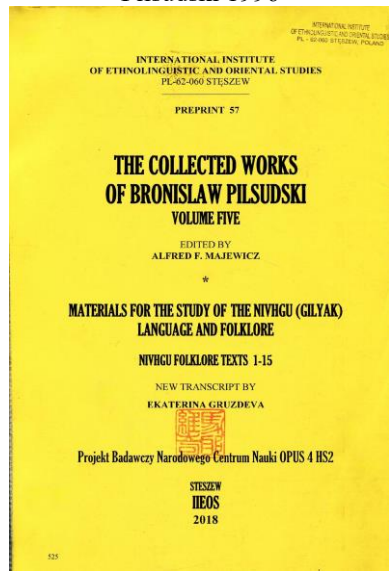
Jabłoński 2022



Piłsudski 1996



Piłsudski 2003



CWBP 5, version 2018

References and related abbreviations

- AMU Press — Wydawnictwo Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza // Adam Mickiewicz University Press.
- Asakura T., Ifukube T. (eds.). 1986. *Piusutsuki rokuon rōkan kenkyū-no ayumi* [Documentation of the research on B. Piłsudski's phonographic records]. Sapporo: Hokkaidō Daigaku Ōyō Denki Kenkyūjo, 168-179.
- 朝倉利光 伊福部達編集 1986。ビウスツキ録音蠟管研究の歩み。札幌：北海道大学応用電気研究所。
- Austerlitz R., Nakagawa Ch. (storyteller), Murasaki K. (ed.) 1992. *Giryaku monogatari* [Nivhgu traditions]. Sapporo: Hokkaidō Shuppan Kikaku Sentā.
- 中村チヨ・口述 / 村崎恭子・編 1992。ロバート・アウステリッツ・採録 著。ギリヤークの昔話。札幌：北海道出版企画センター。
- Browarczyk M., Majewicz A. F. 2002. *Information Bulletin of the Chair of Oriental Studies (1994-2001)*. Poznań: AMU Chair of Oriental Studies.
- 環太平洋の「消滅に瀕した言語」にかんする緊急調査研究 (領域代表：宮岡伯人宮岡伯人)。吹田市。
- CWBP 1998–2011 — The Collected Works of Bronisław Piłsudski.
- Gruzdeva E. 1994. O materiałach archiwalnych Bronisława Piłsudskiego w Sankt-Petersburgu [On archival materials of Bronisław Piłsudski in St. Petersburg]. *Przegląd Humanistyczny* 2. Warsaw, 127–131.
- Gruzdeva E. 2001. Nivkh Folklore Texts Collected by B. Piłsudski: an Introduction to Linguistic Description. In: Majewicz A. F., Wicherkiewicz T. (eds.). *Bronisław Piłsudski and Futabatei Shimei — an Excellent Chapter in the History of Polish-Japanese relations*. Materials of the Third International Conference on Bronisław Piłsudski and His Scholarly Heritage, Kraków – Zakopane, 29 August – 7 September 1999. Poznań, 245–258. (Linguistic and Oriental Studies from Poznań. Monograph Supplement 7).
- Gruzdeva E. 2001a. B. Piłsudski's Collection of Nivkh Folklore Texts in St. Petersburg. In: Murasaki K. (ed.) *Recording and Restoration of Materials of Minority Languages — Sakhalin Ainu and Nivkh Languages*. Kyoto, 47–68. (Endangered Languages of the Pacific Rim Publications Series A2-009).
- Haspelmath M. 2009. Terminology of case. In: Malchukov A., Spencer A. (eds.). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: Oxford University Press, 505-517.
- Hattori Sh. 1967. Descriptive Linguistics in Japan. In: Sebeok T. A. (ed.). *Current Trends in Linguistics. Volume II. Linguistics in East Asia and South East Asia*. The Hague, Paris: Mouton, 530-584.
- Jabłoński A. 2020. Description of the nominal elements of Japanese: proposition of a synthetic approach. In: Jarosz A., Jaworowicz-Zimny A. (eds.). *Japan: Fictions and Reality*. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 127–139.

- Jabłoński A. 2021. *Japanese Nominal Elements as Abandoned Parts of Speech*. Poznań: Wydawnictwo Rys.
- Jabłoński A. 2021a. *Polski leksykon japońskich terminów gramatycznych* — ポーランド語の日本語文法用語事典 [Polish lexicon of Japanese grammatical terminology in three volumes]: 1. A–K, 2. L–R, 3. S–Z. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika.
- Jabłoński A. 2022. *Case in Japanese. A Morphological Approach*. Poznań: Wydawnictwo Rys.
- Kan S. 2005. Bronisław Piłsudski's Scholarly Legacy Recovered: Review Essay. *Arctic Anthropology* 42/2, 95–98.
- Katō K., Kotani Y. (eds.) 1987. Piusutsuki shiryō-to hoppō shosuminzoku bunka-no kenkyū — Bronisław Piłsudski's Materials on Northern Peoples and Cultures. *Bulletin of the National Museum of Ethnology Special Issue no. 5*. Suita, Osaka: National Museum of Ethnology.
- 加藤九祚・小谷凱宣編 1987. ピウスツキ資料と北方諸民族文化の研究。国立民族学博物館研究報告別冊5号。
- Kiyose G. N. 1989, 1993. *Nihongo bumpō shinron — hasei bumpō josetsu* [A New Approach to Japanese Grammar]. Tōkyō: Ōfū.
- 清瀬義三郎則府著 1993. 日本語文法新論 — 派生文法序説。東京: おうふう (桜楓社)。
- Kiyose G. N. 1995. *Japanese Grammar. A New Approach*. Kyoto University Press.³³
- Kokusai Gakuyūkai Nihongo Gakkō (eds.) 1970 vol. 1, 1969 vol 2. *Nihongo dokuhon* [Japanese language reader]. Tōkyō: Kokusai Gakuyūkai.
- 国際学会友日本語学校著作編者1969–70。日本語学習書・日本語読本一二。東京: 国際学会友。
- Kotański W. 1973. *Teksty do nauki pisma japońskiego dla I roku* [First-year course in Japanese script]. Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego.
- Kotański W. 1976. *Drugi stopień nauki pisma japońskiego* [Course in Japanese script, level 2]. Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego.
- Kotański W., Okazaki Ts. 1980. *Teksty do nauki pisma japońskiego. Skrypt dla studentów II roku japonistyki* [actually, revised Kotański 1973; cf Okazaki 1981]. Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego.
- Lpos 1983. — Ten years of the Institute of Linguistics at the Adam Mickiewicz University, Poznań, Poland (1973-1983). *Lingua Posnaniensis* 26, 9–40.
- Majewicz A. F. 1977. On B. Piłsudski's unpublished Ainu material. *Hoppō Bunka Kenkyū // Bulletin of the Institute for the Study of North Eurasian Cultures Hokkaido University* 11, 83–94, with Erratum in *Lingua Posnaniensis* 22 (1980), 122.

³³ The advanced-level texts in volumes 3 and 4 of the reader have no interword spaces.

- Majewicz A. F. (ed.). 1998. *The Collected Works of Bronisław Piłsudski. Vol. 1. The Aborigines of Sakhalin*. Berlin–New York: Mouton de Gruyter.
- Majewicz A. F. (ed.). 1998. *The Collected Works of Bronisław Piłsudski. Vol. 2. Materials for the Study of the Ainu Language and Folklore (Cracow 1912)*. Berlin–New York: Mouton de Gruyter.
- Majewicz A. F. 2003. Categorizing the Japanese lexicon. A Proposal with a background. In: Bauer B. L. M., Pinault G.-J. (eds.). *Language in Time and Space. A Festschrift for Werner Winter on the Occasion of his 89th Birthday*. Pp. 271–85.
- Majewicz A. F. (ed.). 2004. *The Collected Works of Bronisław Piłsudski. Vol. 3. Materials for the Study of the Ainu Language and Folklore 2*. Berlin–New York: Mouton de Gruyter.
- Majewicz A. F. (ed.). 2011. *The Collected Works of Bronisław Piłsudski. Vol. 4. Materials for the Study of Tungusic Languages and Folklore*. Berlin–New York: Mouton de Gruyter.
- Majewicz A. F. (ed.). *The Collected Works of Bronisław Piłsudski. Vol. V. Materials for the Study of the Nivhgu (Gilyak) Language and Folklore*. Berlin–Boston: Mouton de Gruyter.
- Majewicz A. F. 2017. K zaversheniju izdanija *Sobranija sochinenij Bronislawa Piłsudskogo* — sodержanie tomov 1–4 i plan sodержanija pjatogo toma. In: Shcheglov V. V., Ilyina N. Yu. (eds.). *Iz veka v vek... Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii, posvjaschennoj 120-letiju otkrytija pervogo muzeja na Saxaline, 1 sentjabrja 2016 g.* Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalin Regional Museum, 68–81. [Concluding the edition of *The Collected Works of Bronisław Piłsudski* — contents of vols. 1–4 and planned contents of vol. 5.].
- Majewicz A. F. 2020. *Japonia późnych lat okresu Meiji oczyma Bronislawa Piłsudskiego* [Late Meiji Japan as Seen by Bronisław Piłsudski with over 260 photos]. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, under preparation.³⁴
- Majewicz A. F. 2020a. Japan in Late Meiji Years as Seen by Bronisław Piłsudski, with remarks concerning the reception of Piłsudski's legacy appended. In: Jarosz A., Jaworowicz-Zimny A. (eds.) *Japan: Fictions and Reality*. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 421–454.
- Majewicz A. F., Majewicz E. 2016. Przekracza granice dyscyplin — 40 lat prac nad dziełami zebranymi Bronislawa Piłsudskiego [40 years of poring over B. Piłsudski's *Collected Works*]. *Bulletin de la Société Polonaise de Linguistique* 72, 59–81.
- Majewicz A. F., Wicherkiewicz T. (eds.). 2001. Bronisław Piłsudski and Futabatei Shimei — an Excellent Chapter in the History of Polish-Japanese Relations. *Ma-*

³⁴ Limited distribution of fragmentary preprints (of varying and growing volume) for personal use among collaborators and supporting institutions between 2011–2018.

- terials of the Third International Conference on Bronisław Piłsudski and His Scholarly Heritage, Kraków-Zakopane 29/8–7/9 1999. Adam Mickiewicz University Press. (Linguistic and Oriental Studies from Poznań. Monograph Supplement 7).
- Martin S. E. 1991. *A Reference Grammar of Japanese*. Rutland, VT; Tokyo: Charles E. Tuttle Company.
- Miller R. A. 1980. *The Japanese Language*. Tokyo: Charles E. Tuttle Company.
- Murasaki K. (ed.) 2001. *Recording and Restoration of Materials of Minority Languages — Sakhalin Ainu and Nivkh Languages*. Kyoto. (Endangered Languages of the Pacific Rim Publications Series A2-009).
- 村崎 恭子編2001。少数民族言語資料の記録と保存 —樺太アイヌ語とニヴフ語—。吹田市:環太平洋の言語。
- Nitkuk E. S. 1999. Alakhtund iz tetradi N 1 B. O. Pilsudskogo iz arkhiva E. A. Kreynovicha [Ancient Nivhgu songs of the *alakhtund* genre from the first fascicle of B. Piłsudski's notebook with Nivhgu songs left with the archives of Y. A. Kreynovich]. *Bronisław Piłsudski Heritage Institute Bulletin* 3. Yuzhno-Sakhalinsk, 3–11.
- Nitkuk E. S. 2000a. Tretja tetrad' B. O. Pilsudskogo iz arkhiva Ye. A. Kreynovicha [The third fascicle of B. Piłsudski's notebook with Nivhgu songs left with the archives of Ye. A. Kreynovich]. *Bronisław Piłsudski Heritage Institute Bulletin* 4. Yuzhno-Sakhalinsk, 5–15.
- Nitkuk E. S. 2001. Tetrad' N 4 B. O. Pilsudskogo iz arkhiva Ye. A. Kreynovicha [The fourth fascicle of B. Piłsudski's notebook with Nivhgu songs left with the archives of Ye. A. Kreynovich]. *Bronisław Piłsudski Heritage Institute Bulletin* 5. Yuzhno-Sakhalinsk, 3–14.
- Nitkuk E. S. 2002. Pjataja tetrad' B. O. Pilsudskogo iz arkhiva Ye. A. Kreynovicha [the fifth fascicle of B. Piłsudski's notebook with Nivhgu songs left with the archives of Ye. A. Kreynovich]. *Bronisław Piłsudski Heritage Institute Bulletin* 6. Yuzhno-Sakhalinsk, 3–13.
- Nitkuk E. S. 2004. Shestaja tetrad' B. O. Pilsudskogo iz arkhiva Ye. A. Kreynovicha [The sixth fascicle of B. Piłsudski's notebook with Nivhgu songs left with the archives of Ye. A. Kreynovich]. *Bronisław Piłsudski Heritage Institute Bulletin* 8. Yuzhno-Sakhalinsk, 3–11.
- Nitkuk E. S. 2005. Pesni iz tetradi N7 B. O. Pilsudskogo iz arkhiva Ye. A. Kreynovicha [the seventh fascicle of B. Piłsudski's notebook with Nivhgu songs left with the archives of Ye. A. Kreynovich]. *Bronisław Piłsudski Heritage Institute Bulletin* 9. Yuzhno-Sakhalinsk, 3–21.
- Nitkuk E. S. 2006. Vos'maja tetrad' B. O. Pilsudskogo iz arkhiva Ye. A. Kreynovicha [The eighth fascicle of B. Piłsudski's notebook with Nivhgu songs left with the archives of Ye. A. Kreynovich]. *Bronisław Piłsudski Heritage Institute Bulletin* 10. Yuzhno-Sakhalinsk, 4–15.

- Nitkuk E. S. 2008. Zakljuchitel'naja tetrad' B. O. Pilsudskogo iz arkhiva Ye. A. Kreynovicha [The ninth fascicle of B. Piłsudski's notebook with Nivhgu songs left with the archives of Ye. A. Kreynovich]. *Bronisław Piłsudski Heritage Institute Bulletin* 12. Yuzhno-Sakhalinsk, 3–31.
- Okazaki Ts. 1981. *Trzeci stopień nauki pisma japońskiego. Skrypt* [Course in Japanese script, level 3]. Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego.
- Ostrovskiy A. B. 2003. Introduction. In: Piłsudski B. *Mirovozzrencheskiye modeli nivhov* [Nivhgu worldview models]. Yuzhno-Sakhalinsk: Bronisław Piłsudski Heritage Institute, 3–12.
- Piłsudski B. 1991. Mifologicheskije teksty nivkhov [Mythological texts of the Nivhgu, retrieved from manuscripts and edited by A. B. Ostrovskiy]. *Local history bulletin* 3. Yuzhno-Sakhalinsk, 8–52.
- Piłsudski B. 1992. *Bronisław Piłsudski's Sakhalin Nivhgu glossary*, prepared for print and edited by Ostrovskiy A. B., Majewicz A. F. Stęszew: International Institute of Ethnolinguistic and Oriental Studies. Preprint 2. Also in: Iam Thongdee et al. (eds.) 1996. *Pan-Asiatic Linguistics. Proceedings of the Fourth International Symposium on Languages and Linguistics, Volume IV*. Mahidol University at Salaya, Institute of Language and Culture for Rural Development. Pp. 1554-78, and in Yuzhno-Sakhalinsk: Bronisław Piłsudski Heritage Institute Bulletin 11 (2007), 6-17.
- Piłsudski B. 1995. Teksty nivkhov (iz neopublikovannogo nauchnogo nasledija B. Pilsudskogo) [Unpublished Nivhgu texts, translated from Nivhgu by N. Ya. Tanzina and V. N. Sachgun, prepared for print and introduced by A. B. Ostrovskiy]. *Local history bulletin* 4. Yuzhno-Sakhalinsk, 124–50.
- Piłsudski B. 1996. *Materials for the study of the Nivhgu (Gilyak) Language and Folklore (Manuscript Facsimile)*. Prefaced by K. Inoue, A. F. Majewicz. Sapporo: Hokkaidō Daigaku Surabu Kenkyū Sentā [Hokkaido University Slavic Research Center]; Stęszew: International Institute of Ethnolinguistic and Oriental Studies.
- Piłsudski B. 1999. *Materials for the study of the Nivhgu (Gilyak) Language and Folklore (Manuscript Facsimile) II*. Stęszew: International Institute of Ethnolinguistic and Oriental Studies.
- Piłsudski B. 2002. Folklore sakhalinskikh nivkhov [Sakhalin Nivhgu folklore]. *Bronisław Piłsudski Heritage Institute (Bulletin)* 6. Yuzhno-Sakhalinsk, 14–99.
- Piłsudski B. 2003. *Folklore saxalinskix nivkxov* [Sakhalin Nivhgu folklore]. Yuzhno-Sakhalinsk: Bronisław Piłsudski Heritage Institute, Sakhalinskoje knizhnoje izdatel'stvo.
- Piłsudski B. 2012. *Japonskije zametki* [Notes from Japan]. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalin Regional Museum.
- Rodriguez I. 1604. *Arte da lingoa de Iapam*. Nangasaqui: Collegio de Iapão da Companhia de Iesv.

- Sakikawa Sh. 1987. *Rōkan-no uta. Aru Karafuto ryūkeisha-no sokuseki* [Songs of wax phonographic cylinder recordings — tracing a certain Sakhalin exile]. Sapporo: Hokkaidō Shimbunsha.
- 先川信一郎 1987。ロウ管の歌。ある樺太流刑者の足跡。札幌: 北海道新聞社。
- Sangi V. M. 2000. *Saharin Nivufu monogatari* [Sakhalin Nivhgu stories]. Sapporo: Hokkaidō Shimbunsha.
- V. サンギ 2000。サハリン・ニヴフ物語。札幌: 北海道新聞社。
- Swienko H. 1973. *Antropologia społeczna Bronisława Piłsudskiego* [Social anthropology of B. Piłsudski]. *Prace Instytutu Nauk Ekonomiczno-Społecznych Politechniki Warszawskiej. Filozofia* 4. Warsaw, 85–117.

Илья Грунтов¹, Ольга Мазо²

*Институт языкознания РАН, Москва¹, Томский национальный
исследовательский медицинский центр РАН¹;
Тель-Авивский университет²*

НЕКОТОРЫЕ ХАМНИГАНСКИЕ ЗАГАДКИ ИЗ СОБРАНИЯ Ц. ЖАМЦАРАНО И ИХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ¹

*Илүү та:бурі келулчі, та:барін олон болтубай!
Скажи больше загадок, пусть будет больше отгадок!*
хамниганский текст из полевых записей Ц. Жамцарано

Хамнигана поймать не смог
Бурятская загадка

1. Введение

В 2022 году по результатам работы в Институте восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург) авторами были изучены архивные записи Ц. Жамцарано, сделанные им летом 1911 года у хамниган Забайкалья [Ф. 62, оп. 1, ед. хр. 19 ИВР РАН, далее Жамцарано 1911]. Среди этих записей особый интерес представляют хамниганские загадки, записанные им у ламы Дугар-Агвана Цыденова, 70 лет в Ульхинском дацане. Этот дацан находился при устье реки Мокон, притока Онона (в районе современного поселка Ульхун-Партия Кыринского района Забайкальского края).

Ц. Жамцарано делал свои записи в полевых условиях, и не всегда его почерк читается однозначно. Переводы для загадок он не приводит. В настоящей статье мы рассмотрим несколько из записанных им (и ранее неопубликованных) загадок, у которых есть параллели в фольклоре других монгольских и/или тюркских народов, снабдим их переводом и комментарием к их лексическим, фонетическим и графическим особенностям.

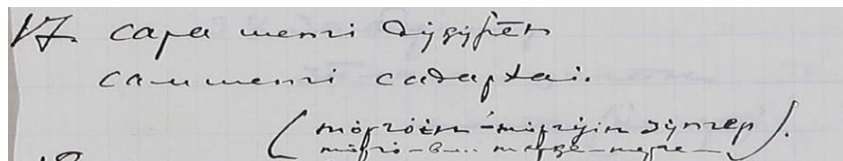
¹ Работа поддержана грантом Российского научного фонда №22-64-00060, <https://rscf.ru/project/22-64-00060/>.

2. Общие особенности функционирования загадок

У монголоязычных народов существовало несколько областей бытования загадок. Как интеллектуальное состязание между группами детей или взрослых оно включало элемент продажи/покупки проигравших. Продажа заключается в произнесении определенной формулы, в которой перечисляются различные предметы, которые выигравшие получают взамен (примеры из бурятского и монгольского фольклора см. [Базаров 1902а: 2–3; Бардаханова 1992: 161; Mikos 2020: 178–181; Castren 1857: 228–229]. Похожий обычай встречается и у алтайцев, причем неотгадавшего продают старикам, калекам или лентяям [Укачина 1981: 12]. Аналогичное продаже осмеяние проигравшего и полная реконструкция процесса загадывания приводится в материалах И. И. Попова по донским калмыкам [Мирзаева 2020]. Загадки были также частью свадебного состязания сторон, см., например, [Бардаханова 1992: 153; Борджанова 2007: 198, 204]. Одним из источников загадок был особый женский язык, возникший из-за широко распространенного у народов Евразии запрета называть родственников мужа по имени. Если имена совпадали с названием предметов, то требовалось заменить название предмета каким-либо иным. На эту связь обратил внимание, в частности, В. Котвич при публикации калмыцких загадок [Котвич 1905: 22]. Загадки также часто включаются в сказочные сюжеты как элемент испытания, например, сказочный мотив АТ 875 *The clever peasant girl* (по каталогу Аарне-Томпсона) или М39аба Умная невестка и пленный хан; N13. Девочка-ножницы (по каталогу Ю. Е. Березкина, Е. Н. Дувакина) (подробнее о мотивах бурятских сказок см. [Бардаханова 1992: 163–166]).

3. Загадка 1

Первая из рассматриваемых в нашей статье загадок имеет в рукописи Ц. Жамцарано номер 17 [Жамцарано 1911: 81] и записана следующим образом:



(1)

сара шенгi дугур`е:н
луна как круглый
сам шенгi садарха

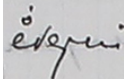
гребень как редкий
 (tórɣ-óin -mí(?)/ɣɣ-úin зунгер
 телега-GEN телега-GEN колесо
 tórɣó-в?? тёрге - турге -)
 телега телега телега

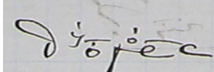
Перевод:

‘круглый как луна
 редкий как гребешок
 (колесо телеги)’.

В скобках Ц. Жамцарано приводит отгадку с несколькими вариантами записи. По-видимому, он сам был не до конца уверен, как правильно транскрибировать слово ‘телега’, восходящее к прамонгольскому **tergen*. Представляется, что для идиома, который записывал Ц. Жамцарано, была характерна сильная огубленность на месте исторического прамонгольского гласного **e*. В современных хамниганских говорах рефлексы данного звука различны. В говоре, распространенном на территории Китая губной характер этого звука настолько явен, что можно говорить о фактической перестройке всей системы вокализма таким образом, что рефлекс прамонгольского **ö* совпал с рефлексом прамонгольского **ü* в едином звуке *и*, тогда как рефлекс **e* дал в современном языке *ө*. Ю. Янхунен [Janhunen 2005: 22] предлагает другую интерпретацию. Не отрицая губного характера данного хамниганского гласного, он все же предпочитает на фонемном уровне записывать его как *e*. Эта лабиализация варьируется у хамниган Китая, в Тарбальджее, и у хамниган Монголии от слегка лабиализованного среднезаднего высокого звука *e̞* до закрыто-среднего центрального лабиализованного *ө*. Этот лабиализованный звук отражается как *ө* в наших записях хамниган Китая, и преимущественно как *e̞* у хамниган Монголии. Это означает, что в последнем случае сильная лабиализация *e* не привела к изменению качества звука, в отличие от ситуации в речи хамниган Китая [Gruntov et al. 2025: 15].

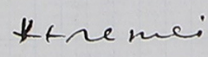
Это не единственное место в корпусе загадок, где Ц. Жамцарано пытается передать на письме губной звук на месте **e*, например:

- (2)  *eberni* ɣɣ-3SG.POSS ‘его ɣɣ’ [Жамцарано 1911: 81], ср. бур. *эбэр* [Черемисов 1973: 753], халха *эвэр* [БАМРС IV: 395];
- (3)  *mire* ‘она’ [Жамцарано 1911: 79], ср. бур. *тэрэ* [Черемисов 1973: 457], халха *тэр* [БАМРС III: 293];

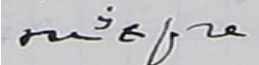
(4)  *dō:pre:c* ‘сверху’ [Жамцарано 1911: 87], ср. бур. *дээрэнээ* [Черемисов 1973: 220], халха *дээрээс* [БАМРС II: 120], и многие другие примеры.

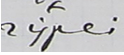
С другой стороны, во многих случаях он записывает в аналогичной ситуации букву «е» или «є» без указания на огубленный характер соответствующего звука:

(5)  *гер* ‘дом’ [Жамцарано 1911: 79],

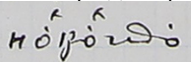
(6)  *келе-теi* язык-СОМ ‘с языком’ [Жамцарано 1911: 79].

Возможно, это отражает некоторую непоследовательность транскрипции Ц. Жамцарано, которую мы наблюдаем и в других местах его записи, ср. следующие примеры, в которых комбинацией знаков «е», «ү», «ó», «ó», «ó» скорее всего передается один и тот же огубленный переднерядный звук верхнего подъема, но разными способами.

(7)  *t^эрге* ‘телега’ [Жамцарано 1911: 85],

(8)  *g^үrei* дом-GEN ‘дома’ [Жамцарано 1911: 82], но

 *g^ór* ‘дом’ [Жамцарано 1911: 83];

(9)  *nó^óbó^óndó* один-DAT.LOC ‘воедино’ [Жамцарано 1911: 81],

(10)  *y^үnd^óg^ó* ‘яйцо’ [Жамцарано 1911: 87].

С другой стороны, в ходе экспедиционных записей хамниганского языка 21 века часто фиксировалась ситуация, при которой при просьбе повторить одно и то же слово три раза, информант произносит слово в трех заметно различающихся вариантах произношения [Gruntov et al. 2025].

Интересна и форма родительного падежа слова ‘телега’. Вариант Ц. Жамцарано соответствует окончанию *-ein* у Ю. Янхунена [Janhunene 1990: 55–56] (с поправкой на огубленность, особо отмечаемую у Ц. Жамцарано), и показывает, что данная основа ведет себя тут так, как будто в ней нет скрытого *-n* основы. Любопытно, что в современном хамниганском тоже встречаются два варианта склонения данного слова, как *n*-основы

и как стандартной основы: *тэргын* колесо-GEN [Дамдинов, Сундуева 2015: 32, 71, 146, 225], но *тэргэнэй* колесо-GEN [Дамдинов, Сундуева 2015: 238, 309, 343], во втором случае перед показателем родительного падежа восстанавливается скрытый *n* основы.

В исследованных нами и нашими коллегами хамниганских говорах слово ‘круглый’ выглядит следующим образом: хамниганы Китая *tugre:ŋ*; Курулга *tugäre:ŋ*; Кыра *tugüre:ŋ*; Тарбальджей *tugäre:ŋ*; Могойтуй *tukr'ə:ŋ*; Токчин *tukirə:ŋ*. В монгольских идиомах хамниганского зафиксированы формы от другого корня: Дадал *dugvi* и Баян-Уул *dugvi / towi* [Gruntov et al. 2025: 22].

Примечательно, что запись слова ‘круглый’ у Ц. Жамцарано в виде *дүбүр'е:n* не соответствует напрямую ни одному из хамниганских говоров. Начальный слабый *t* в этом корне (орфографический *д*) фиксируется в халха-монгольском варианте *дугариг* (с задним рядом гласных) ‘круглый, колесо’ [БАМРС II: 66] наряду с *төгрөг* ‘круглый’ [БАМРС III: 239], ср. также бурятский *дүхэриг* ‘круг’ [Черемисов 1973: 213] с начальным звонким. Серединный слабый *g* отмечается не только у Ц. Жамцарано, но и в китайском хамниганском, курулгинском, кыринском и тарбальджейском идиомах (как и в халха-монгольских вариантах). Интересно, что вариант Ц. Жамцарано не похож и на бурятский *түхэрезэн* ‘круглый’ [Черемисов 1973: 449] и *дүхэриг id*.

В монгольских языках корень ‘круглый’ реконструируется как **tögerig* [Nugteren 2011: 524], однако как указывает Х. Нугтерен там же, бурятская форма *tüxeryee(n)* [Черемисов 1973: 449] и дагурская *tukrye:n* [恩和巴图 1984: 263] позволяют реконструировать форму **tökerien*.

А. В. Дыбо считает, что «скорее всего, в монг. — контаминация *tög/küre-g* с **düyereg* > письм.-монг. *dügerig* > халха *düreg* ‘полный, совершенный’, бур. *дүхэриг* ‘круглый’ и т.д.» [Дыбо 2013: 439], полагая монгольские формы на **t-* тюркизмами от ПТ **tekör-ek* ‘круглый’ (см. также [Щербак 1997: 154]).

Интересно слово *зүңгер* ‘колесо’ (ср. *дзэнгэрез* «колесо» [Дамдинов, Сундуева 2015: 162]; *дзэнгэркү* ‘крутиться, вертеться; разноситься’ [Дамдинов, Сундуева 2015: 162]). Параллели в других монгольских языках нами не обнаружены. В своей работе «Этнолингвистический очерк хамниганского говора» Д. Г. Дамдинов отмечает: «В хамниганском говоре чаще всего употребляются те же слова, что и в монгольском языке; в других говорах бурятского языка встречаются иные соответствия. Например [...] он.хамн. *дзэнгэрез*, *дугиш*, *цагариг*, монг. *дугиш*, *дзэнгэрез*, бур. *сахариг*, *мөөр*» [Дамдинов 1968: 88–89]. При этом в имеющихся в нашем распоряжении словарях монгольского языка соответствующего слова *дзэнгэрез*

обнаружить не удалось (да и форма, в которой ее цитирует Д. Г. Дамдинов, не похожа на монгольскую).

Сравнение ‘редкий как гребешок’ приводится в словарной статье на слово *сам* ‘расческа, гребенка, гребень’: *сам шэнги садархай сахал* ‘редкая, как гребешок, борода’ [Дамдинов, Сундужева 2015: 243].

В ходе экспедиции 2023 года (в составе Е. Груздева, Ю. Янхунен, И. Грунтов, О. Мазо, В. Иванов) мы предлагали эту загадку современным хамниганам Монголии, но они не смогли ее отгадать, предположив, что ответом является молния, которая во время грозы может выглядеть как зубья гребешка.

Рассмотрим параллели в других языках.

Бурятская загадка:

- (11) *хам шэнги харьдагар,*
 гребень как редкий
һара шэнги түхэрээн
 луна как круглый
 (мөөр) [Бардаханова 1982: 136].

Перевод: ‘Решетчатый как гребень, круглый как луна (колесо)’.

В ней компоненты переставлены местами, но сходство очевидно.

См. также у агинских бурят (Ш. Л. Базаров приводит только русский перевод): ‘Как гребенка дыроват, как месяц кругл — колесо’ [Базаров 1902а: 7].

Калмыцкую загадку приводит Б. Д. Муниев в словарной статье на слово *сам* ‘гребень, гребенка; расческа’ [Муниев 1977: 438]:

- (12) *сам-ла эдл сегркэ*
 гребень-СОМ как редкий
сар-ла эдл төгрэ
 луна-СОМ как круглый
 (терг-нэ төгэ
 телега-GEN колесо)

Перевод: ‘Решётчатый, как гребешок, кругленький, как луна (колесо телеги)’.

Есть эта загадка и у халха-монголов, но с несколько другим ответом:

- (13) *сар шиг дугаргий*
 луна как круглый
сам шиг садархай
 гребень как редкий
 (тооно) [Жачин, Долзодмаа 2023: 173].

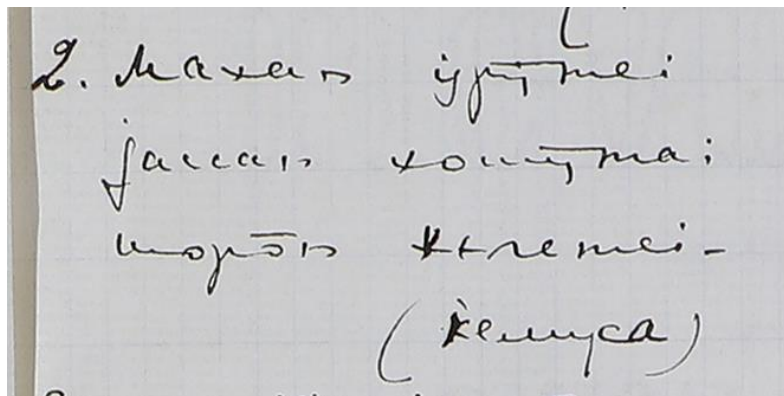
В фольклоре шира-югуров (КНР, провинция Ганьсу) эта же загадка встречается с совсем другим ответом:

- (14) *sara fəŋgə tɯgreg*
луна как круглый
sam fəŋgə sadʒərqai
гребень как редкий

Ответ: головной убор с кисточками [保朝鲁, 贾拉森 1988: 264].

4. Загадка 2.

В рукописи Ц. Жамцарано она имеет номер 2 [Жамцарано 1911: 79].



- (15) *махан- уру: -теi*
мясо-АТТР челюсть-СОМ
jaccan- хошу: -таi
кость-АТТР морда-СОМ
шоро: -н келе: -теi
земля-АТТР язык-СОМ
(к'емуса)

Перевод: С мясной челюстью, с костяной мордой, с земляным языком (ноготь)

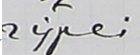
Слово *уру:* 'челюсть' фонетически отличается от бурятского когната *ургэн* (которое, по-видимому, является письменно-монгольским литературным заимствованием в бурятском) и от халхасского литературного *эрүү* [БАМРС IV: 431] (при письменно-монгольском *ereɣ, ereɣɣɪn*), но совпадает с цонгольским *уруу* 'челюсть' [Будаев 1965: 182] и разговорным халхасским *уруу* [БАМРС III: 423].

В слове *jaccan* 'костяной' Ц. Жамцарано записал удвоенный «с», который обычно не фиксируется в данном слове. Ср. записанные в [Gruntov et al. 2025: 8] варианты для слова 'кость' по хамниганским идиомам:

хамниганы Китая *jahon*, Дадал *jaso*, Баян-Уул *jasə*, Курулга *jasə*, Кыра *jasə*, Тарбальджей, Могойтуй *jasə*, Токчин *jasə*.

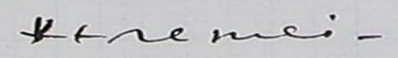
Стоит отметить особое написание первого гласного в слове *келетеи* ‘с языком’, отличающегося от стандартного *e*. Эта буква встречается

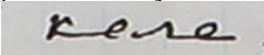
изредка в рукописи, как самостоятельно ( *seji*: ‘войлок’ [Жамцарано 1911: 82]), так и в составе лигатур, обозначающих огублен-

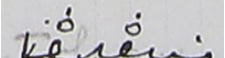
ность ( *gyrei* дом-GEN ‘дома’ [Жамцарано 1911: 82]).

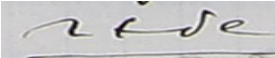
В транскрипции конца 19 – начала 20 века лингвисты часто использовали разные буквы для передачи более переднего и узкого *e* и более центрального знака, предположительно соответствующего в IPA звуку *ɤ*. Ср., например, обсуждение в [Поппе 1933: 112–117], где Н. Н. Поппе сравнивает различные принятые транскрипции, в том числе транскрипцию Ц. Жамцарано, А. Д. Руднева, Г. Рамстедта, М. А. Кастрена и свою.

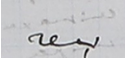
Не вполне ясно, однако, передавало ли графическое различие между этими двумя буквами реальное фонологическое различие или свободные аллофонические варианты произношения. В пользу последней интерпретации говорит то, что иногда разное написание фиксируется в одних и тех же корнях в разных частях рукописи. Ср. следующие примеры:

(16)  *келе-теи* язык-СОМ ‘с языком’ [Жамцарано 1911: 79], но

(17)  *келе* ‘язык’ [Жамцарано 1911: 82] и даже

(18)  *келени* язык-3SG.POSS ‘его язык’ [Жамцарано 1911: 84];

(19)  *гебе* ‘сказал’ [Жамцарано 1911: 88], но

(20)  *гец* ‘говоря’ [Жамцарано 1911: 79].

В хамниганско-русском словаре приводятся три формы слова ‘язык’, отражающие вариативность огубленности по говорам: *кэлү(н)*, *көлө(н)*, *кэлэ(н)* [Дамдинов, Сундуева 2015: 192]. Ср. записанные в [Gruntov et al. 2025: 12] варианты для слова ‘язык’ по хамниганским идиомам: хамниганы

Китая *kələŋ*, Дадал *kələ*, Баян-Уул *kələ*, Курулга *kələ*, Кыра *kələ*, Тарбальджей *kələ*, Могойтуй *kələŋ*, *xələŋ*, Токчин *kələ*.

В слове *k'əmusə* 'ноготь' нарушена гармония гласных. Это заднерядное слово восходит к прамонгольскому **kimul-sun*. По данным хамниганских говоров [Gruntov et al. 2025: 8]: хамниганы Китая *kimohəŋ*, Дадал *kimoso*, Баян-Уул *komos*, *xomos*, Курулга *kumusə*, Кыра *kumusa*, Тарбальджей *kimoso*, Могойтуй *xomosə*, *čomosə*, Токчин *kumusə*. Отсутствие губного гласного у Ц. Жамцарано сближает в данном случае записанный им идиом с идиомами Дадала и Тарбальджея. Дialect китайских хамниган принципиально отличается от идиома, фиксируемого Ц. Жамцарано, тем, что в первом последовательно прамонгольский **s > h*, а во втором **s* сохраняется как *s*.

Мягкий начальный велярный фиксируется в большинстве говоров (с автоматическим смягчением перед *i* или с сохранением смягченного варианта *k'* после перелома (регрессивной ассимиляции) гласного *i*). Одна информантка из Могойтуя даже дала вариант с начальной аффрикатой *č*. См. также *кимусу(н)*, *кимаһон* [Дамдинов, Сундуева 2015: 172]. Сохранение *i* в первом слоге нормально, но переход в *e* не характерен для хамниганского. Возможно, что это след не до конца произошедшего перелома. Видно, что не все хамниганские идиомы фиксируют это слово с переломом. Характерно, что *e* возникшее из **i* не дает огубленности.

Форма слова *махан* 'мясо' в этой загадке тоже может помочь в определении диалектной принадлежности идиома, который записывал Ц. Жамцарано. Дело в том, что в среднемонгольском и письменномонгольском языках форма данного слова — *mikan*. В современных говорах хамниганского языка можно встретить разную рефлексацию данного слова: хамниганы Китая *mikaŋ*, Дадал *тахa*, Баян-Уул *таqа*, Курулга *māха*, Кыра *mīха*, Тарбальджей *тахa*, Могойтуй *māхаŋ*, Токчин *māха* [Gruntov et al. 2025: 10]. В «Хамниганско-русском словаре» приводятся формы *маха(н)*, *миха(н)* (Делюн, Зугалай) [Дамдинов, Сундуева 2015: 201]. Позиция **i* перед **a* приводит в большинстве современных северномонгольских языков к перелому гласного *i*, то есть к его регрессивной ассимиляции. Так, в современном халхасском языке рефлекс этого слова *мах* [БАМРС II: 327]. Однако, хамниганский язык известен архаичностью своей фонетики, очень многие слова, в которых должен был произойти перелом гласного *i*, сохраняют его качество. По формам из говоров видна большая неравномерность данного процесса. В говоре китайских хамниган и в кыринском гласный **i* полностью сохранился, в Могойтуе и Токчине превратился в *a*, но оставил след в виде мягкости на предыдущем согласном, в Курулге дал упреждение гласного. Различаются также и согласные. Прамонгольский смычный характер согласного **k* сохранился в китайском хамниганском,

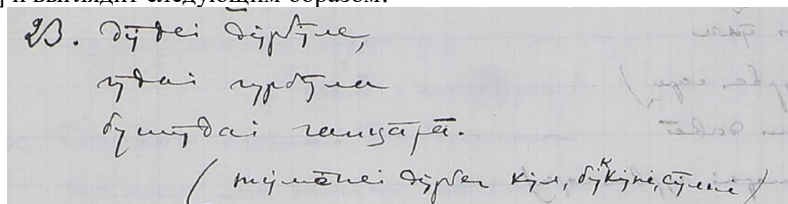
и в говоре Баян-Уул (Монголия), тогда как в остальных говорах наблюдается фрикативизация $k > x$ по бурятскому и халхасскому типу. Таким образом, форма, записанная Ц. Жамцарано, лучше всего соответствует говорам Дадала и Тарбальджея, совпадая с ними как по качеству гласного, так и по твердости начального m и по фрикативизации срединного $*k > x$.

Удалось найти параллели этой загадке еще в одном монгольском языке Китая — хуцзу монгорском (Mongghul) (КНР, провинция Цинхай):

- (21) *dzaga xoci-nə jasə*
 верх рот-GEN кость
do:ro xoci-nə taħa
 низ рот-GEN мясо
ama turo-nə ʕiru:
 рот внутри-GEN земля [清格尔泰 1988: 563].

5. Загадка 3

Следующая загадка имеет у Ц. Жамцарано номер 23 [Жамцарано 1911: 82] и выглядит следующим образом:



- (22) *дү:-dei дүрб-у:л-е,*
 четыре-ANTHR четыре-COLL.NUM-ATTR
гү:-dai гүрб-у:л-а
 три-ANTHR три-COLL.NUM-ATTR
бушу:-dai ганц-а:р-а:
 быстрый-ANTHR единственный-INSTR-ATTR
(түм-е:н-еі дү:рбен күл, бү:кү-ні, сү:л-ні)
 верблюд-GEN четыре нога горб-3SG.POSS хвост-3SG.POSS

Предположительный перевод:

‘Четвертак вчетвером,

Третьяк втроем,

а Шустряк в одиночку.

(Четыре ноги верблюда, его горб, его хвост)’.

Под «втроем», по-видимому, имеются в виду горбы и голова верблюда.

Слова *dy:dei* и *gy:daï* являются окказиональными образованиями от первого слога соответствующих числительных: *дүрбэ(н)* ‘четыре’, *гурба(н)* ‘три’. К ним и к слову *бушуу* ‘быстрый, проворный’ добавляется антропонимический суффикс *-дай*, что превращает их как бы в личные имена. (Ср. такие монгольские имена как Зургаадай от *зургаа* ‘шесть’, Цагаадай от *цагаан* ‘белый’).

Аналогичное окказиональное образование имени от числительного встречается, например, и в следующей халхасской загадке:

- (23) *Арваадай нь жирвээ-дэй-д-ээ*
 десять-ANTHR 3SG.POSS узкий-ANTHR-DAT.LOC-ATTR
өг-нө
 дать-NPST
Жирвээдэй нь нүцгэн-д өг-нө
 узкий-ANTHR 3SG.POSS голый-DAT.LOC дать-NPST
Нүцгэн нь нүхэн-д цөл-нө
 голый 3SG.POSS дыра-DAT.LOC изгонять-NPST
 (*гар, шүд, хэл, хоолой*)
 ‘Десятник дает своему Узкому
 Узкий дает голому
 Голый изгоняет в дыру
 (рука, зуб, язык, горло)’ [Жачин, Долзодмаа 2023: 160].

Арваадай — псевдоимя, образованное от слова *арван* ‘десять’ по вышеуказанной модели. *Жирвээдэй* тоже псевдоимя, образованное от изобразительного глагола *жирвийх* ‘быть узким и ровным’.

В современных говорах хамниганского языка можно встретить разную рефлексацию слова ‘хвост’: хамниганы Китая *hn:l*, Дадал *sn:l*, Баян-Уул *sn:l*, Курулга *su:l*, Кыра *su:l*, Тарбальджей *sn:l*, Могойтуй *hu:l*, *su:l*, Токчин *sn:l* [Gruntov et al. 2025: 12].

Н. Н. Поппе [Поппе 1936: 10] приводит очень похожий вариант этой загадки, записанной у агинских бурят:

- (24) *dy:-dei dyrb-y:l-e:*
 четыре-ANTHR четыре-COLL.NUM-ATTR
go:-doi gurb-u:l-a:
 три-ANTHR три-COLL.NUM-ATTR
so:doi gans-a:r-a:
 торчащий единственный-INSTR-ATTR
 (*teme:ŋ*)

Н. Н. Поппе не приводит перевод загадки. Наш примерный перевод таков:

‘Четвертак — вчетвером
Третьяк — втроем
Торчащий — в одиночку (верблюду).’

При этом слово *go:doi* может указывать не только на связь со словом ‘три’, но и отсылать к изобразительному глаголу *годой-* ‘торчать’ (ср. халха *годойх* ‘торчать, принимать вертикальное положение, подниматься кверху’ [БАМРС I: 412], бур. *годойхо* ‘стоять торчком (в том числе о хвосте)’ [Черемисов 1973: 154]). Это подтверждается и наличием слова *šo:doi*, которое несомненно связано с корнем *шодой-*: халха *шодойх* ‘становиться коротким и тощим (о хвосте); 2) торчать (о коротком хвосте), слегка торчать, выдаваться’ [БАМРС IV: 367], бур. *шодойхо* ‘1) быть тонким и коротким (о хвосте); 2) торчать (о хвосте)’ [Черемисов 1973: 728]. Аналогичную языковую игру с изобразительными глаголами можно предположить и для хамниганского варианта загадки.

Стоит отметить еще и парное слово из монгольско-русского словаря [БАМРС II: 94]: *дүүдэн баадан* ‘верблюд’ (с пометой *детское выражение*), которое может быть связано с той же загадкой. В [БАМРС II: 3] приводится другая загадка про верблюда, в которой встречаются похожие элементы: *дүүдэй дүүдэй дөрвүүлээ, дүүжин даажин хоёулаа, чожин хүүхэн дагавартай онс* ‘четыре братца — ходули, две качели и длинная шея с придатком (мозга) (*тэмээ* верблюд)’.

Ср. также две монгольские загадки [Жачин, Долзодмаа 2023: 141]:

(25) *Дүүдий дүүдий дөрвүүл-ээ*
братец братец четыре-COLL.NUM-ATTR
Дөчин начин хоёула-н
сорок сокол двое-COLL.NUM-ATTR
Ангай хүү урдаа
раскрытый сын спереди
Адг-ийн бяцхан хойноо
конец-GEN маленький позади
‘братец братец вчетвером
Дучин Начин вдвоем
раскрытый сын впереди
Последний маленький позади
(*тэмээ* — верблюд)’

Слово *дүүдий* может означать ‘братец’ как уменьшительное от *дүү* ‘младший сиблинг’, но может опять же быть игровой аллюзией на числительное *дөрвөн* + антропонимический суффикс. Слова *дөчин* (букв. ‘сорок’)

и начин (букв. ‘сокол’) здесь используются в значении игровых имен, а не в буквальном смысле.

- (26) *Дүүдэй баадай дөрв-үүл-ээ*
 братец ?? четверо-COLL.NUM-ATTR
Дөши (дөхий) маши (махий) хоё-ул-аа
 ИМЯ ИМЯ ДВОЕ-COLL.NUM-ATTR
Гахай тавнан ганц-аар-аа
 свинья зять.князя одинокий-INSTR-ATTR
Ганц шодон дагуул-тай
 одинокий торчащий спутник-COM
 ‘Братцы вчетвером
 Души-Маши вдвоем
 Свиной зять князя в одиночку
 с единственным спутником Торчащим.’

Баадай здесь используется как эхо-слово для *дүүдэй*.

Схожую загадку фиксирует Антуан Мостер в фольклоре ордосцев [Mostaert 1937: 394–395, Mostaert 1947]:

- (27) *du:deŋ du:deŋ dörw-u:le:-n* (1);
 ONOMAT. ONOMAT. четыре-COLL.NUM-ATTR
du:-ner kʷu:χχ-et tʰaw-ɣ:la:-n (2);
 младший.брат-PL ребенок-PL пять-COLL.NUM-ATTR
tʃʰigis megis χoj-ɣ:la:-n (3);
 ONOMAT. ONOMAT. два-COLL.NUM-ATTR
tʃʰi mɥ: ɣantʃʰ-a:r-a:-n (4);
 ты плохой один-INSTR-REFL-ATTR

‘Ceux qui sont de haute taille sont quatre (1). Les cadets et enfants sont cinq (2). Ceux qui se meuvent dans un mouvement alternatif et s’entrecroisant sont deux (3). Toi, mauvais [garnement], tu est seul (4).’

1. четыре ноги верблюда. Ср. *du:deŋ du:deŋ ge:d jawɥ-* ‘идти медленным шагом (о животных с длинными ногами)’;

2. ноги и голова верблюда;

3. два горба. Слова *tʃʰigis megis* описывают колебания горбов при движении;

4. хвост.

Ордосский вариант единственный, в котором встречается число пять.

Похожая загадка встречается и у ойратов Синьцзяна [确精扎布 1987: 195–196]:

- (28) *døtæ: døtæ: dørb-y:l-n*
 четыре-ANTHR четыре-ANTHR четверо-COLL.NUM-ATTR

døffyn naʃin xɔj-ɔ:r-n
 имя имя два-COLL.NUM-ATTR
gaɬæ:n kəby:n ɡantʰ-a:r-n
 свинья сын единственный-INSTR-ATTR
arʒgar emgen tɣlæf-tæ:
 шершавый старуха жгущий-COM
tetæ:n
 верблюды
 ‘Братцы вчетвером.
 Дучин и Начин вдвоем.
 Сын свиньи в одиночку
 Морщинистая старуха в качестве истопника.’

Слово *døtæ:* образовано по уже рассмотренной модели: первый слог от числительного *dörben* ‘четыре’ + антропонимический суффикс. Но может быть и похоже на слово ‘братец’. Слова *døffyn* (букв. ‘сорок’) и *naʃin* (букв. ‘сокол’) здесь, как и в загадке (25), используются не в качестве полных слов, а в качестве игровых имен.

Ср. также калмыцкий вариант, приводимый Б. Х. Тодаевой [Тодаева 2007: 547]:

(29) *Деткә Меткә дөрв-үл-н,*
 имя имя четыре-COLL.NUM-ATTR
Аак-ин көвүн һаңц-ар-н,
 мать-GEN сын одиночный-INSTR-ATTR
Аав-ин көвүн хою-р-н,
 отец-GEN сын двое-COLL.NUM-ATTR
Алцһр өвгн түләч-тә.
 кривоногийстарец жгущий-COM
(Темәнә дөрвн көл, толһа, хойр бөкн, сүл).
 ‘Деткя и Меткя – вчетвером,
 Сын матери в одиночестве,
 Сыновья отца – вдвоем,
 Кривоногий старец в качестве истопника.
 (Четыре ноги верблюда, голова, два горба и хвост).’

Подобное описание верблюда (четыре ноги vs голова + горбы) используется в загадке, записанной Н. Ф. Катановым у урянхайцев (имеются в виду тувинцы):

(30) *Tölām mälām mörm-ä:lä!*
 звукоподр. звукоподр. четыре-COLL.NUM

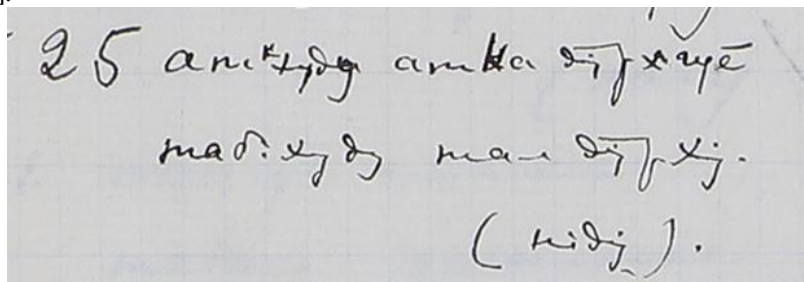
Ўдәм адам үц-ä:lä!
 звукоподр. звукоподр. три-COLL.NUM
 Тәбә-ңиң төрт таман-ы, ігі мөгән-і
 верблюд-GEN четыре нога-3SG.POSS, два горб-3SG.POSS
 паң-ы-білә
 голова-3SG.POSS-COM [Радлов 1907a: 185].
 ‘Делающих тук тук четверо, а торчащих трое. Четыре ноги, два горба и одна голова у верблюда’ [Радлов 1907b: 158].

үдем-адам в тувинско-русском словаре переводится как ‘бредовый, бессмысленный’ [Тенишев 1968: 443]. Ср. также *төлүрө* ‘шаркать ногами’ [Тенишев 1968: 418].

Интересно, что у хамниган и бурят верблюд описывается как состоящий из трех частей, у монголов, ойратов и калмыков — из четырех, а у тувинцев из двух. Ордосский вариант стоит особняком.

6. Загадка 4

Следующая загадка носит у Ц. Жамцарано номер 25 [Жамцарано 1911: 82].



- (31) ат-ху-ду атха дүүрх-х-гүе:
 сжимать-FUT.PTCP-DAT.LOC горсть помещаться-FUT.PTCP-NEG
 табі-ху-ду тал дүүрх-хү
 ставить-FUT.PTCP-DAT.LOC степь помещаться-FUT.PTCP
 (нидү)
 (глаз)

Перевод: ‘Когда сжимаешь, горсть не наполняется
 Когда разжимаешь, степь наполняется
 (глаз)’

Ср. *атхухуда атха дүүркэгүй* ‘фольк. зажмешь в горсть, она не наполняется’ [Дамдинов, Сундуева 2015: 14].

Любопытно, что форма *дү:рхгүе*: представляет собой более редуцированную форму, чем приводимое в современном словаре *дүүркэгүй*, равно как и *атхүдү* является более сокращенным вариантом, чем *атхүхүда*. Вообще говоря, хорошее сохранение кратких гласных непервого слога это одна из самых характерных черт архаичной хамниганской фонетики, поэтому вдвойне примечательно, что в записях начала 20 века зафиксированы редуцированные варианты.

Похожая загадка агинских бурят в переводе Ш. Л. Базарова: ‘Если взять в горсть, — горсть полна; если отпустить, — мир наполняется’ [Базаров 1902а: 3].

Г. Гомбоев [Gombojev 1856: 170] приводит следующий вариант загадки селенгинских бурят:

- (32) *bari-xu-du* *barim* *xur-xu* *үгэт*
 держать-FUT.PTCP-DAT.LOC горсть достигать-FUT.PTCP не
bol-ô
 становится-CVB
tabi-xa-du *tal* *дүр-in*
 ставить-FUT.PTCP-DAT.LOC степь наполнять-NPST
nido
 (глаз)

Перевод: ‘При захвате не заполняет горсть, при отпуске заполняет степь. Глаз.’

Загадка фиксируется и у калмыков:

- (33) *Нүдрман атх-х-ла* *альх-нд*
 кулак сжимать-FUT.PTCP-COM ладонь-DAT.LOC
багт-на,
 помещаться-NPST
Нүдрман салх-х-ла *теег-т*
 кулак разнимать-FUT.PTCP-COM степь-DAT.LOC
багт-х-ш
 помещаться-FUT.PTCP-NEG [Тодаева 2007: 477].

Другой вариант калмыцкой загадки:

- (34) *Бэр-х-д* *бэрм* *күр-х-го*
 хватать-FUT.PTCP-DAT.LOC горсть достигать-FUT.PTCP-NEG
бол-ад,
 становится-CVB
Тэв-х-д *тал* *дүүр-ң.*
 класть-FUT.PTCP-DAT.LOC степь наполняться-NPST
 (Нүдн).

‘Чтоб прикрыть, сжатый кулак не хватает
Как отпустишь, всю степь в себя вмещает. (Глаза).’
[Тодаева 2007: 476].

Ойратский вариант:

- (35) *адха-вал* *альхан* *дүүрeң*,
сжимать-COND ладонь полная
тэв-бел *тала* *дүүрeң*
ставить-COND степь полная
‘сожмёшь — вмещается в ладони,
раскроешь — охватывает всю степь
(нүден глаза)’ [Тодаева 2001: 139].

Также встречается и в шира-югурском фольклоре [保朝鲁、贾拉森 1988: 256]:

- (36) *Bar-sa* *barəṁ* *lə dy:r-nen*
держать-COND горсть не наполнять-NPST
Tal-sa *tala* *dy:r-nen*
отпускать-COND степь наполнять-NPST
нидын
глаз
‘Если держишь, горсть не наполняется. Если отпустишь, степь
наполняется’.

Дагурский вариант:

- (37) *тал'-э:с,* *тал-и:* *ду:р-ку,*
ставить-COND степь-ACC заполнять-FUT.PTCP
хаткула-га:с, *халага-и:* *ул ду:р-эн*
взять.в.горсть-COND ладонь-ACC не наполнять-NPST
(нид)
‘Если откроется, степь охватит, если же закроется, и ладонь не
займет (глаз)’ [Толяева 1986: 116].

Энхбат [恩和巴图 1985: 365] приводит другой вариант этой дагурской загадки:

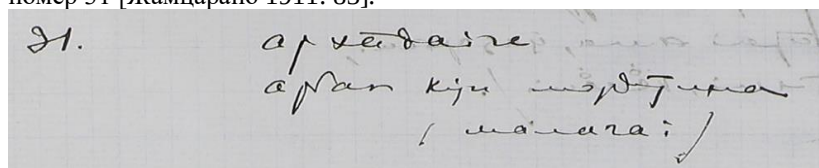
- (38) *xatkʷla:-ya:s* *xatku-i* *ul du:r-ən,*
взять.в.горсть-COND горсть-ACC не наполнять-NPST
tal-e:s *tal-i:* *du:r-k*
ставить-COND степь-ACC заполнять-FUT.PTCP
nid
глаз.

Аналогичные загадки отмечаются у тюрков. См. в алтайском фольклоре:

- (39) *Тут-са* *туда-ча*
 держать-COND горсть-COMP
Лай-за *јалан-ча*
 раскрывать-COND поле-COMP
 (Кѳс)
 (глаза)
 ‘Закроешь ладонью — с горсточку,
 Раскроешь — все поле охватит (глаза)’
- (40) *Кол-го* *тут-са* *тол-бос*,
 рука-DAT держать-COND наполнять-NEG
Јер-ге *сал-за* *бат-пас*
 земля-DAT класть-COND уместаться-NEG
 (Кѳс-лѳ *кѳр-гѳн-и*)
 глаз-INST видеть-PST.PTCP-3SG.POSS
 ‘Возьмешь в руки — в горсть не войдет,
 На землю бросишь — земля не уместит (взгляд)’ [Укачина 1981: 73].

7. Загадки 5 и 6.

Следующие две загадки имеют разные разгадки, но структурно, несомненно, связаны друг с другом. Первая из них имеет у Ц. Жамцарано номер 31 [Жамцарано 1911: 83].

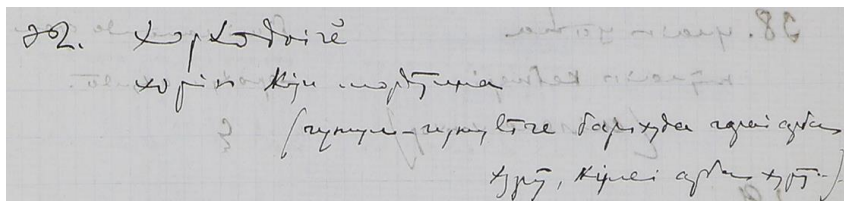


- (41) *арха:ḡai-ге*
 ИМЯ-АСС
арбан *кун* *морд-ул-на*
 десять человек сесть.на.коня-CAUS-NPST
 (ḡaḡaḡai)
 Шапка

Перевод: Архадая 10 человек на коня сажают.

Ответ: шапка.

С этой загадкой непосредственно связана загадка номер 32 [Жамцарано 1911: 83].



(42) *хорходо-гэ*

ИМЯ-ACC

хорін кун мор-д-у:л-на

двадцать человек сажать.на.коня-CAUS-NPST

(*гутул — гутули-ге бари-ху-да гар-аи арбан*

(сапоги — сапог-ACC держать-FUT.PTCP-DAT.LOC рука-GEN десять

хуру:, *күл-еи арбан хуру:*)

палец нога-GEN десять палец)

Перевод: Хорходоя 20 человек на коня сажают

(сапог — когда держат сапог, десять пальцев рук, десять пальцев ног).

Винительный падеж на *-гэ*, зафиксированный у Ц. Жамцарано, должен соответствовать форме винительного падежа на *-gi*, которая приводится в описаниях Д. Г. Дамдинова [1968: 102] и Ю. Янхунена [2005: 34].

В экспедиционных записях Ш. Л. Базарова на старомонгольской письменности:

(43) *aqsaya-dai-yi arban kümün mordu-yul-ba*

ИМЯ-ANTHR-ACC десять человек сесть.на.коня-CAUS-PAST

[Базаров 1902б: 94].

‘Аксагадая проводили в путь 10 человек. — Надевать шапку.’

[Там же: 101].

См. также у агинских бурят (Ш. Л. Базаров приводит загадку только в русском переводе): ‘Архадая десять человек сажают — надевание шапки’ [Базаров 1902а: 4]. Ш. Л. Базаров в примечании отмечает, что «Архадай — слово, заключающее представление огромного, лохматого» [Там же].

Загадка астраханских калмыков:

(44) *A:sa:-gi*

важный.господин?-ACC

Арб-у:лу-н морд-у:л-и

десять-COLL.NUM-ATTR сесть.на.коня-CAUS-CVB

Махлā jмјс-кү

шапка надевать-FUT.PTCP

‘Важного господина проводили в путь десятеро. Надевать шапку.’

[Котвич 1905: 41].

Э. В. Эрдниева (2017: 102) приводит еще несколько примеров этой же загадки у калмыков: «*Аадаг арвулн мордулж / аасаг арвулн мордулж / аавиг арвулн мордулж (махла өмсх)* — провожали вдесятером (надевать шапку)».

Варианты той же калмыцкой загадки:

- (45) *Аав-иг арвн кун морд-ул-ж.*
 дедушка-ACC десять человек сесть.на.коня-CAUS-CVB
 (*Махла өмс-х*).
 (шапка надевать-FUT.PTCP)
 ‘Дедушку проводили в путь вдесятером. (Надевать шапку).’ [Тодаева 2007: 534]

- (46) *Әәд-әг арв-ул-н*
 важный.господин-ACC десять-COLL.NUM-ATTR
морд-ул-ж.
 сесть.на.коня-CAUS-CVB
 (*Махла өмс-х*).
 шапка надевать-FUT.PTCP
 ‘Важного господина проводили десятеро. (Надевать шапку).’
 [Тодаева 2007: 534]

А. Д. Руднев в «Материалах по говорам Восточной Монголии» опубликовал следующую загадку на говоре дурбут-бэйсэ монгольского языка (Внутренняя Монголия, КНР):

- (47) *аха-(й) арван хун*
 старший.брат-ACC десять человек
морд-у:л-нā
 сесть.на.коня-CAUS-NPST
арван хорго:
 десять палец
 ‘Почтенного провожают десятеро. Десять пальцев.’ [Руднев 1911: 5].

Данная загадка встречается и в тюркских языках Сибири. Н. Ф. Катанов записал у урянхайцев (тувинцев) следующую загадку [Радлов 1907а: 160]:

- (48) *Покпак Алдаі-ны оң кіңі аткар-ды*
 бугристый Алтай-ACC десять человек отправлять-PAST
Он сала:-білә пөрт-тү кәт-кән-і.
 десять палец-СОМ шапка-ACC надевать-PST.PTCP-3SG.POSS
 ‘Бугристый Алтай поднят десятию человеками. — Надевание шапки обеими руками.’ [Радлов 1907б: 187].

Есть и хакасская загадка, в которой Н. Ф. Катанов специально оговаривает, что имеется в виду надевание шапки одной рукой:

- (49) *Ораңдай апсах-ты пис кизи*
 ИМЯ старик-ACC пять человек
алтан-дыр-ча
 садиться.верхом-CAUS-PRES
(Пас-ха нөрүк кизир-ген-и)
 голова-DAT шапка надевать-PST.PTCP-3SG.POSS
 [Катанов 1963: 17] (запись в современной хакасской орфографии).

В более раннем варианте, опубликованном В. В. Радловым, загадка, записанная Н. Ф. Катановым, выглядит в чуть иной транскрипции так: *Ораңдай апсакты пес кизи алтандырчә — Паска нүрүк кезиргәңи* [Радлов 1907а: 269].

‘Старика Орандая усаживают на коня пять человек. — Надевание шапки одною рукою на голову’ [Радлов 1907б: 241].

Еще один вариант (с надеванием шапки двумя руками) также фиксируется Н. Ф. Катановым у хакасов:

- (50) *Тора:дай пег-дi он кизи*
 ИМЯ.ANTHR князь-ACC десять человек
алтан-дыр-ча:
 поднимать-CAUS-PRES
[Пү:рүк-тi iккi кол-даң кес-кән-i]
 шапка-ACC два рука-AVL надевать-PST.PTCP-3SG.POSS
 [Радлов 1907а: 313].

‘Князя Торадая десять человек подсаживают на коня [Надевание шапки обеими руками]’ [Радлов 1907б: 286].

Интересно, что в этих загадках шапка надевается двумя руками, в то время как в похожих алтайской, тувинской и хакасской загадках есть вариант надевания одной рукой.

Алтайская загадка, в которой указываются оба способа:

- (51) *Мүнелей-ди беш кижи аткар-ды,*
 ИМЯ-ACC пять человек отправлять-PAST
Обоодой-ды он кижи отургуc-ты
 Имя-ACC десять человек сажать-PAST
(бөрүк кий-ген-и)
 (шапка надевать-PST.PTCP-3SG.POSS)
 ‘Мюнелея отправили пятеро,
 Обоодоя посадили десятеро. (Надевание шапки)’.
 [Укачина 1981: 78].

Зафиксирована эта загадка и в более удаленном географически регионе — в чувашском фольклоре.

(52) *Мӑн аккай пашӑӑкне вунӑн ӗӗкӗсӗсӗ, мӑн пиччи пашӑӑкне пилӗкӗн ӗӗкӗсӗсӗ (хушпу, ӗӗк тӑхӑнни)*

‘Головной убор тетюшки поднимают десятером, головной убор дяденьки поднимают пятером’ (Одевание шапки и хушпу) [Романов 2012: 266].

Наконец, в записях Ш. Л. Базарова на старомонгольской письменности зафиксирована и аналогичная загадка, в которой в качестве объекта оказываются штаны. Относительно этнической атрибуции этой загадки см. примечание 10.

(53) *qorqodai-yi qorin kümün mordu-yul-ba*
ИМЯ.ANTHR-ACC двадцать человек сест.на.коня-CAUS-PAST
(*ömüdü emüsü*)

(штаны надевать) [Базаров 1902б: 94].

‘Хорходя отправил в путь 20 человек. — Надевать штаны.’

[Базаров 1902б: 102].

Любопытно, что во всех этих тюркских и монгольских вариантах имена различаются, но содержат общий антропонимический компонент *-дай*.

8. Заключение

Полевые записи Ц. Жамцарано свидетельствуют о том, что он пытался с максимальной точностью записывать фонетику говора, что зачастую приводило к разным вариантам передачи одного и того же хамниганского слова. В некоторых случаях формы, записанные Ц. Жамцарано, отличаются от материалов, представленных в «Хамниганско-русском словаре» Д. Г. Дамдинова и Е. В. Сундуевой, а также от экспедиционных материалов, собранных у хамниган России, Китая и Монголии, например, *к`емуса* ‘ноготь’, в котором первая гласная возможно объясняется не до конца происшедшим переломом.

В диалекте, на котором написаны загадки, была несомненно выражена огубленность *е*, до сих пор характерная для ряда хамниганских говоров. Особенно ярко она выражена в хамниганском говоре Китая, в меньшей степени в Тарбальджее (Россия) и у хамниган Монголии. Ц. Жамцарано использовал разные способы передачи огубленности *и*, помимо специальных букв, использовал также надписные буквы.

В некоторых словах использована специальная буква *ε* для передачи более центрального знака, предположительно соответствующего в ИРА звуку *э*, однако имеющийся материал не позволяет сделать однозначный

вывод о том, передавало ли графическое различие реальное фонологическое различие или только свободные аллофонические варианты произношения.

Еще одной интересной чертой этих записей является фиксация редуцированных вариантов гласных непервого слога, что считается нехарактерным для хамниганской фонетики, обычно хорошо сохраняющей краткие гласные в непервых слогах.

Можно со всей определенностью говорить, что диалект, на котором были записаны загадки, не является тем диалектом, в котором произошла совместная с бурятским инновация $s > h$ (как у хамниган Китая). В нем хорошо сохраняется прамонгольское начальное и интервокальное *s, как и в говорах российских и монгольских хамниган.

Представленных нами материалов недостаточно для того, чтобы с уверенностью говорить про близость записанного Ц. Жамцарано говора с современными идиомами. Можно только предположить его большую близость к говору Тарбальджея. Полный разбор записей Ц. Жамцарано позволит сделать более надежные выводы о месте записанного им идиома в системе хамниганских говоров.

Интересно, что параллели к хамниганским загадкам встречаются не только в разных регионах монгольского мира (у бурят, монголов, ордосцев, дагуров, калмыков, шира-югуров и хуцзу (монгоров)), но и у соседних тюркских народов (алтайцев, тувинцев, хакасов) и даже далее — у чувашей. Это в очередной раз показывает, что кросс-культурные границы между тюрками и монголами были легко преодолимы для фольклорных сюжетов.

Список глосс

3SG.POSS — притяжательность 3 лица единственного числа; ACC — винительный падеж; ANTHR — антропонимический суффикс; ATTR — атрибутивная форма; CVB — конверб; COLL.NUM — собирательное числительное; COM — совместный падеж; COMP — сравнительная форма, экватив; COND — условное дееспричастие; DAT — дательный падеж; DAT.LOC — дательно-местный падеж; FUT.PTCP — причастие будущего времени; GEN — родительный падеж; HAB — хабитуалис; NEG — отрицание; NOM — именительный падеж; NPST — непрошедшее время; ONOMAT — звукоизобразительное слово; PAST — прошедшее время; PRES — настоящее время; PST.PTCP — причастие прошедшего времени; REFL — возвратное притяжание

Источники

Архивные записи Ц.Жамцарано. Ф. 62, оп. 1, ед. хр. 19 ИВР РАН

Список литературы

- Базаров Ш. Л. 1902а. *Двести загадок агинских бурят. Бурят-монгольская коллекция*. Москва: типо-литография А. В. Васильева и К.
- Базаров Ш.-Лх. Баз. 1902б. Образцы монгольского народного творчества. *Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества*, 14. 1901. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 92–106.
- БАМРС. *Большой академический монгольско-русский словарь*: в 4 т. / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. М.: Academia, 2001–2002.
- Бардаханова С. С. 1982. *Малые жанры бурятского фольклора. Пословицы, загадки, благопожелания*. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство.
- Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог <https://ruthenia.ru/folklore/berezkin/>
- Будаев Ц. Б. 1965. Цонгольский говор. *Исследование бурятских говоров*, 1. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство.
- Дамдинов Д. Г. 1968. Этно-лингвистический очерк хамниганского говора. *Исследование бурятских говоров*, 2. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 74–116.
- Дамдинов Д. Г., Сундуева Е. В. 2015. *Хамниганско-русский словарь*. Иркутск: Оттиск.
- Дыбо А. В. 2013. *Этимологический словарь тюркских языков. Том 9 (дополнительный): Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков*. Астана: ТОО «Prosper Print».
- Жачин Ч., Долзодмаа С. 2023. *Бодож сэтгэхийн ундарга — монгол оньсого*. Улаанбаатар: Битпресс.
- Катанов Н. Ф. 1963. *Хакасский фольклор*. Абакан: Хакаское книжное издательство.
- Котвич В. Л. 1905. Калмыцкие загадки и пословицы. *Издание факультета восточного императорского Университета*, 16, СПб: Типография Императорской Академии Наук.
- Мирзаева С. В. 2020. О народно-бытовой традиции загадывания загадок у донских калмыков (по материалам И. И. Попова). *Oriental Studies* 13(3): 790–803.
- Муниев Б. Д. (ред.) 1977. *Калмыcko-русский словарь*. М.: Русский язык.
- Поппе Н. Н. 1933. *Бурят-монгольское языкознание*. Л.: Издательство Академии наук СССР.
- Поппе Н. Н. 1936. Бурят-монгольский фольклорный и диалектологический сборник. *Труды Института Востоковедения. Образцы народной словесности монголов* 21, т. 5. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР.

- Радлов В. 1907а. *Образцы народной литературы тюркских племенъ. часть IX. Наръчйя урянхайцевъ (сойотовъ), абаканскихъ татаръ и карагасовъ. Тексты, собранные и переведенные Н. О. Катановымъ.* С.-Петербургъ. Тексты
- Радлов В. 1907б. *Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ. часть IX. Наръчйя урянхайцевъ (сойотовъ), абаканскихъ татаръ и карагасовъ. Тексты, собранные и переведенные Н.О.Катановымъ.* С.-Петербургъ. Переводы
- Романов Н. Р. (сост.). 2012. *Ваттисен сѣмахѣсем, каларѣйисем, сутмалли юмахсем / Чувашские пословицы, поговорки и загадки.* Шупашкар: Чаваш кѣнеке издательства.
- Руднев А. Д. 1911. *Материалы по говорам Восточной Монголии.* С-Петербург. Типография В. О. Киршбаума.
- Тенишев Э. Р. (ред.) 1968. *Тувинско-русский словарь.* М: Советская энциклопедия.
- Тодаева Б. Х. 1986. *Дагурский язык.* М.: Наука.
- Тодаева Б. Х. 2001. *Словарь языка ойратов Синьцзяна (По версиям песен «Джангара» и полевым записям автора).* Элиста: Калмыцкое книжное издательство.
- Тодаева Б. Х. 2007. *Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая.* Элиста: Джангар.
- Укачина К. Е. (сост.) 1981. *Алтайские народные загадки.* Горно-Алтайск: Алтайское книжное издательство.
- Черемисов К. М. (сост.) 1973. *Бурятско-русский словарь.* М.: Советская энциклопедия.
- Щербак А. М. 1997. *Ранние тюркско-монгольские языковые связи.* СПб.: Наука.
- Эрдниева Э. В. 2017. Сравнение в калмыцких загадках. *Вестник Калмыцкого университета*, 3, 100–108.
- Castren M. A. M. *Versuch Einer Burjätischen Sprachlehre: Nebst Kurzem Wörterverzeichnis.* St. Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1857.
- Gruntov I., Ivanov V., Mazo O., Syuryun A. 2025. Basic vocabularies of several Khamnigan communities in China, Mongolia and Russia. *Cahiers de Linguistique Asie Orientale.* Netherlands: Brill, 1–43.
- Gombojev G. 1896. Sechzig burjätische Räthsel. *Bulletin de la Classe historico-philologique de l'Académie impériale des sciences de St.-Pétersbourg.* T. XIV N 11, 169–174.
- Janhunen J. 1990. Material on Manchurian Khamnigan Mongol. *Castrenianumin Toimitteita*, 37. Helsinki: Castrenianum.
- Janhunen J. 2005. *Khamnigan Mongol.* Munich: Lincom Europa.
- Mikos R. 2020. *Ambiguity and Abstraction in Mongolian Riddles: An Ethnolinguistic Analysis.* PhD Thesis
- Mostaert A. 1937 *Textes oraux ordos* [Monumenta Serica, Monograph Series 1], Peip'ing: The Catholic University.

- Mostaert A. 1947. *Folklore Ordos. Traduction des Textes oraux ordos*. [Monumenta Serica Monograph 9], Peip'ing: The Catholic University.
- Nugteren H. 2011. *Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages*. Utrecht: LOT.
- 保朝鲁, 贾拉森. 1988. *东部裕固语话语材料*. 呼和浩特: 内蒙古人民出版社.
- 恩和巴图. 1984. *达斡尔语词汇*. 呼和浩特: 内蒙古人民出版社.
- 恩和巴图. 1985. *达斡尔语话语材料*. 呼和浩特: 内蒙古人民出版社.
- 清格尔泰. 1986. *土族语话语材料*. 呼和浩特: 内蒙古人民出版社.
- 确精扎布. 1987. *卫拉特方言话语材料*. 呼和浩特: 内蒙古人民出版社.

Вячеслав Иванов, Аржаана Сюрюн
Институт языкознания РАН, Москва

РАССКАЗ «ПОБЕГ» НА ХАМНИГАНСКОМ ЯЗЫКЕ МАНИДАРИ ГАЛСАНОВНЫ САРИЕВОЙ

1. Введение

Эту историю из детства рассказала Манидари Галсановна Сариева, носительница хамниганского языка, с которой мы работали во время нашей первой экспедиции. Запись была сделана в селе Курулга Акиншинского района Забайкальского края 31 мая 2022 года. Интересом к данному монгольскому языку мы во многом обязаны Екатерине Юрьевне Груздевой, первой руководительнице Научного центра по сохранению, возрождению и документации языков России, созданного в середине 2021 года в Институте языкознания РАН. В этой статье, публикуемой в честь ее дня рождения, мы кратко опишем события, которые привели нас в хамнигановедение, перечислим некоторые свои достижения в изучении языка, а затем так же кратко охарактеризуем некоторые лингвистические особенности хамниганского языка, которые прослеживаются в подготовленном нами тексте.

В 2021 году одной из задач, поставленных в Научном центре, стала оценка задокументированности языков России. Из 48 языков, выбранных для изучения степени задокументированности, самыми незадокументированными оказались 10 языков, в число которых вошел и хамниганский язык [Аралова и др. 2021: 4], долгое время считавшийся диалектом бурятского. Одновременно с этим, сотрудники Научного центра подключились к работе по составлению списка языков России Института языкознания РАН [Коряков и др. 2023]. На момент написания статьи список включает 155 используемых языков, в число которых хамниганский вошел как самостоятельный язык монгольской языковой семьи (ср. версии списка языков 2019–2020 гг.). В 2022 году были начаты документационные проекты по 6 языкам, одним из которых стал проект по хамниганскому языку. Интерес к изучению и документированию хамниганского языка проявили авторы данной статьи: для Аржааны Сюрюн, полевой лингвистики, владеющей тувинским и тофаларским, это дало возможность работать с одним из монгольских языков, а для Вячеслава Иванова, носителя близкородственного бурятского языка, это стало первым опытом работы в поле.

К настоящему моменту за почти 4 года работы хамниганского проекта нам удалось побывать практически во всех местах компактного прожи-

вания хамниган в Забайкальском крае, начиная от с. Алтан Кыринского района и заканчивая с. Зугалай Могойтуйского района. За все время к настоящему моменту собрано более 8000 минут аудио- и видеозаписей устной речи на разных хамниганских говорах, распространенных в Забайкальском крае, из которых расшифровано более 170 минут и опубликовано 3 текста на онлайн-платформе Научного центра¹. Вместе с работой по непосредственной документации хамниганского языка в каждом из населенных пунктов были проведены встречи с представителями локального сообщества, на которых мы рассказали о возможностях сохранения и передачи языка. Материалы по этой части нашей работы доступны также на онлайн-платформе Научного центра, а основные рекомендации оформлены в виде отдельной научной статьи [Иванов, Сюрюн, 2024].

Данный текст был выбран не случайно: Манидари Галсановна является первой носительницей хамниганского языка, проработавшей с нами в течение трех дней в самом начале нашей первой экспедиции в мае — июне 2022 года, и продолжающей работать с нами по настоящее время. В публикуемом рассказе она вспоминает случай из своего детства: о том, как уехала на ферму вместе с дояркой и осталась там на ночь, никого не предупредив, из-за чего очень переживали родители и все жители деревни. Особенно тепло описываются отношения с родителями, их мудрость и безусловная любовь к дочери: отец, найдя ее ночью спящей, отчитал доярку, но не стал будить дочь, чтобы сразу же увезти обратно.

Этот рассказ является первым отгlossированным текстом на идиоме олонских хамниган Забайкалья, который вводится в научный оборот. Принятая в нем кириллическая система письма является проектом письменности для хамниганского языка, которая была разработана авторами настоящей статьи по итогам обсуждений с хамниганским сообществом и консультаций с другими учеными: Ильсей Грунтовым, Юхой Янхуненом, Ольгой Мазо, Владой Барановой и Екатериной Груздевой. Непосредственно глоссированный текст выполнен в фонетической транскрипции с опорой на конвенции Международного фонетического алфавита с некоторыми отступлениями от него: так, аффрикате [tʃ] соответствует графема «с», [tʃ] — «щ», [d͡ʒ] — «ж», [d͡ʒ] — «з». Постальвеолярный фрикативный [ʃ] обозначается как «ш».

В данном предисловии не представляется возможным подробно описать все лингвистические особенности представленного текста. Ограничимся

1 Документация хамниганского языка. Онлайн-платформа «Ревитализация и документация языков России». <https://mnogoyaz.iling-ran.ru/project/documentation-khamnigan-language/front>

перечислением лишь некоторых из них: для ононского хамниганского характерен преимущественный порядок слов SOV, лично-числовое согласование с субъектом, аккузативный строй, агглютинация, высокая продуктивность причастных и деепричастных форм. Также следует обратить внимание на примеры фонологической адаптации заимствований из русского языка. Помимо русских вставок, типа междометия *ну*, слов *жерди*, *езде*, *тоже*, *даже*, встречаются также такие слова, как *dajɑ:rk* ‘доярка’ (хамн. *сааличин*), *kɑ:rɔβ* ‘короб’ (хамн. *хайрцаг*), *ʃəf'ɔ:r* ‘шофер’ (хамн. *жилоочи(н)*), *f'e:rt* ‘ферма’, *palu.tərkə* ‘полуторка’, *p'e:cin* ‘печка’. Адаптация этих заимствований происходит не в полной мере: так, например, в данных словах присутствует не характерная для хамниганского языка фонема /f/, которой при полной фонетической адаптации соответствует фонема /p/. То же самое можно сказать и про фонему /k/ в словах с гласными заднего ряда, которой в данном контексте должна была соответствовать /χ/. Пожалуй, единственным проявлением системной адаптации под хамниганскую фонологическую систему является соответствие долгих хамниганских гласных ударным гласным русского языка. Кроме того, некоторые из данных заимствований имеют хамниганские аналоги, которые, используются для передачи этих же значений в других родственных монгольских языках (прежде всего в бурятском и халхасском). Таким образом, неполная фонологическая адаптация вкупе с использованием заимствований при наличии хамниганских аналогов говорит о том, что все современные носители языка владеют русским языком, что отражается в использовании транслингвальных практик в их речевом репертуаре.

Этот текст мы дарим всему сообществу хамниган, всему лингвистическому сообществу и персонально Екатерине Юрьевне, открывшей нам дорогу к исследованию хамниганского языка.

2. Условные обозначения

Abl — аблатив, Acc — аккузатив, Aug — аугментатив, Caus — каузатив, Com — комитатив, Cond — условное наклонение, Cvb.Ant — разделительное деепричастие, Cvb.Circ — слитное деепричастие, Cvb.Sim — соединительное деепричастие, Dat.Loc — датив-локатив, Gen — генитив, Hort — гортатив, Imp — императив, Ins — инструменталис, Intrj — междометие, Lat — латив, Neg — отрицание, Part — частица, Pl — множественное число, Poss — личное притяжание, Poss0 — безличное притяжание, Prog — прогрессив, Prs — настоящее время, Pst — прошедшее время, Ptcp.Fut — причастие будущего времени, Ptcp.Ipf — имперфективное причастие, Ptcp.Perf — перфектное причастие, Ptcp.Semel — однократное причастие,

Rus — заимствование из русского языка, Supp — супплетивная основа, Vblz — вербализатор, Voc — вокатив, 1Sg — первое лицо единственное число, 3Sg — третье лицо единственное число, 3 — третье лицо, /// — оговорка, Ø — нулевая морфема.

3. Глоссированный текст

- (1) Ото...

отә...

всегда

‘Всегда...’

- (2) Ну... байрагуй күн байгаави, ото байрагуй.

ни.. baira-γui кыт bai-ка.-i, отә

RUS место-NEG человек быть-PTCP.IPF-1SG всегда

baira-γui.

место-NEG

‘Ну... непоседливым человеком я была, всегда непоседливым.’

- (3) Ииш тышеэ... гурван жилтыдөө тэргилсэнби, мэдэнгүй тэргил-
вэви гэжи, мэдэнгүй.

i:š ti:ši: ... курбан žil-ti:-d-ø:

сюда туда три год-COM-DAT.LOC-POSS0

terg'il-sem-b'i, mødø-η-gui

убежать-PTCP.PERF-1SG знать-CVB.CIRC-NEG

terg'il-βe-i gi-ži, mødø-η-gui.

убежать-PST-1SG говорить-CVB.SIM знать-CVB.CIRC-NEG

‘Туда сюда... В три года я сбежала, сама того не понимая, сбежала.’

- (4) Нэгэ... кэнииги.. даяаркыги.. Дугвимаа эгэчииги мэкэлөөд, ...
кэлөөви: «Битэнэ...»

nege ... ken'-i:g'i .. daja:rk-i:g'i .. Duγβ'ima: egeč-i:g'i

один кто-ACC доярка-ACC Дугвимаа тетя-ACC

møkø-l-ø:t, ... kel-ø:-i : "b'i=ten ..."

обман-VBLZ-CVB.ANT сказать-PTCP.IPF-1SG 1SG=POSS.2PL

‘Однажды кого.. доярку.. по имени Дугвимаа эгэчи, я обхитрила и сказала: «Я...»’

- (5) Цар тэргөөр явагчисан тэрэчини.. юү... фээрмыгөө, тэрэ, Таала-
чируу.

car terg-ø:r jaβa-kč=san ter=čín'i ..
бык телега-INS идти-PTCP.SEMEL=PART.PST 3SG=POSS.2SG
jw: ... f'e:rm-e:-ge:, tere, Ta:lače=ru:
что ферма-ACC-POSS0 3SG Талача=LAT

‘Она ехала на телеге, запряженной быком, на ферму, в Талачу.’

- (6) Би мэкэлөөви, кэлөөви: «Намада ижиимини, авамини.. яагаан...
кэлөөн: “Зөө, тэрэ, кат... катаацажи очи, тэрэ,.. тэргөөр”».

b'i məkə-l-ə:-i, kəl-ə:-i :
1SG обман-VBLZ-PTCP.IPF-1SG сказать-PTCP.IPF-1SG
«nama-da iži:=m'in'i, aβa=m'in'i ..
1SG.SUPP-DAT.LOC мать=POSS.1SG отец=POSS.1SG
ja:-ka:-ŋ ... kəl-ə:-n : “žə:, tere ,
что.делать-PTCP.IPF-3 сказать-PTCP.IPF-3 хорошо 3SG
kat- .. kata:ca-ži əči-Ø, tere , .. terg-ø:r”».
/// кататься-CVB.SIM идти-IMP 3SG телега-INS

‘Я обхитрила ее, сказав: «Мне мама с папой, это... сказали: “Ну, иди покатайся на телеге”»’.

- (7) Уртагзай жерди тэрэ, тар... цар тэргэндэ кооробой цаана байгаа.

urta-gžai ze:rd'i tere, tar-.. car
длинный-AUG жерди 3SG /// бык
terge-nde kə:rəβ-əi ca:na bai-ka: .
телега-DAT.LOC коробка-GEN за быть-PTCP.IPF

‘Длиннющие жерди были у этой телеги за коробом.’

- (8) Тэрөөн дөөрэни суугаал ла, голой цаана очезви.

terə:n də:re=n' su:-ka:l=la, kəl-əi
3SG.SUPP на=POSS.3 садиться-CVB.ANT=PART река-GEN
ca:na əč-e:-i .
за идти-PTCP.IPF-1SG

‘Села на них и поехала за реку.’

- (9) Хоёр гол үнгүркэдэни,.. ээ, буугаад, гүйжи очезд: «Дугвимаа эгэчи,
намада.. ижи авамини.. кэлөө: “Зөө, очи, тэрэ Дугвимаатай”
гэжи».

χəjir kəl ɯŋɣur-ke-de=n'i ,.. e: ,
два река пройти-PTCP.FUT-DAT.LOC=POSS.3 ээ

bu-ka:t, *gni-ži* *əč-e:t* :
 приземлиться-CVB.ANT бежать-CVB.SIM идти-CVB.ANT
 «*Duyβ'ima: egeč-e:*, *pama-da .. iži:*
 Дугвимаа тетя-VOC 1SG.SUPP-DAT.LOC мать
aβa=m'in'i .. kəl-ə:-Ø : “*žə:*, *əči-Ø*,
 отец=POSS.1SG сказать-PTCP.IPF-3 хорошо идти-IMP
tere Duyβ'ima:-tai” *gi-ži*.
 3SG Дугвимаа-COM говорить-CVB.SIM

‘Когда проехали две реки, я спрыгнула и побежала: «Дугвимаа эгэчи, мне мама и папа сказали: “Езжай с Дугвимой”».’

- (10) Тыгөөд тэрэни: «Зөө», — тымэ күгшин байгаа, — «Зөө, яагаахаданил, явае», — и тэрэ Таалачин фээрмэ аваачеэ, энэ, хаданай цааши.

ti:g-ə:t *tere=n'* : “*žə:*”, —
 делать.так-CVB.ANT 3SG=POSS.3 хорошо
ti:m kukšem bai-ka:-Ø, — “*žə:*..
 тако старая.женщина быть-PTCP.IPF-3 хорошо
 й
ja:-ka: =χada=n'i=l, *jaβa-ji*”, —
 что.делать-PTCP.IPF=COND=POSS.3=PART идти-NORT
i ter Ta:lač-i:n f'e:rm-Ø aβa-č-e:-Ø,
 RUS 3SG Талача-GEN ферма-LAT братъ-PTCP.IPF-3
ene, *χada-nai ca:-š*.
 этот гора-GEN за-LAT

‘И она сказала: «Хорошо», — такая была старушка, — «Хорошо, как бы там ни было, поехали», — и отвезла меня на ферму в Талачу, за горой.’

- (11) Бүкүлү сүнэз Хурулгын зонгууд намай бидэрөөн.

bikyl'i sɯn'-e χurulɣ-i:n žəŋ-gu:t nam-ai
 весь ночь Курулга-GEN люди-PL 1SG.SUPP-ACC
b'idir-ə:-ŋ.
 искать-PTCP.IPF-3

‘Всю ночь жители Курулги искали меня.’

- (12) Холоос юкөөгөөр... ну... везде бидэрөөн намайги.

χəl-ə:s ju:kə:-gə:r ... nu v'iz'd'e b'idir-ə:-n
 далекий-ABL всякое-INS RUS RUS искать-PTCP.IPF-3
nam-aigi.
 1SG.SUPP-ACC

‘Издадека, на всяком разном... ну, везде искали меня.’

- (13) Тыгөөд Николай ахай, тымэ күвүүн байсан, Николай гэжи..
Цыцыков, тоже түрүлмини, кэлөө: «А би Маанидариинги хара-
санби, цар тэргөөр Дугвимаа эгэчитэй очисон хайшичивэдөө»

ti:g-ø:t, *N'ikalai* *χai*, *ti:m* *kuβu:m*
делать.так-CVB.ANT Николай дядя такой мальчик
bai-san, *N'ikalai* *gi-ži*..
быть-PTCP.PERF Николай сказать-CVB.SIM Цыцыков
to:ʒ *tʉrʉl=m'in'i*, *køl-ø:-Ø* : “*a*
RUS родственник=POSS.1SG говорить-PTCP.IPF-3 RUS
b'i *Ma:n'idar'-i:g'i* *χara-sam-b'i*, *car*
1SG Манидари-ACC видеть-PTCP.PERF-1SG бык
terg-ø:r *Duyβ'ima:* *egeč-tei* *əč-səŋ-Ø*
телега-INS Дугвимаа тетя-COM идти-PTCP.PERF-3
χaiš=č=βe=dø: ”.
куда=PART=Q=PART

‘И вот был Николай ахай, был такой парень, Николай Цыцыков,
тоже мой родственник, он сказал: «А я видел, как Манидари
ехала куда-то на телеге с Дугвимой эгэчи».’

- (14) Тыгөөд, Тэгши ахай гэжи күн байгаа.

ti:g-ø:t, *Tegše* *χai* *gi-č*
делать.так-CVB.ANT Тэгшэ дядя сказать-CVB.SIM
kuɪ *bai-ka:-Ø*.
человек быть-PTCP.IPF-3

‘И вот был еще человек по имени Тэгши ахай.’

- (15) Тэрэ Тэгши ахаймана аватайм... ну.. полуторка... шофёр байгаа.

Ter *Tegše* *χai=mana* *aβa-tai=m* ...
e
3SG Тэгш дядя=POSS.1PL отец-COM=POSS.1SG
ə
nu .. *palu:tərkə* ... *šəf'ə:r* *bai-ka:-Ø*.
RUS RUS RUS быть-PTCP.IPF-3

‘Этот Тэгши ахай вместе с папой... ну, он был водителем полу-
торки.’

- (16) Тыгөөд тэрэ, аватаймини... очсэд, тэрэ, Таалачи намай олоон.

<i>ti:g-ə:t</i>	<i>tere</i> ,	<i>aβa-ti:=m'in'i ...</i>
делать.так-CVB.ANT	3SG	отец-COM=POSS.1SG
<i>ɔč-e:t</i> ,	<i>tere</i> ,	<i>Ta:lač-Ø</i>
идти-CVB.ANT	3SG	<i>nam-ai</i>
<i>ɔl-ɔ:-ŋ</i>		Талача-DAT.LOC
находить-PTCP.IPF-3		1SG.SUPP-ACC

‘И вот он поехал с моим папой и нашел меня в Талаче.’

- (17) Ой, там это, Дугвимаа эгэчийги харезгаан, а би мэдэнгүй, тэрэ.. пэчин дөөрэнил унтаави.

<i>oi</i> ,	<i>tam</i>	<i>etə</i> ,	<i>Duyβ'ima:</i>	<i>egeč-i:g'i</i>	<i>χar'e:-ka:-n</i> ,
RUS	RUS	RUS	Дугвимаа	тетя-ACC	ругать-PTCP.IPF-3
<i>a</i>	<i>b'i</i>	<i>məðə-ŋ-gu:</i> ,		<i>tere</i>	<i>p'e:čin</i>
RUS	1SG	знать-CVB.CIRC-NEG		3SG	печка
<i>də:re=n'i=l</i>			<i>unt-a:-i</i>		
на=POSS.3=PART			спать-PTCP.IPF-1SG		

‘Ой, там это Дугвиму эгэчи наругал, а я, ничего не зная, спала у нее на печке.’

- (18) Даже мэдэнгүйчи.

daze *møde-ŋ-gɯi=či* .
 RUS знать-CVB.CIRC-NEG=PART
 ‘Даже не зная.’

- (19) Үглөөдэртэни... Чимууха эгэчи гөөд, тымэ күгшин байгаа.

<i>ʔuglə:der-te=n'i ...</i>	<i>Čimu.x</i>	<i>əgeči</i>	<i>g-e.t,</i>
завтра-ДАГ.ЛОС=ПОСС.3	Чимуха	тетя	сказать-CVB.ANT
<i>ti:me ..</i>	<i>kukšem</i>	<i>bai-ka:-Ø.</i>	
такой	старая.женщина	быть-РТСР.ІPF-3	
‘Назавтра... Чимуха эгэчи, такая бабушка была.’			

- (20) Чимууха эгэчи намайги опять тэрэл цар тэргөөр гэртэмини сөөргөө...

<i>Čimux</i>	<i>əgeči</i>	<i>nam-aigi</i>	<i>ap'a:t'</i>	<i>tere=l</i>
Чимуха	тетя	1SG.SUPP-ACC	RUS	3SG=PART
<i>car</i>	<i>terg-ə:r</i>	<i>ger-te=m'in'i</i>		<i>sə:rgə: ...</i>
бы	телега-INS	дом-DAT.LOC=POSS.1SG		обратно
к				

‘Чимуха эгэчи меня опять на этой же телеге обратно...’

- (21) А.. ээ.. тэрэ, Тэгши ахай аватай намай сэреэгөөгүйн, хайрлаан.
a: .. e: .. tere , Tegše xai aβa-ti:
 aa ээ 3SG Тэгшэ дядя отец-COM
nam-ai ser'-e:-gø:-үни-η ,
 1SG.SUPP-ACC просыпаться-CAUS-PTCP.IPF-NEG-3
xair-l-a:-η .
 сострадание-VBLZ-PTCP.IPF-3
 ‘А Тэгши ахай с отцом не стали будить меня, пожалели.’
- (22) Тыгөөд юү... үглөөдэртэни.. намайги.. ацарва, Хурулгыги.
ti:g-ø:t jн: ... uglø:der-te=n'i ..
 делать.так-CVB.ANT что завтра-DAT.LOC=POSS.3
nam-aigi .. acar-ba-Ø , xurulk-aig'i .
 1SG.SUPP-ACC приносить-PST-3 Курулга-ACC
 ‘И вот назавтра меня отвезли в Курулгу.’
- (23) Гэртэм ацарва Чимууха эгэчи.
ger-te=m acar-ba-Ø Ćimu:x øgeçi .
 дом-DAT.LOC=POSS.1SG приносить-PST-3 Чимууха тетя
 ‘Домой ко мне привезла Чимууха эгэчи.’
- (24) Тыгөөд... очижайжи бодонови: «Ну, наверно намай шивхадахан» гэжи.
ti:g-ø:t ... öči-žai-ži bødø-nø-i :
 делать.так-CVB.ANT идти-PROG-CVB.SIM думать-PRS-1SG
 “*nu , nav'ern nam-ai šaβxada-xa-n*”
 RUS RUS 1SG.SUPP-ACC хлестать-PTCP.FUT-3
ge-ži .
 сказать-CVB.SIM
 ‘И вот пока ехала, думала: «Ну, наверное меня отшлепают».’
- (25) Ирэкэдэм, кэнчи намай шивхадаагүй.
jire-ke-de=m , ken=če nam-ai
 приходит-PTCP.FUT-DAT.LOC=POSS.1SG кто=PART 1SG.SUPP-ACC
šaβxad-a:-gni-Ø .
 хлестать-PTCP.IPF-NEG-3
 ‘Когда приехала, никто меня не отшлепал.’
- (26) Өө, баярлаал ла одоо, <усмешка> гүйжи очезви <смех>.
ø: bair-l-a:l=l ødø:, <усмешка>
 INTRJ радость-VBLZ-CVB.ANT=PART очень

gni-ži *oč-e:-i* . <смех>
бежать-CVB.SIM идти-PTCP.IPF-1SG
‘Оо, очень обрадовалась <усмешка> и убежала <смех>.’

(27) Тыгэжи... тыгэжи явагчисанби.

ti:gi-ži ... *ti:gi-ži*
делать.так-CVB.SIM делать.так-CVB.SIM
jaβ-kč=sam-b'i .
идти-PTCP.SEMEL=PART.PST-1SG
‘Вот так... вот так я жила.’

Список литературы

- Аралова Н. Б., Будянская Е. М., Сюрюн А. А. 2021. Оценка документации языков России, находящихся под угрозой исчезновения. *Итоговые документы, подготовленные в ходе научно-исследовательской работы «Разработка плана и методик сохранения и возрождения языков России»*.
- Иванов В. В., Сюрюн А. А. 2024. Сохранение и развитие хамниганского языка: существующие проблемы и возможности их решения. *Научно-методический журнал «Педагогическое обозрение»*, 3, 46–53.
- Коряков Ю. Б., Давидюк Т. И., Харитонов В. С., Евстигнеева А. П., Сюрюн А. А. 2023. *Список языков России и статусы их витальности*. Монография-препринт. М.: Институт языкознания РАН.

TABULA GRATULATORIA

Наталья Антонова
Елена Будянская
Николай Вахтин
Марина Гасанова
Татьяна Давидюк
Светлана Едыгарова
Константин Замятин
Мадина Каде
Андрей Кибрик
Юрий Коряков
Татьяна Моложавая
Ольга Павлова
Мария Пупынина
Аржаана Сюрюн
Максим Федотов
Ксения Шагал
Lenore Grenoble
Juha Janhunen
Marianne Mithun
Elisabetta Ragagnin

Наталья Аралова
Надежда Булатова
Мария Эмилия Винклер
Илья Грунтов
Анастасия Евстигнеева
Дарья Жорник
Вячеслав Иванов
Ольга Казакевич
Тимофей Корнев
Ольга Мазо
Мехмет Муслимов
Елена Перехвальская
Павел Рыкин
Марина Тэмина
Василий Харитонов
Андрей Шлуинский
Martin Haspelmath
Alfred Majewicz
Hiroshi Nakagawa
Edward Vajda

Сохраняя языки: от грамматики до прагматики
Сб. ст. ко дню рождения Екатерины Юрьевны Груздевой

Оригинал-макет *А. А. Сюрюн*
Дизайн обложки *М.-Э. А. Винклер*

